

Сергей Садов

Дело о неприкаянной душе

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119916
Дело о неприкаянной душе: АСТ, Люкс; Москва; 2005
ISBN 5-17-027754-7, 5-9660-0847-7*

Аннотация

Чертенюк-практикант Эзергиль и его подружка и соперница – девчонка-ангел Альяна – борются за неприкаянную душу, упрямо балансирующую между Добром и Злом...

Борьбу, и без того «чреватую», осложняют «посторонние лица» – туповатый одноклассник Эзергиля по адской школе, его дядюшка, переквалифицировавшийся из демонов в ангелы, – и священник из бывших спецназовцев...

Бедному чертенку противостоит как черт знает что, сама Судьба!

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	46
Глава 4	66
Глава 5	87
Глава 6	112
Часть 2	135
Глава 1	135
Глава 2	167
Глава 3	191
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Сергей Садов

Дело о неприкаянной душе

Часть 1

Неприкаянная душа

Глава 1

Я возвращался с занятий в довольно скверном настроении из-за драки, которая произошла с одним из моих заклятых врагов. Нет, я не жалуясь, но как можно честно драться, когда противник минимум на двадцать килограммов тебя тяжелее? Вот и приходилось мне щеголять с довольно внушительным фингалом. Именно в этот момент я и заметил дядю, который тихонько стоял в сторонке, стараясь не привлекать к себе внимания. Ну... «стараясь не привлекать к себе внимания» – это так, оборот речи. Крылатые где угодно привлекут к себе внимание. Впрочем, и совсем необычным зрелищем это не было. С тех пор как великий правитель и реформатор Горуюн заключил с ними мир, они часто бывают в наших городах. Впрочем, как и мы в их. Вообще-то они зовутся не крылатые. Крылатые – это прозвище. Их так называют

за глаза. Они же нас прозвали хвостатыми.

Дядя вообще-то не слишком желанный гость в нашем доме. Отец даже всем заявляет, что брата у него нет, настолько презирает его за то, что тот подался в крылатые. Говорит, что он позорит всю нашу породу.

– Наша семья известна до пятого колена, – любит повторять отец. – И все мои предки были добропорядочными чертями. И вот один подался в крылатые! Позор на нашу голову!

Хотя я подозревал, что дело вовсе не в этом. Просто моя мама давно ведет неравную борьбу с папаней с целью научить того правильно вести себя за столом. И постоянно приводит в пример его брата. Папе это жутко не нравится. Вот он и ругается на «позор семьи». Только позором это давно уже не считалось. Ибо, как говорил великий Горуян, и мы, и крылатые делаем одно дело. Мы наказываем, они вознаграждают. Так зачем ссориться? И нет позора в том, что кто-то носит крылья, а кто-то хвосты. Перед тяжелой ношей все мы равны. И все ходим под Ним. Об этом «Ним» вспоминать вообще-то не полагается. Он слишком не любит, когда его поминают черти.

Я же, наоборот, всегда радовался дяде. И не из-за подарков, которые тот всегда приносил. Просто... просто с ним мне всегда было хорошо. Но именно сейчас я был готов видеть его меньше всего. Поэтому я постарался прошмыгнуть мимо как можно быстрее в надежде, что тот меня не заметит. Тщетно. Только я понадеялся, что мне все удалось, как

на плечо опустилась дядина рука.

– Вот ты где, Эзергиль.

Я вздохнул и повернулся.

– Здравствуй, дядя Монтирий.

Дядя некоторое время молча рассматривал мое украшение под глазом.

– Надеюсь, ты боролся за справедливость, – наконец заметил он.

– Конечно, нет! Я же черт! – возмущенно завопил я. Не то что я имел что-то против справедливости, но иногда я любил вот так поддеть дядю.

– Узнаю порочное влияние своего непутевого брата! – как обычно завелся он. – Сколько раз я тебе уже говорил...

– ...черт в наказании грешника обязан быть справедливым, как ангел в вознаграждении праведника.

Дядя фыркнул.

– Все шутишь?

– Да нет, дядя. А что случилось? Почему ты здесь? Ты вроде как только на следующей неделе к нам собирался?

– Вообще-то я по делам. В ваше министерство наказаний. – Дядя выругался, помянув чертову бюрократию.

– Ангелы не ругаются, – поддел я его.

– Мне можно. В конце концов, я бывший черт! Могут у меня еще остаться старые вредные привычки? – Но было видно, что он смущен.

– Могут, – простил я его. – А что там в министерстве?

– Да напутали что-то ваши умники. В общем, одну душу по ошибке заграбастали себе. Вот и иду разбираться. А поскольку все равно по пути, дай, думаю, к тебе загляну. Надеюсь, рад будешь.

– Я рад! Ой, я рад! Дядя, а возьми меня с собой? Пожалуйста!!!

Монтирий с сомнением оглядел мой красочный фингал.

– Думаешь, в таком виде будет хорошо?

Я потрогал фингал, а потом жалобно посмотрел на дядю.

– Ну пожалуйста!!!

Дело в том, что наш крылатый родственник работает чрезвычайным курьером. На первый взгляд эта работа может показаться скучной и неинтересной. Ну, подумаешь курьер. Что тут такого? Но все дело в том, что дядя был не просто курьер, а чрезвычайный курьер. В его обязанности входило разрешать противоречия между службами Рая и Ада. Вести переговоры. Поскольку он сам был из бывших чертей, то у них там решили, что с этой работой он справится лучше всех. И, как я слышал, дядя сейчас считается лучшим специалистом. Как-то он пообещал взять меня с собой в министерство наказаний при случае. Ну, сболтнул ненароком (про добавленные в его щи капли бесхарактерности я благо-разумно не рассказывал). А поскольку нарушить свое слово ангелу никак нельзя, то... ну, в общем, ясно. И вот сейчас он пришел выполнить обещание. А тут какой-то синяк!!! С дяди станется отложить поход. Пришлось его уламывать:

– Я ведь почти взрослый! Мне скоро сто двадцать стукнет! Пора бы уже и о профессии подумать. Может, я в министерство работать пойду?

Ангел печально вздохнул.

– Хоть ты и черт, но я тебя все равно люблю. – Это тоже была одна из наших с ним дежурных шуток. – Ладно, раз уж пообещал взять тебя с собой, то обещание надо выполнять. Но это в первый и последний раз!

Я радостно гикнул, подпрыгнув метра на два вверх.

– Не скачи. Дай-ка на твой синяк посмотреть. Стоило бы оставить его тебе в педагогических целях, но сейчас...

Дядя слегка прикоснулся к моему синяку и закрыл глаза. Я почувствовал, как от кончиков его пальцев идет приятное тепло. Через мгновение от синяка не осталось и следа.

– Здорово! – Я потрогал то место, где еще секунду назад красовался фингал. – Вот бы мне так научиться! Подрался, раз – и никаких следов! – Едва я это сказал, как понял, что сболтнул лишнее. Последнюю фразу при дяде точно говорить не стоило. Он все-таки ангел.

– Та-а-ак! Значит, ты хочешь научиться лечить не для того, чтобы помогать, а чтобы скрывать свои проступки?!

– Нет, дядя, конечно, лечить! Я всегда рад помочь, но ведь иногда немножко можно и для себя чего-нибудь сделать.

– Вот она – чертова порода! Сразу видна.

Я рассмеялся. Дядя обличающий выглядел слегка забавно. Становился чуть-чуть похож на грозного Михаила. Вот

уж ангелочек был. Им до сих пор детей пугают, то есть чертенят. Слава Бо... э-э... вот ведь наслушался дядю! Чуть-чуть запретное не произнес. В общем, слава всем, что та пора давно миновала и между ангелами и чертями установился мир.

Дядя на мой смех не обиделся. Только фыркнул.

– Все смеешься? А ведь я серьезно. Использовать свои таланты...

– Дядя, мы идем в министерство или нет?

Тот вздохнул.

– Какой ты нетерпеливый, Эзергиль. – Он взмахнул своими белыми крыльями, обдав меня потоком воздуха. Какая-то сила вдруг подхватила меня, подняла, закружила. Только раз я летал с дядей... Наверное, если я и подамся в ангелы, то только из-за полетов. Кто никогда не летал, тот не поймет моего восторга. Я раскинул руки навстречу ветру. Я хохотал и плакал. Я был ветром и солнечным лучом. Но вот полет оборвался, и мы оба уже стоим на земле. Это нечестно!!! Нечестно!!! Я еще хочу!!! Я хочу летать всегда! Вечно!

– Ау! Мы приехали.

Ну вот! Всегда так!

– Да, дядя, – вздохнул я. Потом осмотрелся. Кто у нас в городе не знает, где находится министерство наказаний? И каждому знакомо мрачноватое великолепие этого здания, возвышающегося над городом. Мы с дядей направились к главному входу, равнодушно миновав очередь душ, которые

выстроились для получения своего. Большинство из них вели себя спокойно. Некоторые пытались бежать. Ну, куда они денутся с подводной лодки, спрашивается? Свернутое пространство неизменно возвращало таких смельчаков на прежнее место. Особый случай были те, кто довольно громко и настойчиво требовал адвокатов. Что ж, думаю, их требования удовлетворят. Как я слышал, у нас тут, в Аду, много адвокатов. Таких можно поселить вместе. В одном котле, так сказать. Хотя лично я считал котлы пережитком прошлого, доставшегося нам еще от средневековья. Сейчас существуют куда более изощренные способы наказания. Стоит только у людей поинтересоваться.

Нам перегородили дорогу два черта с вилами. Дядя молча предъявил пропуск. Те с откровенной злостью уставились на крылья дяди, но возразить ничего не могли. Судя по седине, эти черты были уже глубокие старики. Каждому лет по девятьсот. Они наверняка еще помнили те битвы, что полыхали у нас с ангелами. Им трудно привыкнуть к новому. К тому, что ангелы нам больше не враги. Я же вообще не понимал, чего мы с ангелами делили. Грешники нам, праведники им. Воевать за души людей? Ну глупо же! Нам и так достается больше.

За всеми этими размышлениями я не заметил, как мы оказались в центральном коридоре. Я семенил за дядей, размашисто вышагивающим впереди, и рассматривал мрачного вида стальные двери по бокам. Там, как я знал из занятий

в школе, и находится ТО САМОЕ, ради чего черти и существуют.

Дядя вдруг остановился, к чему-то прислушиваясь. Я едва успел затормозить, чтобы не налететь на ангела, удивленно посмотрел на него и тоже прислушался. Однако из-за двери ничего слышно не было. Нет, способности ангелов все-таки превосходят наши. С другой стороны, большинство своих способностей они никак не могут проявить из-за МОРАЛИ. Слово-то какое.

Дядя подошел к одной из дверей и слегка ее приоткрыл.
– Из-за острова на стрежень, на просто-о-о-о-ор речной волны выплывали расписные острогрудые челны-ы-ы-ы-ы! – музыкально донеслись из-за двери чьи-то пьяные вопли. Дядя заглянул в дверь и остолбенел. Я просунул голову под его локтем и тоже посмотрел внутрь, удивляясь, что могло там так заинтересовать дядю.

В комнате на цепи был подвешен здоровенный котел, под которым весело ревели Непотухающее пламя. Рядом сидел вдрызг пьяный черт с вилами, а в обнимку с ним пребывала душа грешника. В два голоса они и распевали песенку.

– Хорош-ший, ты это... человек, Федя, – заплетающимся языком говорила душа.

– Я... ик... не человек. Расписны-ы-ые... черт я, Ваня. Черт. И вот такова моя чертова доля! Ты думаешь, мне нравится эти чертовы дрова таскать? Шиш! А надо. Долг такой.

– Как я тебя понимаю. Ты вот, думаешь, мне нравилось

при жизни убивать?! Выйдешь с кистенем, бывало, встанешь за углом, а душа кровью обливается. Вот, думаешь, убьешь хорошего человека, а у него дети сиротинушками останутся. И такая жалость берет, хошь вой! А куда деваться?

– Добрая ты душа, Ваня.

– Дык и я о том же. А вот палач мою доброту совсем не оценил.

– Ладно, Ваня. Полезай обратно. Хорошо с тобой, но давай в котел.

– Ик... ага. В баньку, а потом еще грамм по сто.

– Идет.

Дядя молча прикрыл дверь и покосился на меня.

– Ты ничего не видел!

Я пожал плечами.

– Не видел что?

– Ничего, – ответил он и двинулся дальше по коридору.

Наконец мы дошли до кабинета администратора.

– Ты жди здесь! Не стоит смотреть тебе, как взрослые дяди ругаются. – Дядя распахнул дверь и вошел внутрь. – Ну, вы, хвостатые!!! Что вы опять тут натворили?!! Опять все напутали?!!

– Снова ты, Монтирий?! – простонал кто-то из-за двери. – Сколько раз просил ваше руководство назначить кого-нибудь другого!

– Не дождетесь...

Дальнейшее было услышать невозможно, поскольку

дверь, к моему глубокому сожалению, закрылась. Однако не будь я черт, если не смогу подслушать. Я дотронулся до двери, настраиваясь, потом стал осторожно пропускать внутрь свой слух. В тот же миг из двери выросла голова дяди.

– И не подслушивать!

Я показал фантому язык. Хотя и напрасно, наверное. Монтирий наверняка просмотрит запись и увидит это. Ну и пусть. Черт я, в конце концов, или нет?

От нечего делать я стал прогуливаться по коридору, с интересом разглядывая рисунки на дверях. Как ни старался, но так и не нашел двух одинаковых. Зато мимо меня кто-то пронесся с тихим шелестом. Я отпрянул от очередной двери и посмотрел вслед фантому. Хотя нет, тут же понял я свою ошибку, это был не фантом. Только для человеческой души характерно такое сияние. Странно. Что тут делает душа? Сбежала, что ль? Ну, это вряд ли. Такого никогда не было. Да и сияние слишком яркое для души грешника. А если она не грешная, то что делает здесь? Ей в другую сторону. Наверх.

Пожав плечами, я отправился по своим делам. Эх, знать бы, сколько я натерплюсь из-за этой глупой души, то постарался бы забыть о ней в тот же миг. А может, и нет... Но хоть я и черт, будущее видеть не могу.

Вернувшись обратно к кабинету администратора, я застал там дядю и бегающего вокруг него низенького толстого черта.

– Не извольте беспокоиться, Монтирий, ошибка будет ис-

правлена. Мы вернем душу того человека. Вы ведь понимаете, бюрократизм. Ну, ошиблись ребята немного. Не того схватили.

– Я надеюсь, мне возвращаться не придется?

– Да что вы, Монтирий! – В интонации же администратора явственно прозвучало: не дай Боже! – Все сделаем.

Тут я решил, что должен рассказать о гуляющей по коридорам душе. Мне бы молчать в тряпочку. Какое, собственно, мне было до той души дело? Пусть ею занимаются те, кому положено. Но, как я уже говорил, будущее я знать не мог. Я вежливо покашлял, привлекая внимание, и рассказал о встрече. Однако администратора мое сообщение не заинтересовало. Зато заинтересовало дядю. Он вопросительно посмотрел на толстячка. Тот только рукой махнул.

– Ну да, есть такая. Третий день уже тут по коридору мотается. Неприкаянная душа. Никак не определится, куда ей: к вам или к нам. Да и что-то на Земле, видать, ее держит. Иногда и туда возвращается. Надоела уже хуже молитв грешников. Если бы не договор с вами, крылатыми, давно бы уже развеяли ее.

Дядя как-то странно посмотрел на меня, хотя ответил администратору:

– Только попробуйте ее развеять. Я вам тогда такие неприятности обещаю... – Дядя многозначительно замолчал, а администратор сглотнул.

– Да не думаем мы никого развеива... э-э...

Дядя жестом заставил его замолчать и опять посмотрел на меня.

– Когда у тебя начинается летняя практика?

– Э-э, – я начал старательно изучать потолок, – вообще-то завтра.

– И ты уже выбрал себе задание на практику?

– Ну, дядя, я не виноват, что мне ничего...

– Я так понял, что нет. Отлично. Считай, что я тебе практику нашел. Ведь уважаемый администратор не откажет мне в небольшой просьбе?

От его тона администратор покрылся потом.

– Да как можно, уважаемый Монтирий... только у нас не самое лучшее место практики для мальчика...

– Да что бы я отправил племянника на вашу живодерню?! – возмутился дядя. – За кого вы меня принимаете?! Я говорил о другом. Пусть мой племянник займется этой самой неприкаянной душой.

Упс.

– Но, дядя!!! – возмутился я.

– Что «дядя»? Ты хочешь на второй год остаться? Или у тебя есть какое-то другое предложение?

Других предложений у меня не было. Пришлось заткнуться. Тем более наш классный руководитель ясно дал мне понять, что если я до завтра не определюсь с практикой, то он выставит мне «неуд».

– Так вот, – продолжил дядя. – Пусть мой племянник все

выяснит об этой душе. Узнает, почему она никак не может определиться со своим, так сказать, местожительством. Что удерживает ее на Земле? Короче, поможет ей.

– Я черт, а не ангел! Дядя, вам стоит только щелкнуть пальцем, и вы все это будете знать!

– Возможно, и так. Но тогда ты лишишься своей практики. И потом, если мы, старики, целыми днями начнем щелкать пальцами, то вы, молодежь, так ничему и не научитесь. Так как, господин администратор?

– С удовольствием, господин чрезвычайный курьер. На самом деле мы только рады будем, если кто-нибудь разберется наконец с этой душой. А если ваш племянник себя хорошо проявит, то я могу гарантировать ему работу в нашем министерстве.

О-о-о!!!!

– Я согласен!

Дядя поморщился, но кивнул.

– Вот и отлично. Господин администратор, всего вам хорошего.

– Господин Монтирий, вам того же. И не беспокойтесь, я сейчас же оформлю заявку в школу. Имя вашего племянника я знаю.

Из здания министерства я выходил вовсе не такой радостный, как входил в него. Кто ж знал, что дядя подкинет мне такую подлянку? С другой стороны, место практики мне надо было найти обязательно. Так что жаловаться не на что.

Хотя нет, есть на что! Я же ведь черт! Полагается, что я должен совращать людей. А я что должен буду делать на летней практике? Помогать! Вот именно! Помогать этой чертовой душе обрести покой. Дожили! Нет, великий Горюян явно такого не ожидал, когда затевал свои реформы. Ладно, могло быть и хуже.

– Ну что, полетели теперь домой?

Как обычно, упоминание о полете вмиг вернуло мне хорошее настроение. Может, действительно, как и дяде, в ангелы уйти? Никакими словами не описать то чувство пьянящего восторга, которое охватывает тебя, когда ты паришь в вышине над городом.

Не дожидаясь моего согласия (а чего его ждать, будто дядя меня не знает), он подхватил меня, и вот мы уже мчимся над землей. Под нами мелькают деревья, дома. Махонькие черти кажутся смешными с такой высоты.

Заложив крутой вираж, ангел пошел на снижение. Только тут я разглядел, что мы, собственно, уже подлетаем к нашему дому. Как всегда, полет показался мне слишком коротким. Это несправедливо!!! Почему, в конце концов, только ангелам даны крылья? Чем мы, черти, хуже?

Дядя последний раз взмахнул крыльями и опустился на лужайке перед нашим домом.

– Ну что, ты меня приглашаешь?

Еще одно дурацкое правило ангелов. Никогда ни в чей дом они не войдут без приглашения. В общем-то мы тоже не

можем. Люди правильно говорят, что черт не приходит без приглашения... только забывают, что и ангел джентльмен. Его тоже полагается впустить в себя.

– Конечно, дядя, – кивнул я, распахивая перед ним дверь. Тихонько тренькнул колокольчик, возвещая о нашем приходе. Монтирий одобрительно кивнул. Аккуратно протер появившейся непонятно откуда у него в руке тряпочкой обувь.

– Ну, веди. Где у вас все? Впрочем, что я спрашиваю. Зная своего братика, могу предположить, что он на кухне. Как обычно, сидит в рваных штанах и грязной майке и жрет.

– Ест, – поправил его голос нашего домового.

– Жрет! – отрезал дядя.

Представив отца за едой, я вынужден был согласиться с дядей. Отец не ел, он именно жрал.

– Нафаня, – попросил я домового, – сообщи всем, что у нас гости.

– Уже, – раздался голос невидимки. – Вас ждут на кухне, где хозяин дома изволит вкушать пельмени.

Дядя фыркнул. Движением руки он заставил свои крылья исчезнуть. Оправил свой белоснежный костюм и зашагал в сторону кухни. Я поспешил следом.

Нельзя сказать, что мои родители обрадовались приходу дяди. Отец, как обычно, сидел за столом в грязной майке и ел пельмени руками. При виде дяди он рыгнул и поспешно вытер руки о майку. Мама поморщилась.

– Дорогой братик, – кисло приветствовал дядю отец. –

Что-то давно тебя не было.

Дядя в своем великолепном белоснежном костюме смотрелся рядом с отцом как принц перед бомжем. Он величественно кивнул всем, галантно поцеловал руку маме и аккуратно присел за стол. Отец при виде этого нахмурился. Да, контраст между отцом и дядей был разителен.

– Да дела все, дорогой братик. – Обращение дядя явно скопировал у отца, но сделал это с какой-то аристократической издевкой. Именно так, с аристократической, как любит повторять мама.

– Гоша, вытри руки о полотенце! – попросила мама.

Отец удивленно посмотрел на нее.

– Зачем? Майка ближе. И она к этому привыкла. Так зачем ты пришел, братик?

– Гоша? У тебя новое имя? Ладно, не важно. Пусть будет Гоша. Я не затем пришел.

Я аккуратно пристроился в углу и с интересом стал прислушиваться к разговору. Сегодня вечер обещал быть очень удачным. Что может быть приятней для чертей, чем ссора в семье? Правда, если только не ты объект ссоры.

– Я пришел поговорить о твоём сыне.

Упс! Кажется, сглазил. Пора смываться. Я осторожно направился к выходу и столкнулся со своим старшим братом.

– Ты че здесь? – хмуро спросил он. Брат был старше меня почти на двести лет. Считал себя важной персоной, хотя служил всего лишь разносчиком почты в министерстве ин-

формации. Его появление привлекло внимание и дяди.

– Эзергиль, это куда ты? Здравствуй, Зорег.

– Дядя, – кисло кивнул мой брат. Дядю он не любил еще больше, чем отца. Не любил с того дня, как дядя оттащил его за уши, когда братик попытался украсть у него крылья лет двести пятьдесят назад. Нет, Зорег не злопамятен. Он просто злой. Да и на память еще не жалуется.

– Так вот, я хочу с вами поговорить о вашем сыне Эзергиле. Дорогой братец, ты в курсе, что у твоего сына с завтрашнего дня в школе начинается летняя практика? И ты, конечно, в курсе, что если он не пройдет ее, то останется на второй год.

– Серьезно, что ли? – изумился отец. – Сын, ты же мне ничего не сказал? Мы бы нашли тебе местечко для этой... как ее? Практики.

– Я уже взрослый! – обиженно зашипел я. – Мне уже почти сто двадцать лет! Через шестьдесят лет я получу свой хвост.

– А рога получишь после женитьбы, – заржал мой брат.

Я поморщился. От плосковатых шуток братца порой становилось тоскливо. Хотя лично он считал, что плоские шутки, то что надо. Дядя же свысока глянул на Зорега, но от комментариев воздержался.

– Практику вашему сыну я нашел. В министерстве наказаний. Он должен помочь одной заблудшей душе...

– Что!!! Помочь?!! Он же черт!!! Он не помогать должен!

Он должен, наоборот, завлекать людей, дабы забирать их души! Вот я помню, как за одним святым охотился. – Отец издал смешок. – Давно это было. Святой, святой, а как я монетки показал, так сразу и не святым оказался.

– Ага, – кивнул дядя. – Только ты забыл рассказать, как от архангела Михаила потом улепетывал, под чьим покровительством тот святой и находился. Даже хвост свой потерял. Две недели на Земле прятался, пока я тебя не отыскал. А хвост так и остался трофеем у Михаила.

– Пап, ты мне это не рассказывал, – встрял я.

– А ну цыц! – рявкнул отец. – Монтирий, ты бы постыдился при сыне так отца срамить!

Дядя эту жалобу проигнорировал.

– Так как насчет практики?

Отец тяжело вздохнул.

– Он же черт, – опять повторил он.

– Вот и отлично. Научится разбираться во взаимоотношениях людей. И ведь практика в министерстве наказаний!

Этот аргумент отца убедил. Еще бы! Какой черт не мечтает поступить на работу в это престижнейшее учреждение Ада? А какой туда конкурс!!!

– Ладно, что от меня-то надо?

Дядя тут же щелкнул пальцами, и на столе материализовался листок бумаги.

– Вот, оформи заявку.

Отец покосился на меня, вытер руки о майку и стал пи-

сать. Подписался. Дядя моментально выхватил листок и прочитал его.

– Стараешься, – похвалил он моего отца. – Всего пара дюжин ошибок. Молодец. – Дядя опять щелкнул пальцами, и листок исчез. – Ну вот. Заявку я отправил. Эзергиль, не подведи меня. Я ведь лично за тебя просил.

Он лично за меня просил. Ха! Видел я, как он просил. «Мне нужно вот это и это. И БЫСТРО!!!»

Я убито кивнул.

– Да, дядя Монтирий.

– Вот и хорошо. Завтра перед началом твоей практики я с тобой еще встречусь. Братик, до свидания. Не скучай без меня. Мадам. – Дядя снова повторил свой подвиг, поцеловав моей маме ручку уже на прощание, чем привел ее в совершенный восторг. У отца же хвост встал дыбом. Он что-то буркнул в адрес крылатых, которые слишком много о себе воображают. Дядя ехидно ему поклонился и исчез.

– Вот зануда, – буркнул мой брат ему вслед.

– И вовсе он не зануда, – заступился я за дядю.

– А ну цыц! Оба! – рявкнул отец. Потом печально вздохнул. – Родню не выбирают. И угораздило же в семье добропорядочных чертей родиться такому уроду!

Я счел за лучшее как можно быстрее исчезнуть с кухни. Распространяться по поводу своего непутевого родственничка отец мог часами. Нет, слушать его бывает занятно. Но только если слушаешь все это первый раз. Или второй. Или

третий. Ну, на худой конец – четвертый. Но когда все это повторяется уже в сто четвертый раз, то становится тоскливо.

– Спокойной ночи, – пожелал я всем из-за двери. Это был самый верный способ отделаться от отцовской лекции.

– Ребенку завтра рано вставать! – тут же вмешалась мама. – Иди, деточка, иди. Отдыхай. Умаялся за сегодня.

Я благоразумно воздержался от ответа и поспешил исчезнуть в своей комнате. Завтрашний день обещал быть очень веселым.

Глава 2

В школе, как обычно, вместо приветствия я огрел портфелем своего заклятого врага Ксефона и тут же спрятался за морок. Ксефон никогда не был силен в наваждении, поэтому я не боялся, что он меня увидит. Из-за морока я с интересом наблюдал, как Ксефон вертится волчком, пытаюсь разглядеть, кто его ударил.

– Эзергиль, сволочь ты этакая! Я ведь знаю, что это ты?! А ну выходи!

Щаз-з, побежал уже.

– Пользуешься тем, что я не очень силен в наваждении!

И кто в этом виноват? Я, что ли? Учиться надо, а не по кафе бегать. По части сбегания с уроков Ксефону равных не было. С другой стороны, он почему-то ходил в любимчиках нашего классного руководителя!

– Ну погоди, дождешься у меня.

Я создал свое подобие и заставил его на миг показаться из-за морока. Потом направил его к выходу.

– Ага, – злорадно прошептал Ксефон. – Ты и сам не такой уж ловкач, каким хочешь показаться.

Он осторожно стал красться за еле заметным облачком морока, за которым, по его мнению, скрывался я.

– Ну, держись! – завопил он, бросаясь в атаку. Естественно, мой образ на его храбрый бросок никак не прореагиро-

вал. Ксефон же, пролетев сквозь него, впечатался носом в бюст Горюяна. – У-у-у-у!!!! – завыл он.

Я уже сдерживаться не мог и расхохотался. Морок, естественно, рассеялся. Ксефон с откровенной ненавистью уставился на меня. Однако хуже всего для него было то, что его позор видели еще несколько одноклассников. А значит, скрыть его не удастся. Эти свидетели сейчас и присоединились к моему смеху.

– Ловко тебя надули, Ксефон, – заметила Кленни, хихикающая. – Говорили ведь тебе, учи наваждение.

Ксефон, что-то сердито бурча себе под нос, направился к двери класса, волоча за собой портфель и потирая красный и опухший нос.

– Ты бы к врачу ходил, – посочувствовал я ему. Вчерашний мой синяк был отомщен.

– А пошел ты... ангелочек! – рявкнул он.

Назвать какого-нибудь черта ангелом... это было страшное оскорбление. Я уже хотел было броситься в драку, но тут появился наш классный. Он оглядел всех нас с высоты своего гигантского роста, помахивая хвостом, украшенным элегантной кисточкой. Поправил очки.

– Так, – прокаркал он. – Эзергиль, опять ты хулиганишь?

– А что я? – праведно возмутился я. – Вы слышали, как он меня назвал?!

Собравшиеся вокруг одноклассники подтвердили мою правоту.

Учитель холодно оглядел всех. Вокруг мгновенно установилась тишина.

– С учетом одного твоего родственничка, – усмехнулся он, – в этом нет для тебя ничего оскорбительного.

Я насупился. Мой дядя – это мой дядя. А я – это я. Но спорить с учителем себе дороже.

– Да, господин Викентий.

Тот, кажется, даже был разочарован моей покладистостью. Еще бы, лишился такой возможности наказать неугодного ученика. Викеша, наш классный руководитель, почему-то невзлюбил меня с первого взгляда, хотя и поделаться со мной ничего не мог – я был в пятерке лучших учеников школы, участвовал в нескольких олимпиадах и даже один раз взял второй приз. Поэтому директор школы приказал всем учителям помогать мне на занятиях в случае необходимости. Так что с этой стороны Викеша ничего не мог мне сделать – любое снижение моей успеваемости по его предмету немедленно вызывало разборку с директором. Тогда, с присущим всем чертям коварством, он, наоборот, стал завышать мне оценки в надежде, что я расслаблюсь, перестану учить его предмет, получая пятерки на халяву. А вот фиг ему. Возможно, я немного и лентяй, но вовсе не дурак. Едва я понял план нашего классного, так сразу засел за занятия по его предмету с удвоенной энергией. А после каждого ответа я сам выставлял себе оценки, оценивая себя весьма критически. Поэтому по своей шкале я был твердый хорошист. Ну,

может, еще небольшой плюстик наличествует. Зато классный журнал украшали пятерки с двумя, а иногда и с тремя плюсами. Понятно, что на самом деле учителя звали именно Викентий. Викеша – это я так называл его про себя.

– Так, ладно, концерт окончен! Все в класс. Вы помните, что сегодня последний день занятий? Значит, будете получать табели. В класс, дети, в класс.

Веселой гурьбой мы ввалились в класс и заняли свои места. Последним вошел Викентий. Он подошел к своему столу и раскрыл журнал.

– Итак, – заговорил он. – Вот и подошел к концу еще один учебный год. Пятьдесят лет назад семидесятилетними малышами вы вошли в этот класс. С тех пор вы многое узнали и многое поняли. Однако этот год важен в вашей жизни совершенно по другой причине. Этим летом вы впервые должны выполнить практические задания. Без отметки о прохождении этих занятий вы не будете переведены в следующий класс, и вам придется остаться на второй год. Что значит практика для чертей, объяснять не буду. Поэтому я с сожалением должен сообщить, что один из вас до сих пор не подал мне сведений о том, где он будет проходить практику.

Под прямо-таки ледяным взглядом учителя я поежился.

– И если этот кто-то в течение десяти минут так и не подаст заявку, то я вынужден буду поставить ему «неуд».

Ну где же ты, дядя, чуть ли не взвыл я. В тот же миг на столе у классного руководителя материализовался какой-то

свиток. Некоторое время он озадаченно разглядывал его.

– Прошу прощения, срочная почта, – пробормотал он. Взяв свиток, он некоторое время изучал его. – Ничего не понимаю, штамп министерства наказаний. – Викентий развернул свиток и углубился в чтение. Вот его лицо перекошилось, и он уставился на меня. – Эзергиль! – рявкнул он.

Я поспешно вскочил.

– Да, господин Викентий.

Учитель опять скривился.

– Это из министерства наказаний. Заявка на некоего ученика нашей школы Эзергиля для прохождения летней практики.

Спасибо тебе, дядя.

– И нечего ухмыляться! – совсем рассердился учитель. – Раз уж тебе, неизвестно по какой причине, выпала такая честь, то не посрами нас. Хотя чего тебя просить, ангелочек.

Класс замер. Я покраснел. Учитель подошел к столу и попытался опуститься на стул. Попытался потому, что в последний миг стул вдруг отодвинулся, и господин Викентий опустился на пол.

– Эзергиль!!! – заорал он, вскакивая с пола под общий хохот класса.

– А-а? – Я отвлекся от изучения пейзажа за окном и недоуменно уставился на учителя честными глазами. Пусть докажет, что это я. Не будет же он наказывать весь класс?

Викентий тоже сообразил, что у него нет никаких шансов

доказать мою вину.

– Сядь, – рявкнул он. Я поспешно опустился на место. – Итак, раз все определились, то я зачитаю список класса. Кого называю, тот подходит ко мне и расписывается в получении табеля.

Викентий опять попытался сесть за стол. Покосился на меня и остался стоять. Взял журнал. Я находился практически в конце списка и поэтому со скучающим видом смотрел, как одноклассники подходят к учителю, расписываются в ведомости. Девочки потом делали реверанс, мальчики легкий поклон учителю и возвращались на место.

– Ксефон, – возвестил Викентий. – Ксефон, ты проходишь практику у меня. Задание получишь позже. Задержись после занятий.

Конечно, кто бы сомневался. Разве Викентий позволит своему любимчику не сдать практику? А такой шанс достаточно велик, если он будет проходить ее где-то на стороне.

Ксефон, услышав, что ему придется после занятий задерживаться в школе, скривился. Болван даже не понял, что для него это к лучшему.

– Эзергиль, – наконец услышал я свое имя. Я поспешно подошел к столу учителя. Расписался в ведомости. Викентий сверился со свитком. – Тебе сегодня надлежит явиться к четырем часам в главное здание министерства. Центральный вход. Вот пропуск.

Я молча принял пропуск и вернулся на свое место. Ак-

куратно сел. В последний миг стул попытался вынырнуть из-под меня, но я был настороже. Стул только дернулся, но остался на месте. А вот я в учителе разочаровался – повторять ту же шутку, что провернул ученик... фи. В этом нет стиля. Он мог бы придумать что-нибудь получше. Я сделал вид, что ничего не заметил. Викентий покраснел.

– Занятия окончены, – возвестил он и выскочил из класса.

Тут же все зашумели. Меня обступили со всех сторон. Посыпались вопросы.

– Счастливчик, – шумели вокруг.

– Эзергиль, признавайся, как тебе удалось заполучить это славное местечко для практики? В самом министерстве наказаний!

– Да, повезло. А чем ты будешь там заниматься? Сортировкой грешников? Вряд ли. Работа ответственная. Там надо взвесить вину каждого и назначить соответствующее наказание.

– Наверное, дрова под котлы подкладывать заставят, – буркнул Ксефон, но его никто не слушал. Сегодня определенно был не его день.

Я же вдохновенно врал, отвечая на сыпавшиеся со всех сторон вопросы:

– Счастливчик? Что значит счастливчик? Кто счастливчик, а кто долго и напряженно готовился. Я еще в начале года написал письмо в министерство, потом проходил разные тесты. Меня отобрали из сотни... нет, тысячи кандидатов. А

вчера я лично был в министерстве у администратора, и мне сообщили, что я прошел конкурс. А вы говорите – счастливчик.

– У-ух, – восхищенно вздохнул класс.

– Э-эх, – возмутился Кронт. – И ты мне ничего не сказал?

Я бы, может, тоже прошел?

Это я оставил без комментариев. Только свысока оглядел Кронта, явственно дав ему понять, что думаю по поводу этого заявления. Да он и сам это прекрасно знал.

– Чем заниматься буду, – продолжил я врать, – еще не знаю. Но возможно, сам администратор возьмет меня к себе в помощники. – Тут я понял, что заврался, и поспешил поправиться, пока не разоблачили. – Ну, это я, конечно, загнул. Однако скорее всего буду работать вместе с ним. Почту там сортировать, личные дела грешников просматривать.

– У-ух, – опять раздался общий восхищенный вздох.

– Ну ладно, ребята, – я кивнул всем, изобразив важного господина. – Сами понимаете, мне пора. К четверем быть в министерстве, а до этого еще надо подобрать одежду подходящую, дела разные переделать. Пока.

Я поспешно выскочил в коридор и кинулся в сторону. И вовсе не к выходу. Как я и подозревал, за мной помчались несколько ребят. Из-за угла я проследил, как они в попытке отыскать меня направились к главному выходу из школы. Во главе компании я углядел Ксефона. Мысленно посмеиваясь над ними, я направился к черному ходу. С какой целью

Ксефон и его компания бросилась за мной, догадаться было нетрудно. Нет, сегодня определенно не его день.

Проходя мимо кабинета директора, я услышал голос нашего классного. Разве я мог упустить такую возможность? Прощмыгнув в приемную, я тут же спрятался за шкаф.

– Господин директор, это возмутительно! Он ведет себя вызывающе! Совершенно не уважает педагогов!

О ком это Викеша?

– Господин Викентий, я вас не понимаю. Об этом ученике от других учителей я слышал только хорошее. И вы знаете, какая честь оказана нашей школе? Его вызвали проходить практику в самом министерстве наказаний.

Ого, а разговор-то, похоже, обо мне. Становится все интересней и интересней.

– Об этом я и хочу поговорить. Я не считаю, что такой несобранный, невоспитанный черт сможет должным образом поддержать честь нашей школы.

– Ну, полно вам, господин Викентий. Он один из лучших учеников.

– И тем не менее я настаиваю на том, чтобы сменить его. Я могу предложить вам другого кандидата. Воспитанного, толкового.

– Господин Викентий, мне кажется, вы не совсем понимаете. Это была конкретная заявка. Ни вы, ни я ничего поменять здесь не можем, даже если бы я и хотел это сделать. Никак не пойму вашего плохого отношения к этому ребен-

ку. Он толковый мальчик. Можно сказать, даже талантливый. Поверьте мне, он далеко пойдет.

– Господин директор, я... я тогда настаиваю на проверке. Раз мы ничего не можем сделать с переназначением, то я настаиваю, чтобы была проверка.

– Что вы хотите?

– Узнать его задание на летней практике и попытаться ему помешать. Если Эзергиль и правда так хорош, как вы о нем говорите, то он справится.

– Господин Викентий, вы забываетесь! Вы считаете... а впрочем... – Директор вдруг замолчал и задумался. Я затаил дыхание. Еще бы, ведь сейчас решалась моя судьба. Интересно, каковы мои шансы, если против меня выступит Викентий. Это не по правилам!!! – Это не по правилам, – словно прочитал мои мысли директор. – Кстати, а кого вы хотели отправить на практику в министерство вместо Эзергиля?

– Ксефона, господин директор. Толковый парнишка, настоящий черт.

– Ага, знаю-знаю. Наслышан. – В голосе директора не было никакой радости от того, что он слышал об этом протеже Викентия. – Вот что, господин Викентий, вы, видно, забыли древнее правило. Учителя не могут вмешиваться в практику своих воспитанников. Ни вы, ни я, никто не может это сделать. Задание дети должны выполнять самостоятельно. Однако ваша идея мне понравилась. Как я понял, вы предлагали вместо Эзергиля Ксефона? Отлично. В таком случае я на-

значаю Ксефону задание. Пусть он помешает Эзергилю выполнить его практику. И если этот Ксефон так хорош, как вы говорите, то он без труда справится с этой задачей.

– Господин директор!..

– Что? Разве несправедливо? По-моему, справедливо. Ваш протеже против моего. Более того, я готов поставить на успех Эзергиля две тысячи монет. Вы готовы поддержать мою ставку?

– У Эзергиля нет никаких шансов против Ксефона. Ксефон настоящий черт, а Эзергиль не поймешь кто. Ангелочек!

– Господин Викентий, не оскорбляйте учеников в моем присутствии. Вы готовы поддержать ставку?

– Вы можете попроситься со своими монетами. Но только не вмешивайтесь в это дело на стороне Эзергиля.

– А вы на стороне Ксефона. Скрепим наш договор кровью. Судя по возникшей паузе, Викентий как раз и собирался вмешаться на стороне Ксефона. Однако нарушить договор, скрепленный кровью, он не осмелится. Я самым внимательным образом прослушал те пункты, которые внесли Викентий и директор в договор. Еще бы мне не слушать – от этого напрямую зависел успех моей практики. В конце я едва не завопил от восторга. Договор исключал вообще какое-либо вмешательство со стороны спорщиков. Они не могли воздействовать на наше противоборство с Ксефоном ни прямо, ни косвенно. Не могли никому даже сообщить о споре до его

прекращения после победы одной из сторон иначе, чем по взаимной договоренности и согласии обеих спорящих сторон. Не могли никого нанять для вмешательства. Нет, о директоре я всегда был высокого мнения, но после подобного оно поднялось еще выше. Как я ни старался, но так и не смог придумать ни одного способа обойти этот договор. А раз вмешательство в спор со стороны Викентия мне не грозило, то с Ксефоном я разберусь и сам. Судя по недовольству, звучащему в голосе Викентия, он тоже понимал, что его вмешательство в спор исключили напрочь.

– Можно было и не так сделать.

– Можно и не так, – согласился директор. – Итак, я позвоню в министерство наказаний и сообщу им о возникшем споре. Думаю, они согласятся предоставить допуск вашему Ксефону. А там уж пусть он действует сам.

– А вы ничего не можете сказать Эзергилю! По условию договора вы не можете ему ничего говорить о споре.

– О, не переживайте, господин Викентий. От меня Эзергиль ничего не узнает. Ни от меня, ни от кого другого. Однако как бы он не узнал все от вас.

Викентий фыркнул и вышел из кабинета. На миг я испугался, что он меня увидит, но учитель выскочил так быстро, что вряд ли меня разглядел.

– Любишь подслушивать? – раздался вдруг веселый голос.

Я вздохнул. Раз застукали, то прятаться смысла не имеет. Я вышел и виновато опустил голову.

– Ты тут виноватого мне не строй, – усмехнулся директор. – Все равно не поверю. Спрашивать, все ли ты слышал, я не буду. И так знаю, что все.

– А как вы узнали, что я тут?

– Ха, хочешь это знать? Пожалуйста. Рановато вам, молодым, еще тягаться со старой гвардией. Парень ты, конечно, талантливый, но... Вот смотри. Видишь этого паучка? Думаешь, я зря запрещаю его уборщице смахивать? Он сидит себе в углу и плетет себе свою паутину. А я вижу все, что видит он. Теперь понял?

– Понял, – вздохнул я. Как же я не подумал, что директор может присматривать за своим кабинетом, даже если его в нем нет? «Самонадеянный болван», – обругал я себя.

– В таком случае поговорим о более важных делах. Раз уж ты все узнал о нашем споре... причем не от меня, а от, – тут директор фыркнул, – самого Викентия, то я ничего не нарушу, если кое-что объясню тебе. Викентий несколько напыщен и имеет слишком высокое мнение о своих способностях. Думаю, проучить его будет полезно. Ты видишь, как я верю в тебя? Я даже поставил на твою победу две тысячи монет. Эзергиль, не разочаруй меня.

– Чтобы я проиграл Ксефону? Этому болвану? Да никогда. Только, господин директор, а что я получу за свою победу? Вы получаете две тысячи монет, а я? Только отметку о прохождении практики? Не пойдет. В тот момент, когда вы заключили пари с Викентием, дело уже перестало быть

обычной школьной практикой.

Директор вдруг расхохотался.

– И этот болван еще сомневался, что ты истинный черт. Ты получишь четвертую часть моего выигрыша плюс гарантированную пятерку по моему предмету в следующее десятилетие. Идет? Идет?

– Идет. Заключим договор?

Мое предложение привело директора в еще больший восторг.

– Нет, парень, с тобой меня разочарование не ждет. Скорее, ждет разочарование Викентия и его протеже. Заключим.

Через десять минут я выходил из школы в приподнятом настроении. Нет, в том, что теперь у меня под ногами будет путаться Ксефон, стараясь всячески мне помешать, ничего хорошего не было. Мое задание и так было не слишком привлекательно, а тут еще одна нагрузка в дополнение. Но если я все сделаю нормально... Да, плюсов все равно было больше.

Задумавшись, я совсем забыл о Ксефоне и его компании. Подслушивая разговор в кабинете директора, я задержался в школе гораздо дольше, чем рассчитывал. Ксефон же с компанией, судя по всему, все это время усиленно разыскивали меня по всему школьному двору. И выглядели они довольно злыми. Впрочем, если смотреть на их поцарапанные физиономии и порванную одежду, причины быть злыми у них были. Похоже, они меня искали в зарослях. Думали, я там прятался. Идиоты. Впрочем, кто тут идиот, будет ясно в бли-

жайшие пять минут. Если я что-нибудь не придумаю за это время, то буду выглядеть гораздо хуже, чем они сейчас.

– Вот вы где, – сразу перешел я в наступлении. – Наконец я вас нашел. Вы что тут, в прятки играть вздумали? Совсем спятили? Я вас везде ищу.

Ксефон со товарищи замерли и ошарашенно уставились на меня.

– Ну, чего смотрите?! – разозлился я. – Вас господин Викентий обыскался! Уже громы и молнии мечет. Говорит, что если вы не появитесь в течение десяти минут, то можете забыть о практике. Ксефон, это тебя касается.

– Ты че гонишь? – поинтересовался Ксефон.

– Совсем плохой стал? – участливо поинтересовался я. – Ты помнишь, что тебя господин Викентий просил после занятий остаться? Или память напрочь отшибло? – Я демонстративно посмотрел на часы. – Впрочем, если вы думаете, что я шучу, то можете подождать еще четыре минуты и посмотреть, что из этого выйдет.

– Эй, а ты нам тут случайно хвосты не крутишь? – осведомился один из компании Ксефона.

Ого, а у Ксефона в приятелях есть один соображающий. Неожиданно. Но ничего, долго не задержится.

– Я! – искренне возмутился я. – Я ведь первым из класса вышел, а ухожу последним! Вам это ни о чем не говорит? Где я, по-вашему, пропадал все это время? Утрясал мелкие вопросы со своей практикой. А потом Викентий попросил

вас разыскать. Уяснили?

Ксефон явно занервничал.

– Ладно, ребята, мне пора. Я побежал. – Он сорвался с места и бросился в школу.

– А вы что ждете? – повернулся я к троице друзей Ксефона. – Впрочем, я не уверен, что господин Викентий разыскивал и вас. Очень возможно, что его «куда эти придурки подевались» к вам не относится.

Через мгновение я разглядывал только спины уносящихся в сторону школы друзей Ксефона.

– Идиотизм – это навсегда, – прокомментировал я это зрелище. – Но как они точно все поняли. Сразу сообразили, что придурки – именно о них.

Настроение поднялось еще выше. Насвистывая веселый мотивчик, я покинул территорию школы и зашагал в сторону стоянки такси.

Около дома меня дождался дядя.

– Как все прошло в школе? – поинтересовался он.

– Великолепно! – на полном серьезе воскликнул я. – Только возникла одна проблема.

Я рассказал о подслушанном разговоре в кабинете директора. О нашем с ним договоре я благоразумно умолчал. Все-таки дядя – ангел. Он может это все немного неправильно понять. Дядя нахмурился.

– Подобное у вас в порядке вещей?

– Что «подобное»? Спор? Конечно. Спор – это же чисто чертовское занятие. Ведь недаром говорят на Земле: «Кто спорит, тот черту душу закладывает».

– Я не об этом, – поморщился дядя. – Думаешь, я не знаю про спор? Помню еще. Я про эту твою проверку. При мне такого не было.

– И при мне. Сам впервые услышал. Но, в конце концов, помешать кому-то выполнить его работу – это ведь чертовски чертово дело. Все нормально.

– И тебе это нравится?

– Ну... я бы так не сказал. Однако это состязание с Ксефоном заботит меня в последнюю очередь.

Дядя задумчиво оглядел меня.

– Ладно, я еще подумаю. Только все это мелочи по сравнению с неуспокоенной душой. Ты понимаешь, как она страдает? И твой долг, между прочим, помочь ей.

– Помочь ей – это ТВОЙ долг, – возразил я, – который ты просто переложил на меня.

– Ничего, разнообразить свои действия полезно. Не все же вам, чертям, вредничать. Надо что-нибудь и хорошее сделать.

– О да, – скривился я. – Скажи кому, какое у меня летнее практическое задание, так засмеют. Но ладно. Думаю, полезное что-нибудь можно извлечь и из этой ситуации.

– Полезное будет для тебя то, что ты поможешь несчастной душе страдающего человека. Одно это должно заставить

тебя чувствовать себя лучше.

– Конечно, дядя, – кивнул я. Не спорить же с ним? И сообщать о пятистах монетах, что я получу в случае успеха своей практики, ему не стоит. – Ты даже не представляешь, насколько я буду удовлетворен, если смогу помочь той несчастной страдающей душе.

Дядя долго смотрел на меня, но ничего подозрительного в моих честных глазах не разглядел. Поэтому ограничился только кивком.

– Я тебя зачем, собственно, искал. Вот тебе моя визитка. Помощь страдающей душе – дело тонкое. Тебе наверняка может понадобиться помощь различных служб Рая. Конечно, по договору, они и так обязаны будут тебе помочь по предъявлению тобой твоего школьного задания, но, думаю, моя помощь существенно ускорит все бюрократические тонкости.

– Вот спасибо! – искренне обрадовался я, пряча визитку.

– И не подведи меня. Я искренне надеюсь, что не подведешь.

Никак дядя тоже с кем-то поспорил, мелькнула у меня ехидная мысль. Впрочем, мысль эта как мелькнула, так и пропала. Ангелы не спорят. Спор – это только чертовское занятие. Скучно они все-таки там живут у себя в Раю. Это нельзя, то нельзя. С другой стороны, у нас запретов не меньше. Ладно, у меня сейчас дела поважнее есть, чем проводить сравнительный анализ Ада и Рая. Времени до начала прак-

тики остается все меньше и меньше. Я сердечно попрощался с дядей и поспешил домой. Надо успеть поесть, переодеться – и в министерство. А вот дальше уже все зависело только от меня.

– Эзергиль!!! – Рев родного братика спутать с паровозным гудком, конечно, можно, но я был уверен, что паровозного гудка у нас в квартире нет. Значит, это был рев именно моего брата, а не гудка. Придя к такому нехитрому умозаключению, я направился в его комнату.

– Да?

– Ты помнишь, что завтра твоей сестре исполняется семьдесят лет?! Ты подарок ей приготовил? Между прочим, осенью она пойдет в первый класс!!!

Я подозрительно покосился на брата. Подобная забота о сестренке слишком необычна для него. Тут я разглядел на его столе записку от родителей. Ага, все ясно. Они накрутили хвост ему, а он теперь отыгрывается на мне. Благогородного строит. Однако с подарком действительно стоит поторопиться. Где бы его взять?

Я зашел в свою комнату и задумчиво огляделся.

– О! – Я поднял вверх указательный палец. Потом бросился разгребать свои вещи. Где-то со дна последнего ящика шкафа извлек плюшевого чертенка. Поскольку я не слишком много в свое время с ним играл, то выглядел он почти как новый. Только пыль отряхнуть. Вот теперь отлично. На всякий

случай я его еще обновил, проведя по чертенку рукой. Теперь действительно отлично. Сестренка до этого ящика еще не добралась, так что видеть этого чертенка у меня не могла. Но чего-то не хватает...

Я почесал затылок и снова оглядел разбросанные по полу вещи. Мой взгляд наткнулся на изорванную куклу школьница. Эту куклу в свое время где-то раздобыл отец и приволок мне. Кукла, конечно, никуда не годится, а вот ее портфель...

Мгновенно оторвав у куклы портфель, я приклеил его к спине чертенка моментальным клеем. Потом достал из ящика миниатюрную записную книжку и засунул ее внутрь ранца, чтобы торчал только уголок, и тоже ее там приклеил. Теперь еще один последний штрих... Оторвав фуражку у игрушечного почтальона, я ее водрузил на голову своего подарка.

– Вот, чертенок идет в школу! – оглядел я свое творение со всех сторон.

Подождав, когда клей просохнет окончательно, я понес его в общую залу и сложил на груде общих подарков с приличествующей случаю запиской. Мама, увидев этот подарок, удивленно охнула.

– Ой, какая прелесть! Эзергиль, где ты купил такого? Там еще есть? Подружкам такого симпатягу подарить бы.

Сориентировался я мгновенно.

– Ой, мама, я последнего взял, там уже нет такого. Чуть ли не из рук покупателя вырвал. Пришлось даже переплатить за него. Но для любимой сестренки ведь старался.

Мама умильно оглядел меня.

– Какой ты милый мальчик, Эзергиль. И как сестру любишь. Я рада, что вы живете так дружно.

Угу, люблю я сестру. Ну, ничего не могу с собой поделатъ. Очень уж нравятся мне сестры под маринадом. Или под чесночным соусом. Нет, сестренка под чесноком – это перебор. Она и так слишком остра на язык... укоротить бы его немного...

Так, тпру, это не в тему. Увлeкся. Но ведь так хочется помечтать...

– Мама, – поспешил я перевести разговор с опасной темы. – Мне сегодня к четырем надо явиться в министерство наказаний для прохождения практики.

– Да, – рассеянно кивнула мама, укладывая подарки сестры аккуратной горочкой. – Мне твой дядя уже позвонил. Твой костюм в зале. И перед выходом расчешись, Эзергиль. На твою голову больно смотреть.

Не вступая в спор, я отправился в зал. Отец еще был на работе, так что мне никто не мешает спокойно посидеть у телевизора.

– Эзергиль!!!

Никто, кроме брата, поправился я.

– Да?!

– Тебе не пора еще выходить? Опаздывать в первый день практики верх неприличия!

Нет, я его просил напоминать мне, когда выходить? А то

я сам не знаю. Однако раз уж братик завелся, то не отста-
нет. Пришлось встать и собраться. Рано, конечно, но лучше
по улице побродить, чем выслушивать рев читающего нра-
воучения брата о том, что он в мои годы... Так и хочется
спросить, что раз он такой умный, то почему еще не возглав-
ляет какое-нибудь министерство.

Я собрал все необходимые вещи, которые, как посчитал,
могут мне пригодиться, и вышел из дома. Сегодня начинался
первый день моей летней практики.

Глава 3

Никогда не думал, что коридоры в министерстве такие запутанные. Тут можно годами плутать.

– Утя-утя-утя. – Я держал на вытянутой руке просвирку и пытался подозвать неприкаянную душу. Подозвать я ее пытался вот уже около часа. Начинал с банального «кис-кис». Под конец уже перешел на «утя-утя». Ничего не помогало.

Я помахал просвиркой. По народной чертовской примете все души просто обожают эти просвирки. Я ее специально получил из хранилища министерства и теперь ею пытался привлечь ту самую душу, в помощи которой и заключалась моя летняя практика.

– Ну, где ты там?! Тебе что, влом отозваться?! – уже в отчаянии позвал я.

Еще по дороге в министерство, размышляя над всей этой проблемой, я решил подойти к ее решению самым простым образом. А именно: просто отыскать эту душу и поговорить с ней. Мол, так и так, вот такая вот ситуация. Объясни, что тебе надо и что тебя держит на Земле. Я по-быстренькому решаю твою проблему, и все довольны. Ты получаешь упокоение, а я – свою пятерку за практику. Ксефон остается с носом, а я с пятьюстами монетами. Тогда мне мой план казался просто гениальным... сейчас таковым он уже не казался.

В отчаянии я сел прямо на пол в уголок и с тоской посмот-

рел вдаль пустынного коридора министерства. Никогда не думал, что коридоры этого здания вгонят меня в такую тоску. Просидел я минут пятнадцать. Нет, я, конечно, понимал, что так можно сидеть все лето, но к решению моей проблемы это сидение меня не приблизит. Пришлось снова вставать.

Поднял просвирку над головой, стараясь привлечь к ней внимание души.

– Гуля-гуля, посмотри, что у меня есть. Ням-ням. – Вот идиотизм. Сам себе кажусь смешным. Однако делать нечего.

Только спустя три часа мои усилия были наконец вознаграждены. Я брел по коридору, окончательно выбившись из сил и еле передвигая ноги. Даже звать эту неприкаянную душу сил уже не было. Без всякой надежды я просто смотрел по сторонам, когда за одним из поворотов мелькнуло знакомое свечение. Еще не веря в удачу, я бросился туда (и откуда только силы взялись), вопя во все горло:

– Эй, ты, как тебя там?! Душа, короче, подожди! Слышь?! Подожди, говорю!

От избытка чувств я кричал на родном языке, прежде чем сообразил, что душа меня просто не слышит. Вот если бы она была наша, тогда она все бы поняла. А так она еще не принадлежала нашему миру, но и Земле тоже не принадлежала. Короче, зависла между мирами. Для общения с такими созданиями необходим свой язык – межмировой. Его понимали все души мироздания. Вот когда я порадовался, что не прогуливал уроки. Я быстро сориентировался и, задыхаясь

от быстрого бега, прокричал вслед:

– Многоуважаемая душа, не соблаговолите ли вы на минуту остановиться и переговорить со мной о чрезвычайно важном деле?! – Велеречиво, но я посчитал, что вежливость лишней не будет. Дядя мне всегда говорил, что вежливость способна открыть ворота любого сердца.

– Тяжко мне, – донеслось до меня.

Еще бы не тяжело. Застрять между мирами – кому будет легко.

– Вот об этом я и хотел бы с вами поговорить. Вам не хочется облегчить вашу ношу? В том смысле, не могу ли я чем помочь вам для обретения вашего покоя?

– Ты?! – Тяжкий вздох-вопрос.

Я наконец догнал душу и замер около нее, тяжело дыша. Душа парила над полом в метре от земли и изучающе смотрела на меня. Почему-то этот взгляд меня нервировал. Я достал просвирку и выставил ее напоказ в надежде, что она привлечет внимание призрака. Однако тот никак на нее не прореагировал.

– Ну да. Видите ли, ваше присутствие нарушает гармонию...

– Где я?

– Если вы про данное конкретное место, то вы в Аду. – Я покачал просвиркой чуть ли не перед носом призрака. Ноль внимания.

– В Аду?! Значит я грешница?

Я присмотрелся. Батюшки, так ведь это женщина. Причем не старая. Лет триста пятьдесят. Тьфу! Это же человек. Тридцать пять, я хотел сказать. Интересно. Люди же вроде дольше живут? Впрочем, для выяснения всего я здесь и нахожусь.

– Э-э, – мудро протянул я. – Я бы так не сказал. Видите ли, вы еще сами не определились, куда вам. Поэтому вы не в Аду, хотя в данном случае находитесь именно здесь.

– Да? – В этом вздохе послышалась заинтересованность. – Я сама должна определить, куда мне идти – в Рай или Ад?

– Ну да. Что ж тут непонятного? Кто, кроме самого человека, лучше всего знает его прегрешения? Что, по-вашему, есть совесть? Это частица Его, ну, вы понимаете кого, не могу произнести его имени. После смерти ваша совесть и выносит вам приговор. Наша задача – определить меру вашего наказания.

– Ваша задача?

– Ну да, наша. Чертей то есть. Разрешите представиться, мадам, Эзергиль. На самом деле я еще не черт. Я еще учусь только. А сейчас прохожу летнюю практику в школе. Мое задание помочь вам определиться с местопребыванием. Видите ли, ваше мота... э-э... путешествие по Аду, Раю и Земле нарушает гармонию миров. Давайте с вами разберемся. Я покажу вам Рай и Ад; где вам понравится жить, туда я вас и провожу. – Я опять достал просвирку и поманил ею призрака. Результат прежний. Только на этот раз призрак все-таки

соизволил ее заметить. Однако никакой радости не проявил.

– Не могу я уйти. – Опять тяжелый вдох. – Ты сказал, что учишься?

– Ну да.

– У меня сын тоже учится в школе.

Опа, становится интересно. Кажется, сейчас я пойму, что ее держит на Земле.

– Вы любите своего сына?

– Смешной ты, – вдруг улыбнулся призрак. Хорошо так улыбнулся. Мне даже тепло стало в этих мрачных коридорах. – Какая же мать не любит своих детей?

Ну... я мог бы в качестве ответа сводить ее к некоторым котлам, где, как говорили у нас в Аду, принимали баньку несколько таких, с позволения сказать, матерей. Возможно даже, не будь у меня ангела-дяди, я бы так и сделал. Но все-таки общение с ангелом накладывает свой отпечаток даже на черта.

– Вы правы.

– Боюсь я за него. Пропадет без меня он.

– А... э-э... у него ведь отец должен быть? Или он тоже у нас?

– Лучше бы он был у вас! – вдруг довольно эмоционально взвился призрак. – Думаю, у вас тут уже и местечко для него припасено!

Припасено-припасено... может быть. Откуда я могу это знать? Смотреть надо. Но что-то отвечать необходимо. Я по-

старался перевести разговор на другую тему.

– Вы понимаете, тут есть такая проблема. Вы не можете долго существовать в межмировом пространстве. Скоро вы развеетесь, и ваша душа будет потеряна для мироздания. Давайте так сделаем, вы сейчас определитесь, куда пойдете, а я похлопочу, чтобы в очередь на реинкарнацию вас поставили так быстро, как можно.

– Я должна присмотреть за сыном.

Так, приехали.

– Вы думаете, ему плохо без вас?

– Мальчик, а тебе было бы легко без мамы?

Гм! С таких позиций я эту проблему не рассматривал. Действительно, мне было бы не слишком сладко. Скажу больше, мне это совсем не понравилось бы. Даже странно, но я почувствовал к этой несчастной душе жалость. Жалость для черта – чувство в высшей степени странное. Если мы начнем жалеть всех грешников... С другой стороны, никто не доказал, что эта женщина грешник. Раз так, то жалость к ней вполне законное чувство. Запутавшись в этом противоречии, я озадаченно уставился на призрака. Ну и что мне теперь делать? Задача-то оказалась гораздо сложнее, чем я решил вначале.

– Ну, что вы хотите?

– Я хочу воспитать сына. Присмотреть за ним.

Тыкс.

– Я присмотреть за вашим сыном не могу. Этим у нас ан-

гелы-хранители занимаются. И одного к вашему сыну уже наверняка приставили.

– Приставили или наверняка приставили?

Я почесал затылок.

– Мадам, давайте договоримся так. Я завтра с утра узнаю все что можно в разных наших учреждениях о дальнейшей судьбе вашей семьи и вашего сына, а потом приду, и мы поговорим. Хорошо?

– Ты не нарушишь обещания?

Я даже засопел от обиды.

– Мадам, поверьте, я не меньше вас заинтересован в благополучном исходе этого дела.

– Я запомню это обещание, – прошелестела пустота... пустота? Я заозирался по сторонам – призрака нигде не было видно. Я даже сплюнул с досады. Привязанности, долг... какая привязанность, если тебе грозит исчезнуть из мироздания навсегда? Все-таки эти люди чокнутые. Что при жизни, что после.

– Как вас хоть зовут?! – закричал я.

– Зоя, – донеслось издалека.

В самом скверном настроении я возвращался обратно. Не хватало еще заблудиться в этих коридорах. Тут я заметил, что в руке по-прежнему сжимаю просвирку. Со злости я запулил ею об стену.

– Народная примета, верное средство, – передразнил я брата. – Знаток народных примет, блин. Что бы я еще раз у

него совета спрашивал... Как был двоечником, так и остался. Правильно дядя говорит... Ксефон!!! Ты что здесь делаешь?!!

За всем этим я совершенно забыл о том пари, что заключили Викентий и директор школы. Впрочем, оно и к лучшему. Разыграть удивление так, как сейчас, у меня не получилось бы.

Ксефон злорадно ухмыльнулся.

– А ты что, думаешь, одному тебе так подфартило – попасть на практику в министерство наказаний? Меня тоже приняли.

– На должность подносчика дров? – съехидничал я.

– А вот никогда не догадаешься, какое у меня практическое задание! И даже не проси.

– Больно надо, – скривился я. – Опять затеял, поди, что-нибудь тупое и безыскусное. На настоящее дело ведь мозги нужны.

– А вот мы и посмотрим, у кого они есть, а у кого нет, – с угрозой произнес он.

Ясно, у кого их нет. Тут даже к гадалке не надо ходить. Если ты замышляешь подлость против кого-либо, то не надо об этом кричать. А только на подлость такого типа, как Ксефон, и хватает. Никогда ему не стать никем иным, кроме как мелким бесенком, способным только досаждать добрым людям. Он не в силах даже оценить красоту Игры.

– Ну что ж, успеха желать не буду, но трудись. Труд обла-

гораживает.

Ксефон что-то прошипел в ответ и зашагал дальше по коридору, делая вид, что моя персона его ничуть не интересует. Я спрятал злорадную ухмылку и пошел своей дорогой. За поворотом моментально достал из рюкзака мину-вонючку и прикрепил ее к стене. Мина эта совершенно не опасна, но если кто-то вздумает пойти за мной... Я быстро прошел по коридору и свернул за угол. Замер, прислушиваясь. Вот раздался хлопок. Следом какие-то странные звуки, как будто кого-то рвало. Через мгновение, с зажатым руками ртом, мимо меня пронесся Ксефон. Я проводил его кривой ухмылкой.

– Это единственное предупреждение, которое ты получишь от меня, – заметил я ему вслед. – Не вставай у меня на пути.

Вряд ли он меня расслышал, а намеков этот тип совершенно не понимает. Что ж, тем хуже для него. Пожалуй, на сегодня о Ксефоне можно забыть. Надо воспользоваться этим. Завтра он наверняка будет гореть жадной мщеницей. Эх, а я уже хотел домой отправляться. Вот всегда так, придет такой вот тип и настроение испортит окончательно.

Я резко изменил направление своего движения и направился в кабинет администратора министерства. Тот как раз куда-то собирался уходить.

– Господин администратор, – подбежал я к нему.

– А, это ты, Эзергиль. Племянник такого милого анге-

лочка Монтирия. – В глазах администратора промелькнуло нечто такое, что я сообразил: администратор мне не помощник. Мешать вряд ли будет, но помогать точно откажется. – Я тут встретил своего одноклассника...

– А, Ксефон. Знаю-знаю. Милый мальчик. Раз уж мы взяли на практику одного школьника, то я решил, что могу взять и еще одного. Помощники нам нужны. Так сказать, растим смену. – Администратор захихикал. И опять я почти тут же понял, что он прекрасно знает, для чего тут Ксефон. Впрочем, иначе и быть не могло. Интересно, какую долю он выторговал из предполагаемого выигрыша Викентия за прием Ксефона на практику в министерство? Наверное, тоже четвертую часть. Впрочем, в знании администратора для меня было больше плюсов, чем минусов. Если бы он мешал из вредности, то мог бы сильно осложнить мне работу. Сейчас же он связан договором, заключенным Викентием и директором. Иначе Викентий проигрывает. А с ним проигрывает и администратор.

– Да, очень милый, – кивнул я. – Мы с ним сейчас очень мило побеседовали.

Администратор очень внимательно осмотрел меня. Видно, искал на лице следы «милрой беседы». Ну, пусть поищет. Кажется, администратор был чем-то расстроен.

– Господин администратор, я к вам вот зачем, собственно, шел. Мне нужен доступ к архивам. Мне необходимо выяснить все о той женщине...

– Женщине?

– Ну, душе той женщины, что сейчас летает между мирами. Понимаете, чтобы понять, что ее держит на Земле, я должен знать все о ней.

– Я думал, ты для того ту душу и отправился разыскивать, чтобы спросить.

– Ну, я спросил. Однако вопросов у меня возникло больше, чем ответов. И первый из них: отчего она умерла. На мой взгляд, она была еще достаточно молода. Ей еще лет пятьдесят можно было жить.

– Ну, тут я ничем помочь тебе не могу. Разве всех умерших упомнишь. К тому же этот призрак, сам понимаешь, через нашу канцелярию не проходил. А в архиве, пожалуйста, работай. Мы должны поощрять энтузиазм молодых. Доступ я тебе завтра выпишу.

Одним словом, мешать я тебе не могу, но и помогать не буду. Ладно, сыграем по вашим правилам. Все равно я выиграю этот спор. Тут уже пошло на принцип.

– Замечательно, господин администратор, только можно сегодня доступ получить?

– Сегодня? Мальчик, уже почти восемь. Хватит работать. Меня ведь могут обвинить в том, что я заставляю трудиться несовершеннолетних.

Я молча достал приготовленный листок.

– Вот расписка, что все добровольно.

Администратор секунду тупо изучал протянутый мною

листок.

– Да, в тебе сразу видно племянника Монтирия. Узнаю хватку. Но, малыш, видишь ли, у меня все осталось в кабинете.

Если чиновник не хочет что-то делать, то его очень трудно заставить это сделать. Если не дать ему взятки, конечно. Это мы проходили. Помнится, тогда к нам в школу специально приводили душу одного чиновника из «баньки» на урок по психологии по теме «Чиновники и народ». Он тогда много чего интересного рассказывал. Однако взятки я давать не собирался. Стоп.

– О, – огорчился я. – Очень жаль, господин администратор. Ладно, тогда до завтра.

– Конечно, – улыбнулся администратор. – Зачем торопиться.

– Вот и я так подумал, – согласно кивнул я. – Ладно, тогда я побегу, мне надо успеть на последний экспресс до Рая.

– До свидания, ма... что?! До Рая?!!

– Ну да. Дядя меня пригласил к себе в гости. Правда, я сказал, если успею. А раз я закончил раньше, чем полагал, то вполне успеваю на экспресс. Я ему столько интересного расскажу. И по поводу дальнейших планов.

– Э-э, ты расскажешь и о... да... Знаешь, малыш, я, кажется, забыл в кабинете очки. Да, именно очки. Вот незадача. Слушай, если я все равно возвращаюсь, то могу сразу оформить тебе допуск в архив. И тебе не придется ждать до

завтра.

– Ну, не знаю, – засомневался я. – У меня уже и желание работать пропало. Я как-то настроился на поездку к дяде. Столько впечатлений за сегодня.

– Н-да. Если ты уверен... О-о, слушай, у меня в кабинете шоколадка есть. Ты любишь шоколад? Сейчас чайку организуем. И ты мне расскажешь о своих впечатлениях. Понимаешь, как администратору мне интересно впечатление о нашем министерстве человека со стороны. А потом я все доложу самому министру. Понимаешь?

– Я даже не знаю, господин администратор. Мне совершенно не хочется вас отвлекать.

– Да что ты, мне приятно будет с тобой пообщаться!

– Гм, ну... не знаю. Если вы уверены, что вам позволяет время... вы же только что куда-то торопились...

– О, не переживай. Все это подождет.

– Тогда, может, вы поможете мне с поиском? Сами понимаете, что я долго могу лазить в архиве. А такой талантливый администратор, как говорит мой дядя, просто гениальный, может сильно помочь мне. А еще дядя говорит, что вы единственный администратор из всех ваших чиновников, с которым приятно работать.

– Что?! Помочь тебе?! Гм... кх... да... А что, дядя правда так говорит?

Я серьезно кивнул. Как там нам говорили на уроке управления? Чуть-чуть напугать, чуть-чуть подольститься... что

там дальше?

– Честно-честно. Но я так понимаю, что времени у вас нет...

– Ладно, пошли, помогу тебе. Так и быть. Всему-то вас, молодых, учить надо.

А дальше сделать вид, что тебе интересны поучения старших. Они любят учить. Но еще больше любят, когда им с почтительным уважением внимают.

– О, а вы можете рассказать что-нибудь из вашей практики? Наверное, жутко интересная у вас работа?

– Жутко, да-с. Ну, слушай... – Администратор слегка приобнял меня за плечо и повел в свой кабинет. – Вот помню один случай. Попал как-то к нам один грешник, да нахальный такой...

В архиве было немного пыльно, хотя уборку здесь явно проводили постоянно. Администратор равнодушно прошествовал мимо ряда бесконечных стеллажей со свитками, книгами, какими-то листами. Чуть дальше стояли ряды компьютеров.

– Как видишь, – с гордостью оглядел администратор компьютеры, – мы тоже идем в ногу со временем.

Если я что и видел, так это бесконечный ряд полок, уходивших за горизонт. Еще бы, здесь ведь собраны сведения обо всех живших когда-либо на Земле людях. Все сведения о них. И как мне здесь искать?

Администратор явно уловил мою тревогу и рассмеялся.

– Что, думал, придешь в архив и все сразу найдешь? А вот и нет. Ладно, покажу, что тут к чему. Туда вон можешь не ходить. Там еще с дохристианских времен. Достались нам по наследству от прежних хранителей. Твоей души там точно нет. Здесь вот полки расположены по столетиям. Здесь первое столетие христианской веры. Тут второе. Нам нужен второй десяток. Раз, два, три, четыре... – Администратор шел по рядам и касался рукой каждого ряда, не прерывая счет. – ...Двадцать, – закончил он. – Вот наш ряд. Сам понимаешь, все равно работы много. Тут существует система поиска. Берем дату смерти. Точно ты не знаешь?

Я замотал головой. Об этом я как-то забыл спросить.

– Стоп! – Администратор замер и почесал лоб. – Совсем забыл, что наш милейший призрак еще не регистрировался у нас. Значит, те сведения хранятся в отделе живых. Это вон там.

Администратор уверенно повел меня к отдельно стоявшему сектору. Интересно, если бы я сюда заявился без него, то сколько бы времени мне пришлось потратить на поиски нужных мне сведений?

– Тэкс. Итак, подойти вот сюда, обхвати руками вот этот темный шарик, закрой глаза и представь того призрака.

Я без вопросов выполнил просьбу. Призрак вдруг всплыл в памяти с поразительной четкостью. Я даже удивился. Тут в моем мозгу стало твориться черт-те что, прошу прощения

за каламбур. Призрак вдруг потерял свое свечение, и перед моим мысленным взором предстала человеческая женщина. Не призрак, а именно женщина. Она была одета во что-то типа сарафана. Она мягко улыбалась и манила за собой. Подошла к определенному месту на стеллажах, коснулась какого-то футляра и исчезла. Я открыл глаза и поморгал. Ошарашенно потряс головой.

– Ага, вижу, ваш поиск прошел успешно. Итак, где те сведения, что тебе нужны?

Все еще ошеломленный, я потряс головой. Оглядел зал. Только сейчас я заметил, что такие шары понатыканы около каждого стеллажа. Еще по шару располагалось рядом с рядами. И один довольно большой темный шар стоял перед самым входом в архив. Администратор заметил мой интерес.

– Ну да, – кивнул он. – Шары поиска у каждого стеллажа. Если ты не знаешь точных сведений, можно сделать поиск по столетиям вон по тем шарам. А ежели не знаешь и столетие, то поиск придется делать по всему архиву. Сам понимаешь, чем больше объем поиска, тем дольше придется искать. Так где нужные сведения?

Я подозрительно покосился на администратора. Чего это он так торопится? Сначала никак не хотел выдавать пропуск в архив, пришлось немного попугать дядей. Теперь вдруг заторопился. А не означает ли это, что он сам хочет получить эти сведения? Ведь если призрак не регистрировался, то никто о нем ничего толком не знает. А разглядеть призрак, если

только тот сам не заговорит с вами, невозможно. Выходит, я единственный, кто может описать этот призрак и отыскать его в архиве. Администратор же в этом деле явно не на моей стороне. Нет, первое мгновение мне удалось его одурачить, но сейчас он, кажется, очухался и понял, что, помогая мне, проигрывает деньги. Открыто помешать он не может, тем более если уже взялся помогать. Вот проклинает сейчас, наверное, меня. Но ему никто не мешает чуть-чуть помочь другой стороне, в пределах возможности, понятно. Ладно, посмотрим.

Я покачал головой.

– Увы, не знаю. Я так удивился, увидев этот ваш поиск, что открыл глаза раньше времени. Эта женщина пошла куда-то туда. – Я неопределенно махнул рукой.

Администратор скривился, даже не пытаясь скрыть разочарования. Я хмыкнул – похоже, моя догадка попала в цель.

– Что ж, попробуй еще раз.

Я обошел шар.

– А знаете, этот призрак не может быть в отделе неопределившихся? То есть умер человек, но еще не знает, где он?

– А как ты таких будешь вылавливать? Вот душа развеется, и сразу будет все ясно. Личное дело таких людей тут же чернеет. Бери и смотри. А пока душа существует, то как тут найдешь ее дело, ежели не зарегистрирована?

Администратор отвернулся и прошелся вдоль стойки. Вот момент! Я хотел было уже выхватить из полки нужную мне

папку, как вспомнил кабинет директора. Хм! А вдруг? Я внимательно, но осторожно осмотрел все вокруг. А чего это муха тут ползает? Откуда в этом хранилище может быть муха? Я опять покосился на администратора. Тот старательно искал что-то на другом стеллаже. В мою сторону он даже не смотрел. Ну что ж, сыграем в эту игру. Недаром у меня всегда было «отлично» по наведению морока. Я создал собственный морок и направил его вдоль полок. Сам же я одновременно с этим навел морок на себя, сделавшись невидимым. Только бы администратор не повернулся. Безмозглую муху мне обмануть удастся, а вот администратор министерства мой нехитрый фокус раскусит моментально. Обманутая муха поползла следом за фантомом. Я же мгновенно очутился около той ниши, куда подводила меня женщина из мысленного поиска. Ага, вот она эта папка. «Зоя Павловна Ненашева», – прочитал я. Отлично. Нехитрым приемом уменьшил талмуд до карманного блокнота и сунул его за пазуху. Как я знал, подобным способом кодировали папки почти во всех архивах. Иначе пришлось бы погрузчиками бумаги возить. Теперь можно и моим фантомом заняться. Тот замер около другой папки и огляделся. На этом его задание закончилось. Все-таки эти фантомы примитивны до ужаса. Только и могут простейшие команды выполнять. Я прищурился, стараясь разглядеть то, что видит фантом. Это у меня на занятиях получалось не очень хорошо. Ничего, самое время потренироваться.

Мысленно сосредоточившись, я наконец разглядел ряд папок. Найдя ближайшую, где было указано имя женщины примерно одного возраста с призраком, я заставил фантом достать эту папку. Оглядеться. Сам же я неторопливо приближался к фантому, стараясь не привлечь внимание мухи. Наконец я слился с фантомом и рассеял морок. Фух, вовремя. Администратор начал поворачиваться. Я молниеносно сунул папку на место и отскочил от стеллажа. Администратор повернулся. На его губах играла улыбка. Во взгляде на миг промелькнуло торжество. Однако это чувство было настолько мимолетно, что я едва не пропустил его. Если бы не смотрел специально, точно бы не заметил. Все-таки администратор – мастер. Только вот он слишком снисходительно отнесся ко мне. Да и что с мальчишки возьмешь? Соплячок еще. Таких учить надо. Что ж, со всем смирением примем науку.

– Ну что? Будешь еще раз пробовать? А то мне уже по делам пора идти?

Я с сомнением оглядел все вокруг.

– Господин администратор, да вы идите, я теперь понял, как искать, и все сделаю.

– Увы, малыш, не могу. Правила не позволяют оставлять в архиве постороннего без присмотра. А архивариус, как видишь, уже ушел. Так что до завтра. – Администратор глянул на руку. Из ободка, прикрепленного ремешком к руке администратора, высунулась голова летучей мыши и проворчала:

– Двадцать один час тридцать две минуты. Совсем поспать не дадут. Каждые пять минут смотрит. Я что, кукушка?

Администратор покраснел.

– А ну цыц мне! А то мигом в утиль отправлю. Куплю вместо тебя какие-нибудь механические человеческие часы. Сейчас и мода на разные человеческие вещи пошла. Будешь знать, как поучать меня!

Я мысленно усмехнулся. Каждые пять минут смотрел. Ясно, считал время, когда в Рай уйдет последний экспресс.

– Ну ладно, – печально вздохнул я. – Раз сегодня не получилось, то отложим до завтра. Я приду пораньше.

– Ну, зачем так себя напрягать? Не торопись, малыш. Архивариус все равно раньше десяти не приходит.

– Тогда завтра в десять приду.

– Вот и хорошо. Пошли. Я сейчас запроу дверку. А завтра ты придешь и посмотришь все, что тебя интересует.

Я согласно кивал и тайком щупал карман, где лежало личное дело Зои Павловны Ненашевой. Настроение было умиротворенным. Несмотря на начальный практически полный провал, день закончился просто великолепно.

Тепло попрощавшись с администратором, я вышел из министерства.

– Ну, поехали домой, – пробормотал я. – А все-таки денек сегодня был замечательный.

Глава 4

Дома я постарался как можно скорее отделаться от всех дел и, сославшись на занятость, что, собственно, было правдой, закрылся у себя в комнате. На всякий случай закрылся не только на замок (у брата уже наверняка есть ключ), но и подпер дверь стулом. Теперь можно заняться и нашей заблудившейся душой. Я скинул тапочки и плюхнулся на кровать, подложив подушку под локоть. Достал личное дело и увеличил его в размерах. Взял первый том. Тэкс, что тут у нас? Прошлые реинкарнации. Это нам совершенно ни к чему. Может, потом и почитаю, если будет интересно, но в настоящий момент есть дела и поважнее.

Отложив первый том, я взял второй. Вот это то, что нужно. Ага, дата рождения.

– Ух ты, какая кроха, – пробормотал я, разглядывая фотографию карапуза, с интересом рассматривающего что-то впереди.

«Зое один год» – было подписано под фотографией.

– Это нам тоже не надо. Смотрим дальше. Зоя идет в первый класс. Зою принимают в пионеры. Интересно, но опять не то. Ага, вот свадьба, а это, значит, ее муж. Судя по тому, что мне говорил призрак, этот еще живой. А вот их сын.

«Алеша» – прочитал я под фотографией.

– Вот с этого момента поподробней, – приказал я папке.

– Мал еще приказывать, – сердито отозвалась та. – Вот скажу архивариусу, что ты вынес меня из архива.

– По-моему, у нас в зале был камин, – задумчиво пробормотал я. – Кажется, там для растопки ничего нет.

– Ну ладно, ладно, – испуганно пробормотала папка. – Шучу я, шучу. Уж и пошутить нельзя.

– Тогда подробности давай! – рявкнул я.

– Ну вот, не успел даже хвостом обзавестись, а сразу приказывать. Нет, чтобы по-человечески отнестись. У меня, чай, тоже есть душа.

Я молча встал с постели и направился с папкой к выходу.

– Нельзя сказать, что брак нашей героини Зои Павловны был счастливым, – затараторила папка. Я опять скинул тапки и залез в кровать, развернув папку так, чтобы было видно картинки, которые она мне демонстрировала. – Первоначально все складывалось хорошо (фотографии счастливой пары), но постепенно ее муж начал выпивать. С каждым разом он пил все больше и больше (фотография мужчины, стоявшего в дверях квартиры и опирающегося о косяк). Начались скандалы. Вскоре в семье Ненашевых родился ребенок, которого назвали Алешей (фотография карапуза).

– Дальше я и сам могу догадаться, – перебил я папку. – Муж начал выпивать все сильнее и сильнее. Наш клиент.

– Точно. Я слышала от других папок, что для него уже подготовлено местечко. Как только копыта отбросит, сразу его там и примут.

– Это меня не интересует. Ты лучше скажи, чей клиент эта Зоя, наша или Их. – Я многозначительно ткнул пальцем в потолок.

– Если она столько времени терпела того пьяного уroda, то Их. Святая женщина.

– Если она такая святая, то почему она не Там, а мотается между мирами?

– Из-за сына. – Папка вдруг зашелестела страницами, пролистнув сразу страниц сто. – Смотри.

Во весь разворот папки вдруг появилась картинка и ожила. Я словно смотрел телевизор. Возникло изображение довольно симпатичного чернявого мальчишки лет двенадцати, который сидел в углу и тихо плакал. Его щуплую фигурку чуть закрывал какой-то дядька, одетый вполне прилично. Правда, его слегка пошатывало.

– Ну что, ворюга!!! – шипел он на мальчишку. – Опять деньги взял?!!

– Не надо, папка! – испуганно повторял мальчик. – Не надо! Ты же их сам взял!

– Ты еще и врешь мне, наглец!!! Мать умерла, и ты совсем распустился?!! Ну ничего, я за тебя еще возьмусь! Я из тебя человека сделаю!!!

Мужчина начал расстегивать ремень.

– Я из тебя сейчас дурь вышибу!

– Не надо, папка! Я больше не буду! Я обещаю!!! – Опустив палец на картинку, я заставил ее замереть.

– Кто взял деньги?

– Отец Алеши. Вчера он пришел пьяный, но ему, похоже, не хватило. Он взял деньги и купил еще бутылку. Сегодня об этом забыл, – четко отрапортовала папка.

– Ясно. – Я убрал палец. Картинка снова ожила. Пропустил я не очень много. Отец уже вовсю нахлестывал ребенка, не разбирая, куда попадает его ремень.

– Я из тебя сделаю человека! Я сделаю из тебя человека!

Мальчик уже даже не плакал, просто стонал, пытаясь закрыться от ударов руками. Вот он что-то прошептал.

– Стоп! – закричал я. Картинка моментально замерла. – Ну-ка отмотай чуть назад. – Папка молча выполнила мою просьбу. – А теперь включи звук на максимум. Я хочу услышать, что сказал мальчик.

– Могу прочитать по губам, поскольку даже на максимуме звука ничего не услышишь. Слова он не произносил.

– Тогда читай!

Картинка снова ожила.

– «Я убью тебя», – начала говорить папка. – «Клянусь, убью! За мамку убью!» Все. Больше он ничего не говорил. Продолжать показывать дальше?

Я захлопнул папку.

– Не надо. Суду все ясно. Теперь понятно, почему душа этой Зои носится между мирами. Насколько мальчик был серьезен, когда произносил те слова?

– Он был совершенно серьезен.

Я поморщился.

– Я не так спросил. Какова вероятность того, что он выполнит свою угрозу?

– Если бы в этот момент у него в руке был нож, то он выполнил бы ее моментально. А так... я тебе не аналитический отдел.

– О, перестань! Ты ведь уже столько, наверное, посмотрелась на людей, что и без аналитического отдела можешь все сказать.

– Тогда скажу так. – Обложка папки слегка покраснела от смущения. – Когда-нибудь этот воспитатель своего сына доведет. И либо Алеша прирежет своего папашу во сне, либо убьет, когда подрастет.

– Ясно. И отправится этот Алешка после этого прямой дорогой к нам. И одну реинкарнацию его душа потеряет. Гм... – Я задумался. – Мать его, понятно, этого не хочет. Но и сделать ничего не может. Да-а, дела. А что он там говорил про мамку? Типа за мамку убью?

– А-а, это. Как-то два года назад муженек Зои напился и избил жену. Избил на глазах сына. В общем, отбил ей печень. Тогда она долго болела.

– Вот как. – Я задумчиво побарабанил пальцами по подушке. – А в смерти Зои есть вина мужа?

– Прямая. Ее смерть – следствие того избиения.

– Ясененько.

Я отложил папку и соскочил с кровати. Заходил по комна-

те. Ну, дядечка, спасибо тебе за мою летнюю практику. Низкий тебе поклон за нее. Это что же выходит, чтобы душа Зои нашла упокоение и, соответственно, мне поставили зачет за практику, надо решить проблему ее мужа и сына? Ну, просто замечательно. Я что, похож на ангела-хранителя? Я подошел к зеркалу. Совсем не похож.

– Огромное спасибо тебе, дядя! – крикнул я в потолок. В бешенстве я запустил в стену подушкой. Может, еще ногами потопать? Истерику закатить? Нет, для меня это уже пройденный этап. Родители не поймут-с. Интересно, а от этой практики отказаться можно? Нет, вряд ли. Викентий точно не допустит. Да и с директором школы после этого у меня будут отношения натянуты. А ссориться с директором не годится. Викентий тогда меня точно со свету сживет. Хоть школу меняй. Но это будет признанием поражения. Фиг им. Что же мне все-таки, заниматься семейными разборками? Ну, просто прелесть.

Я плюхнулся на кровать и надел подушку себе на голову.

– Мама, роди меня обратно, – буркнул я. – Я, в конце концов, черт, а не семейный психолог. И я, как черт, заинтересован, чтобы в Ад попадало как можно больше душ! Да ни фига я не заинтересован, – тут же поправился я. Уже прошли те времена, когда между чертями устраивали соревнования, кто больше людей совратит с пути истинного. Такие войны тогда происходили из-за этого с Раем. Сейчас по договору эти соревнования уже лет семьсот как отменены. Чтобы не

накалять обстановку, так сказать. Тем более один клиент уже точно наш. Но на кону еще две души.

– И что ты решил? – поинтересовалась папка, которой, видно, надоело созерцать меня с подушкой на голове. Я скинул подушку туда, где ей место, и убрал папку в ящик стола.

– Не твое дело, – буркнул я, захлопывая крышку. – Можно подумать, у меня есть выбор. И зачем я тогда напросился с дядей в это министерство? Не ходил бы туда, не встретил бы ту душу...

Я глянул на часы. Батюшки! Уже три часа утра. А мне завтра надо быть в архиве, чтобы успеть положить личное дело Зои Ненашевой на место. Я поспешно разделся и залез под одеяло. Главное – завтра не проспать.

«Завтра» я, конечно, проспал. И никто меня не разбудил. Ну конечно, раз у родного сына каникулы, то будить его не надо! И папа, и мама уже благополучно забыли, что у меня идет летняя практика. Впрочем, глупо винить кого-либо в собственных ошибках. Застегивая на ходу рубашку, я ворвался на кухню, вытащил из холодильника бутерброды и тут же стал запихивать их в рот.

– Ты куда это? – крикнула мне вслед мама. – Сядь поешь нормально!

– Некубу-бубу, – внятно ответил я.

– И сначала прожуй, а потом говори! – сделал мне замечание брат.

Я с трудом проглотил еду.

– Некогда, говорю! Мне уже на практике надо быть!

– Опять вчера до полночи читал свои приключения, а сейчас проспал! – проворчал брат.

Я показал ему язык и скрылся за дверью прежде, чем он успел что-либо ответить.

– Мать, ты видела?! – услышал я его крик. Я поспешно выскочил на улицу и бросился по лужайке к воротам, спеша поскорее покинуть наш дворик. Вдруг еще остановят.

– А ну стой! – донесся крик отца.

Я сделал вид, что не услышал, и махнул рукой такси.

– К министерству наказаний, – попросил я, плюхаясь на сиденье. Машина тут же стронулась с места и скрылась за поворотом. Догнать меня никто не успел.

Подъезжая к главному подъезду министерства, я мечтал увидеть там дядю. Вот тогда я ему выскажу все, что о нем думаю. Все, что накипело. Я ему все объясню...

Дяди у входа, конечно же, не оказалось. Так. Я подошел к ближайшему столбу, где сидел ворон.

– Дай Рай! – буркнул я.

– Кого тебе? – прокаркал ворон.

– Дядю. Номер шестьдесят три шестьсот.

Ворон склонил голову набок, к чему-то прислушиваясь.

– Абонент временно недоступен, – прокаркал он.

– Тьфу. – Я понял, что сегодня ничего высказать дяде не смогу, и направился к министерству.

– А платить кто будет? – сердито спросил мне вслед ворон.

– За что платить? – обернулся я.

– За разговор!

– За какой разговор?! – взвился я. – Вымогатель! Вот пожалуюсь на тебя в министерство связи.

– Паду-у-умаешь, – протянул ворон, – какие мы важные!

Я отвернулся и стал уходить.

– Хам, – крикнул мне вслед ворон.

– Сам, – бросил я через плечо.

Показав на входе свой пропуск, я направился сразу в архив. Уже на спуске в подвал я услышал чей-то могучий рык:

– И что с тобой теперь делать, болван!!! Ты понимаешь, что ты едва не перепутал всю отчетность?! Да хрен с ней, с отчетностью!! Как ты посмел?! Я тебя спрашиваю, как ты посмел переставить папки и положить личное дело живого человека в отдел мертвых?! Ты своими куриными мозгами понимаешь, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ?!!

Я осторожно приоткрыл дверь и протиснулся в архив. Там я застал довольно интересную картину. Бледный от ужаса Ксефон был прижат могучего сложения чертом в угол. Этот черт угрожающе качал перед носом Ксефона довольно увесистой тростью. Ксефон же прижимал к груди папку.

– О-о, – протянул я. Кажется, Ксефон что-то натворил. Настроение начало медленно подниматься. В этот момент Ксефон заметил меня и поспешил громко сообщить об этом, надеясь отвести от себя грозу. Черт развернулся ко мне. Его

глаза грозно сверкнули.

Я поспешно заговорил так вежливо, как только мог.

– Доброе утро, господин. Вы, наверное, архивариус? Мне господин администратор говорил, что вы будете только сегодня. А я практикант из школы. Мое имя Эзергиль. Мне необходимо поработать в архиве, вы позволите?

Лицо черта разгладилось. Он заметно подобрел.

– Вот! Сразу видно хорошее воспитание! Эзергиль, ты должен получить пропуск у администратора. Хотя, – голос архивариуса взлетел на две октавы, – я думаю, что администратор уже становится неразборчив, когда выдает пропуск!!!

– У меня есть пропуск. Я его вчера получил. Вот он, пожалуйста. А что тут случилось?

– Что случилось?! Что случилось?! Я сегодня прихожу пораньше, поскольку мне надо было провести ревизию по прошлому столетию. Надо составить списки на реинкарнацию по нашему ведомству. Работаю. Вдруг заходит вот этот вот тип. Я надеялся, что он как воспитанный черт подойдет ко мне, представится, объяснит, по какому делу пришел. И ежели у него есть пропуск и его дело важное, то я помогу ему чем смогу. А этот что делает?!

– Что? – заинтересовался я.

– Что!!! Он крадетя к полке, на которой стоят личные дела живых людей. Достает одну папку и засовывает ее на полку с уже умершими!!! Хорошо, что я увидел!!!

– Кошмар!!! – ужаснулся я, хохоча в душе. Значит, моя хитрость удалась. Администратор все-таки подглядел, какую папку я смотрел, и рассказал все Ксефону. Тот, в силу великого ума, не нашел ничего лучшего, как тайком пробраться в архив и спрятать папку от меня. Урок же, на котором нам рассказывали о строгости хранения данных и влияние этого хранения на людей, он, естественно, прогулял. Так, зная о том, что папка просто не могла стоять не на своем месте, он не мог. Тут такой бедлам бы наступил, что всем ангелам известно стало. Комиссий понаехало бы. А потом еще работа по исправлению всех последствий на Земле.

– Ты этого типа знаешь?! – вдруг подозрительно спросил архивариус.

Я печально вздохнул.

– Имею такое несчастье. Этот тип мой одноклассник. Он тоже проходит здесь практику. Правда, я понятия не имею, в чем его работа заключается. Он только под ногами у всех путается и мешает. Вчера за мной следил.

– Больше он ни у кого путаться под ногами не будет! – с угрозой заметил архивариус, хватая Ксефона за ухо. Тот взвизгнул. – Вот что, Эзергиль, я вижу, ты парень серьезный. Побудь тут пока. Проследи, чтобы никто не прошел сюда. Говори, что я никого не велел пускать до своего прихода. А я пока этого типа отведу к администратору. А заодно выскажу этому старому дураку все, что о нем думаю.

– Конечно, господин архивариус. Не волнуйтесь, все будет

в порядке.

Ксефон ожег меня ненавидящим взглядом, но тут же завизжал, когда архивариус потащил его к выходу. Я скорчил Ксефону рожу. Тот попытался мне ответить, но именно в этот момент архивариус дернул его слишком сильно, и Ксефон закричал от боли. Вскоре его крики затихли вдали коридора. Я молниеносно очутился около знакомого мне стеллажа и сунул папку с личным делом Зои Ненашевой на место.

– Вот и отлично. – Представив, что сейчас творится у администратора, я захихикал. Нет, после архива надо обязательно будет к нему зайти.

Все еще смеясь, я плюхнулся в ближайшее крутящееся кресло и оттолкнулся от пола ногами. Стул раскрутился. Все-таки что ни делается – все к лучшему. Не проспи я сегодня – не увидел бы такого захватывающего зрелища. Да и вернуть папку на место было бы проблематично под пристальным вниманием архивариуса. Да и Ксефон при виде меня воздержался бы от разных глупостей. Но что же мне делать с моей практикой?

Вскоре вернулся архивариус. Он каким-то образом умудрился пребывать в сердитом и веселом настроении.

– Все, – сообщил он. – Больше этот идиот нас не потревожит. Я сразу предупредил администратора, что если этот тип еще раз попадется мне на глаза, то я просто вышвырну его из здания, а на администратора напишу жалобу, что он выдает пропуска разным хулиганам, которые даже не пони-

мают важность того, что здесь хранится.

– Боюсь, вам придется привести свою угрозу в исполнение, – заметил я. – Намеков Ксефон не понимает.

– Каких намеков?! – удивился архивариус.

– Ну, вот вы его за ухо – и в коридор. А надо было прямо сказать: «Больше, мол, не приходи сюда».

– Такой тупой?

– Ну-у-у... Обычно ему приходится все повторять дважды. – Чем хуже, тем лучше. Все-таки Ксефон был не таким тупицей, но... чего не сделаешь ради друга. Если друг тебя не похвалит, то кто это сделает?

– Понятно. Ладно, пусть отправляется куда подальше. А тебе что надо?

Я на миг задумался. Судя по тому, что я видел, вряд ли архивариус горит желанием помогать Ксефону. Думаю, он откажется это делать даже за деньги. Я решил честно все рассказать. Архивариус выслушал меня самым внимательным образом.

– Значит, твой дядя ангел? – фыркнул он. – Что ж, бывает и хуже. Однако работку он тебе подкинул.

– Вот-вот. Я-то думал, поговорю с этой душой, и все. Быстренько все сделаю.

– О-о, мальчик, поверь моему опыту, все окажется гораздо сложнее, чем видно на первый взгляд.

Хм-м! Я подозрительно покосился на архивариуса. Вроде как мыслей он не читает. Про то, что я забирал из архива

личное дело Ненашевой, я благоразумно умолчал. А значит, я ничего не рассказывал из того, что узнал из папки. Следовательно, архивариус просто не мог знать всего того, что знаю я. Однако он сразу сказал, что дело сложное.

– Ладно, пойдем искать твою Зою. Скорее всего она еще в отделе живых.

Мы проделали ту же процедуру, что вчера я проделывал вместе с администратором. Но на этот раз я ничего не скрывал и сразу направился к нужной папке.

– Вякнешь, что я тебя уже брал, отправлю в камин, – шепотом пригрозил я ей.

– Мы же друзья, как ты мог во мне усомниться?! – испуганно отозвалась та.

Я принес папку к столу и водрузил ее перед архивариусом. Тот нацепил очки и раскрыл ее.

– Ну-с, посмотрим, что тут у нас.

Вместе с архивариусом я читал и смотрел все то, что уже видел вчера вечером. Тот листал папку неторопливо. Иногда просил показать какой-нибудь эпизод из жизни Зои подробнее. Разглядывал фотографии. Вот он дошел до настоящих дней. Посмотрел кое-что из сегодняшней жизни семьи Ненашевых.

– Ясненько, – проговорил он. – Да, печально-печально. – Он задумчиво подпер подбородок кулаком и уставился в одну точку. Я не мешал ему. Наконец архивариус очнулся. – Почему-то люди думают, что черти лишены жалости. Да ни-

чего подобного. Например, мне искренне жаль этого мальчика. Пропадет ведь. И с очень большой вероятностью он окажется в конце концов нашим клиентом.

– Но тем не менее это работа не для чертей! Она для ангелов. Это их работа – помогать и спасать.

– Верно, но тут дело особое. Видишь ли, мальчик не верит ни во что. А раз так, то он вынужден противостоять всему миру в одиночку. А это ему не по силам. И раз он не верит, то ангелы здесь бессильны. А вот мы, то есть черти...

– То есть мы помочь ему можем?!! Но это не наша работа?!!

– Ну и что? Это не мешает попробовать.

– Вы хотите сказать...

– Ну да. Если ты чего-то не умеешь делать – это не повод, чтобы не попробовать. Ты же ведь хочешь заработать свой зачет по практике?

– Ну конечно!

– Тогда тебе придется эту проблему решать. Сам понимаешь, что этот призрак никуда не пойдет, пока будет волноваться за сына. И единственный способ для тебя заставить призрак определиться – это убедить его, что страхи за сына напрасны.

– Убить ее мужа, и все дела! – буркнул я.

– Но-но! Не разрушай мое хорошее мнение о тебе.

– Да понимаю я, что глупость говорю. Это я так просто.

– Даже так просто не смей такого говорить. Ни мы, ни ан-

гелы не можем вмешиваться прямо в жизнь людей. Это одно из основополагающих правил, установленных Им. Мы можем действовать только через людей. Но вот дам я тебе один совет... – Архивариус задумался. Потом кивнул. – Вот что, мальчик. Тебе надо съездить в Рай. Раз у тебя там дядя, то он тебе поможет. Я же дам тебе записку тамошнему архивариусу. Посмотри еще их архивы. Понимаешь, у нас, конечно, полные архивы, но мы собираем в основном пороки. То есть следим за темной стороной человека. А там смотрят за светлой. Чтобы составить цельную картину, тебе не мешало бы ознакомиться и с теми архивами. Нельзя понять человека по-настоящему, если ты знаешь о нем только с одной стороны.

Я медленно кивнул.

– Спасибо. Пожалуй, так я и сделаю. Сегодня я еще поработаю здесь, а завтра отправлюсь в Рай. Мне бы еще хотелось посмотреть личные дела Алеши Ненашева и мужа Зои Виктора Ненашева.

– Вот это правильно, – одобрительно кивнул архивариус. – Ладно, работай, мешать не буду.

– Ну что вы! Вы так мне помогли.

– Конечно, помог. Ты ко мне по-доброму, и я к тебе со всем почтением.

Архивариус добродушно усмехнулся и отошел. Я же вернулся папку Зои на место и отыскивал дело Виктора. Ничего нового из нее я так и не узнал. Только понял, как он начал пить

с компанией друзей. Но помочь мне это вряд ли могло. И картинки были те еще. Вот он наказывает сына за двойку. Вот бьет жену за то, что она прячет от него деньги, что мешает ему купить бутылку. Короче, точно наш клиент. И папка его была довольно увесистой в отличие от папки Зои, хотя вроде как лет ему столько же. Ну ладно, об этом можно будет потом порассуждать.

Убрав все на место, я тепло попрощался с архивариусом и отправился разыскивать администратора. Нашел я его в комнате отдыха, где тот, похоже, успокаивал нервы. Я вежливо с ним поздоровался. Администратор наградил меня сердитым взглядом.

– Что там у вас произошло с Ксефоном? – хмуро спросил он.

– С Ксефоном? – сделал я круглые глаза. – Честное слово, ничего. Это он за мной следит.

– Почему ты решил, что он следит?! – поинтересовался администратор.

– Ну... догадался. Вот смотрите, я вчера нашел нужную мне папку, а сегодня Ксефон пробрался в архив и попытался ее перепрятать.

– Так ты вчера ее не нашел, – ехидно заметил администратор.

– Нашел, господин администратор, – печально вздохнул я, словно признаваясь в проступке. – Просто не сказал вам. Вы уж извините меня. Я хотел сам эту проблему решить и ни с

кем не делиться. А потом все будут хвалить меня. Говорить, что я молодец.

– Тщеславие, – усмехнулся администратор. – Да, истинно чертовское чувство. Я тебя понимаю.

– Ну да. А то, что этот болван Ксефон решил переложить папку в раздел мертвых...

Администратор поморщился.

– Да уж. Тогда бы я точно вылетел с работы без выходного пособия. Чему вас только в школе учат?! – вдруг взорвался он.

– О-о, – с некоторым злорадством протянул я. – В школе нас хорошо учат. Но Ксефон знает на пять только один предмет.

– Какой это? – насторожился администратор.

– «Урокопрогуливание». Это у него великолепно получается. Со всей ответственностью заявляю, что по этому предмету он лучший в школе.

– Ох, – администратор вдруг схватился за сердце, – я ж ему выдал полный пропуск по всему зданию! Он только в особые отделы заходить не может.

Сочувствия к администратору я почему-то не испытывал.

– Да-а. А вы везучий черт.

– Почему это?

– Потому что Ксефон с этим пропуском ходит по зданию уже второй день, а у вас только одно происшествие.

На этой оптимистической ноте я попрощался с админи-

стратором, отправившись разыскивать в коридорах призрака, и столкнулся по дороге с Ксефоном. Тот сиял совершенно красным ухом и перекошенной физиономией. Я склонил голову набок и внимательно его рассмотрел.

– А знаешь, тебе идет. Хотя для симметрии надо бы и второе ухо увеличить. Если хочешь, могу по-дружески тебе помочь. Ты только попроси. Или я господина архивариуса позову. Думаю, он тоже тебе поможет с удовольствием.

– Я тебе еще это припомню! – прошипел мне Ксефон. – Я ведь догадываюсь, что это ты все устроил! Еще не знаю, как ты это сделал, но узнаю! И тогда берегись. – Он резко отвернулся и зашагал к администратору. Тот ждал его с самым мрачным видом. Я усмехнулся. Похоже, для бедняги Ксефона неприятности на сегодня не закончены.

На этот раз призрака я отыскал гораздо быстрее. По крайней мере гоняться за ним по всем коридорам не пришлось.

– Ты пришел? – прошелестел призрак.

Я поднес палец к губам и осмотрелся. Потом достал из кармана коробочку, где копошилось три паучка. Их я собрал вчера у нас в саду. Полчаса лазил, пока нашел. Потом еще час потратил, настраиваясь на них. Пришлось даже повторить учебник по всевидению. Я посадил по паучку на каждом повороте.

– Вот так, мои золотца. Посидите здесь. И смотрите вокруг. Внимательно смотрите. – Я проверил, как работает

связь. Смотреть через восемь паучьих глаз было не совсем привычно, но ничего. По крайней мере головой вертеть не надо. И уж точно никто не подкрадется незаметным.

– Зачем это? – спросил призрак.

– А просто так. Люблю я пауков. Мания у меня такая. Некоторые кошек дома держат, собак. А я пауков. Куда ни иду, всегда их с собой беру. А сейчас вот им на прогулку пора. – Чего-то сегодня я какой-то не в меру ехидный. Заболел, может? Ага, точно. Заболел. Как больному мне полагается полный покой. Увы, но покой мне только снится. И пока с этим призраком не разберусь, он мне и дальше сниться будет. Значит, надо как можно скорее решить эту проблему.

– Бывает, – кивнул мне призрак.

Так, кажется, сегодня не у одного меня ехидное настроение.

– Между прочим, из-за некоторых я всю ночь не спал и уже с утра на ногах.

– Извини. Ты узнал о моем сыне?

Врать мне почему-то не хотелось, а говорить правду тем более.

– Он здоров, – уклончиво ответил я.

– Это я и так знаю.

– Э-э, видишь ли, как ты понимаешь, у нас тут в Аду несколько односторонние сведения, – повторил я слова архивариуса. – Чтобы составить полную картину, мне надо заглянуть в архив Рая. Ты согласна подождать еще один день?

Получив все сведения, я снова приду.

– Ты что-то скрываешь. А я не могу уйти от кладбища. Не могу увидеть сына. Почему?

– Ну-у, мне вот так трудно объяснить. Все дело в священной земле, которая мешает вам совершать ошибки...

– Не важно. Кажется, я знаю, как преодолеть запрет.

– На вашем месте я бы этого не делал. На кладбище вы в полной безопасности. Там сама земля защищает вас. За его пределами возможны всякие неприятности. В том числе и злые призраки, которых уже заждались у нас. Однако они не спешат, идиоты. Впрочем, когда они начнут развеиваться, то сами прибегут как миленькие. Хотя мироздание не много потеряет, если эти души и исчезнут.

– Я должна увидеть сына.

– Я могу принести фотографию.

– Я должна увидеть сына!

– Или фильм принесу.

– Я должна увидеть сына!!! – Призрак вдруг всхлипнул и исчез.

Я озадаченно уставился на то место, где он висел только что. Почесал затылок. Ну, в конце концов, если этот беспокойный призрак развеется, то это тоже будет решением моей проблемы. А пока можно и домой отправиться. Во-первых, надо выклянчить деньги для поездки в Рай, во-вторых, поспать, в-третьих, собрать вещи. Но сначала надо добраться домой. Итак, едем домой.

Глава 5

Утренний межмировой экспресс в Рай отходил в пять утра. Проклиная все на свете, я забрался на подножку вагона. Наверное, вставать с утра пораньше станет обыденностью на время практики. Ужас! Уже второй день подряд выспаться толком не могу. Надо было брать билет на семнадцать ноль-ноль. Но тогда на место я прибыл бы поздней ночью. А это еще хуже, чем вставать в пять утра. На платформе мне махала рукой мама.

– И не забудь менять носки! – прокричала она мне.

Я скривился. Проблема носков в данном случае занимала меня меньше всего. И, в конце концов, мне уже не двадцать лет! Я в состоянии и самостоятельно позаботиться о себе. Вчера еще хорошо удалось отбиться от матери, которая настаивала на том, чтобы ехать со мной. Хорошо бы я выглядел, приехав на летнюю практику с матерью. Да меня бы в классе на смех подняли. Маменькин сынок, маменькин сынок!

Я торопливо забросил свою сумку на полку и высунулся в окно. Помахал рукой.

– Я не надолго! – крикнул я, произнося эти слова, наверное, уже раз сто. – И дядя позаботится обо мне. – Представив встречу с дядей, злорадно улыбнулся. Наконец-то я смог высказать ему все, что думаю о его задании, которое он

для меня подыскал.

Наконец экспресс тронулся в путь. Я захлопнул окно и плюхнулся в кресло в надежде немного вздремнуть. Щаз-з-з. Вздремнешь тут. Едва я закрыл глаза, как в купе ворвалась шумная компания из трех типов. Они явно только недавно получили документы совершеннолетних. А я-то уже надеялся, что буду здесь один. Ничуть не обращая на меня внимания, они принялись довольно громко обсуждать свои планы на ближайшие сутки по прибытии в Рай. Моя догадка полностью подтвердилась – вся эта троица только вчера стала совершеннолетними, и они решили отпраздновать это событие путешествием в Рай. Некоторое время я недовольно смотрел на них в надежде, что они все-таки заткнутся. Как бы не так. Они даже не обратили внимания на мою вежливую просьбу. Только один буркнул что-то типа: «Молчать, малявка». Значит, малявка?! Пришлось прибегнуть к радикальному средству. Я тихонько достал из кармашка небольшой пакетик с чесательным порошком и тихонько выдул его в комнату. Сам я тут же проглотил античесательную таблетку. Выждав немного, я начал усиленно чесаться, вертясь в кресле. Сначала на меня не обращали внимания. Потом все-таки один заметил. Он недоуменно уставился на меня.

– Эй, что с тобой, парень?

Я махнул рукой и дружелюбно посоветовал:

– Да не обращайтесь внимания. Чесотка замучила. Вот еду лечиться. Говорят, в Раю медицина классная. Болезнь, ко-

нечно, заразная, но не волнуйтесь, вас в Раю тоже вылечат.

Через секунду я остался в купе один. Усмехнувшись, я откинулся на спинку кресла и уснул. Проснулся я от того, что кто-то хорошенько меня встряхнул.

– Этот, что ль, чесоточный тут?

Я открыл один глаз. Рядом со мной стоял какой-то тип в костюме биологической защиты. Я недоуменно покосился на него. И только увидев за его спиной своих недавних попутчиков, сообразил что к чему.

– Какой чесоточный? Это один из той троицы? – удивился я, махнув рукой за спину типа в костюме. – Не знал. Нет, вы вообще понимаете, что делаете?! Да я родителям скажу, они вам такой иск вкатят!!! Вы что, своих пассажиров не проверяете?! Тут больные люди ездят, а что делает администрация?!

– Эй, это же ты больной! – возмущенно завопил один из троицы.

Я про себя усмехнулся. Сам же громко возмутился:

– Они еще на меня валят!!! Перекладывают с больной головы на здоровую, так я еще и виноват!!! Шеф, они же нарочно врут, чтобы никто не мог их заложить. А я вот... – Я залез в карман своей сумки и достал свою метрику и справку. В школе у нас перед каждым каникулами проводили медосмотры. Эта же медицинская карта заменяла для несовершеннолетних документы. И я с гордостью продемонстрировал отметку «Здоров» в карте. – Да вы посмотрите на них!

Тип в маске обернулся. Мой порошок уже начал действовать, и все открытые места у троицы пошли красными пятнышками. Один из них уже вовсю чесался.

– Так!!! – Тип в маске грозно нахмурился. – Значит, вы решили надо мной поиздеваться?! Да?! Да еще все свалили на несчастного мальчика?! Ну что ж, посмотрим, во что вам это выльется. – Под протестующие вопли троицы он вытолкнул их в коридор.

Кажется, праздник у этой троицы вышел изрядно подпорченным. С другой стороны, они сами виноваты. Я же ведь их вежливо просил. Говорил, что устал. Все-таки быть вежливым – это великая вещь. Надеюсь, больше меня никто не потревожит. Ради его же блага надеюсь...

Где-то около девяти утра поезд миновал промежуточную станцию. Я с интересом разглядывал в окно роскошнейший дворец, в котором, как я знал, жила Справедливость. Люди верно изображали ее с завязанными глазами. Если все время спать, то их просто разучишься открывать. Впрочем, я еще не слышал ни одной жалобы на ее суд. Там же находились и знаменитые Весы. В особо сложных случаях из Рая и Ада доставляли личные дела душ и взвешивали их. Чья папка перевешивала, тех поступков в жизни человека и было больше. Перевешивала папка из Рая, значит, человек был больше хороший, чем плохой. Если же перевешивала папка из Ада, что ж, добро пожаловать к нам в котел.

Поезд остановился. Я переборол в себе желание спустить-

ся на платформу. Нет, мне бы хотелось прогуляться, но у этого места был один крохотный побочный эффект – здесь любая ложь была правдой. Не в том смысле, что солгать нельзя. Просто любая ложь тут же становится правдой. Короче, не самое подходящее место для чертей. К счастью, стоянка оказалась недолгой, и соблазн не успел меня одолеть. Следующая остановка была в Раю.

Подхватив сумку, я вышел на перрон и огляделся. Дяди нигде не было видно. Значит, он так? Значит, скрывается? Ладно, дозвониться я не смог, причины могут быть разные. Но чтобы он не пришел меня встречать, когда я лично надиктовывал сообщение его домовому... Тот не мог не передать его.

– Эзергиль?

Я обернулся. Передо мной стоял какой-то тощий тип, весь покрытый чешуей из иголок.

– Ты кто? – грубовато спросил я.

– Лешие мы, – буркнул тип. – Лешак – это имя такое. Меня просил встретить тебя твой дядя.

– Вот как? – Я начал медленно закипать.

– Да. Он просил передать, что важные дела задерживают его на работе. Он очень сожалеет, что не может тебя встретить, и просил передать тебе вот это.

Я машинально принял ключи.

– Что это?

– Это ключи от квартиры твоего дяди. Он сказал, что ты можешь располагаться у него дома. Сказал, чтобы ты не стеснялся.

Я посмотрел на ключи в руке, потом на лешего.

– С каких это пор в Раю стали запирают дома?

– Да с тех самых, как в Рай стали пускать чертей, – буркнул леший. Похоже, он не слишком любил чертей. – Счастливого.

– А... – Но леший уже скрылся в толпе. Я же остался стоять на перроне с сумкой в одной руке и с ключами от дядино дома в другой. С досадой я швырнул сумку на пол. И здесь перехитрил. Ну не верю я, что дядя вдруг оказался так сильно занят, что никак не может найти даже минуточки ни позвонить мне, ни встретить на вокзале. Однако устраивать скандал было глупо. Тем более здесь. Сразу придут такие дяди в белом. Начнут успокаивать, пообещают конфетку, а потом проводят к папе с мамой. Короче, достанут капитально. Сердито сопя, я подхватил сумку и вышел на улицу.

Первое желание, которое посещает меня при виде городов Рая, – это спуститься в Ад и отыскать душу того архитектора, кто планировал наши города, а потом подложить под его котел побольше высококачественных поленьев, чтоб ему жарче там было. Их здания словно парили в облаках. Они казались воздушными. Весь город сиял в лучах солнца. И даже в пасмурную погоду он не выглядел мрачным. Он скорее казался отмывающимся. А улицы!!! Они словно плыли над городом.

Ты поднимаешься выше и выше, пока город не оказывается под тобой во всем своем великолепии. Город, полный цветов и радости. Эта радость буквально лучится со всех сторон. Тут и начинаешь задумываться об иммиграции.

Передо мной опустился Пегас.

– Вам, молодой человек, куда-то надо? Я доставлю вас быстро и надежно.

Я покосился на этого крылатого конька.

– Подрабатываешь? – поинтересовался я.

– Все мы должны приносить пользу обществу. Я доставляю путников, кто-то сеет прекрасный овес, который я ем. Я помогаю одним, а другие помогают мне.

– Ясненько. Значит, за спасибо и довезешь, – буркнул я, влезая в седло.

Пегас фыркнул.

– Вы, черти, такие невоспитанные.

Всеобщее заблуждение. Мы, черти, вообще-то умеем прекрасно себя вести. Ведь если хочешь кого-то обмануть, то надо для начала вызвать у этого кого-то доверие. А кто будет доверять мрачному хаму, который ругается, как извозчик? Просто мы любим пускать пыль в глаза. Вот мой папаша! Сморкается за столом и тут же вытирает руки об майку. А потом этими же руками ест. Но как-то видел я старый фильм, где папа был во фраке на балу какого-то графа. Кажется, Дракула его звали. Впрочем, в этих человеческих титулах не разберешься. Так вот, он своими манерами затмил

все высшее общество. Он там был просто великолепен. Он в прямом смысле этого слова блистал.

– А что не так? – деланно изумился я. – Ты делаешь приятное мне – довозишь до нужного адреса. Я делаю приятное тебе – говорю спасибо. Мы квиты.

– За спасибо я тебя до другого места довезу, – пообещал мне Пегас.

– Вот-вот. Так бы и говорил. А то всеобщая помощь, всеобщая помощь... Две монеты.

– Идет.

Пегас расправил крылья и взлетел. Полет был коротким, но впечатляющим. Впрочем, с полетом настоящего ангела все равно не сравнить. Хотя некоторым, наоборот, подобный полет нравится больше. О вкусах, как говорится, не спорят. Однако я искренне советую попробовать оба способа, а потом сравнить ощущения.

Крылатый конек приземлился на довольно просторном лугу и копытом показал направление.

– Нужный тебе дом вон тот. Ближе, извини, подвезти не мог. Там запрещена парковка.

Ну, не знаю. Для меня любой запрет только повод его нарушить. Впрочем, в чужой монастырь... то бишь в Рай с адскими законами не лезут. Желая показать этому крылатому коню, кто такие черти, я вдруг преобразился. Легко соскочив с седла, я отвесил ему самый грациозный поклон, на который был способен.

– Благодарю тебя, о дивное создание. Я вечный ваш должник. Примите от меня эти две монеты как малую часть той благодарности, которую я только могу вам выразить. Желая вам здравствовать.

Закончив свой изысканный спич, я перебросил сумку через плечо и зашагал к видневшемуся вдали дому, оставив Пегаса с отвисшей челюстью смотреть мне вслед. Что? Съел коняка? А то черти хамы, черти невоспитанны. И кто тут у нас невоспитанный? Небось не ожидал от такого неотесанного болвана такого изысканно высокого штиля.

В доме дяди я тут же занял лучшую комнату. Ну что ж, раз он сказал, чтобы я чувствовал себя как дома... Я тут же запулил один свой ботинок в один угол коридора, а второй – в другой. Скомкал половичок перед входом и запихал его под дверь.

– Господин Монтирий предупредил меня, что ты именно с этого начнешь, – произнес чей-то невидимый голос.

– Это я еще не начал, – грозно пообещал я, вываливая из ящика обувь. – Я еще только вхожу в азарт.

– Да, он сказал, что ты примерно так и ответишь.

– Я всегда говорил, что мой дядя очень умен.

– Это верно. – Передо мной вдруг материализовалось нечто мохнатое. – Разрешите представиться, меня зовут Профаня. Я домовый этого жилища. Слежу тут за порядком. В связи с этим мне не нравится то, что вы здесь устроили. – Домовой махнул лапой, и весь мой старательно наведенный

беспорядок вдруг пропал. Все вещи оказались именно на тех местах, где им и положено быть. Даже мои ботинки вдруг оказались на полочке для обуви. Я даже засопел с досады. Я тут старался-старался...

– Я так понимаю, что вы и есть племянник господина Монтирия Эзергиль?

– Об этом было сложно догадаться, – буркнул я.

– В таком случае весь этот дом в вашем распоряжении на то время, какое вы пожелаете пробыть в Раю. Моя же задача помогать вам во всем, что пожелаете...

– Тогда помоги навести тут такой бардак, что даже ты не смог бы убрать его меньше, чем за неделю.

– В мою задачу входит присматривать за порядком в доме, а вовсе не разрушать дом.

– Разрушить дом? – Я задумчиво поскреб подбородок. – Хм-м. Слушай, а ты мне подал неплохую идею.

Домовой на миг завис в воздухе. Из мохнатого клубка вдруг появились два широких глаза и уставились на меня.

– Мастер Эзергиль, я бы попросил... – испуганно пробормотал домовой.

Я махнул рукой.

– Расслабься. Я пошутил. Сам подумай, если я разрушу дом, то где буду жить?

– Уф. Ну и шуточки у вас, мастер Эзергиль.

– Ты прав, шуточки чертовские. Поверь, я не собираюсь разрушать дом, – пообещал я. – По крайней мере не собира-

юсь до тех пор, пока не буду съезжать.

Домовой, уже было расслабившийся и вновь превратившийся в мохнатый комок, снова глянул на меня своими большими глазами. Я вежливо улыбнулся ему и закрыл перед его носом дверь в комнату. Прислушался. Домовой что-то бормотал себе под нос. Я кивнул своему отражению в зеркале и прямо в одежде плюхнулся на кровать. Итак, какие наши следующие шаги? А наши следующие шаги – центральный архив. А в отличие от архива Ада, который был всего лишь одним из подразделений министерства наказаний, в Раю архив был отдельной службой. У него было даже собственное отдельное здание. Даже не одно. Итак, если я хочу попасть в архив, то надо договориться заранее.

Я соскочил с кровати и направился в коридор, где видел телефон.

– Эй, лохматый? – позвал я, осматривая стойку телефона. – Где тут у вас телефонный справочник?

– Я не лохматый! – За моей спиной материализовался Профаня. – Меня зовут Профаня.

– Это я слышал. Так где телефонный справочник?

– Черти! – В это восклицание Профаня умудрился вложить такую гамму чувств, что я даже позавидовал. Вот бы мне научиться выражать свои чувства одним словом. И главное – как ярко и талантливо! – Над тобой справочник! – Выдав это сообщение, Профаня снова исчез.

Я поднял голову. Прямо над телефоном на жердочке сидел

попугай-какаду. Я поднялся на цыпочки, стараясь разглядеть за ним справочник, и... встретился взглядом с попугаем.

– Ну? Что смотришь? – поинтересовался он. – Я справочник. Я. Тебе какой телефон нужен?

– А-а-а. – Я огляделся по сторонам. Попугай-справочник? Да, давненько я не был в Раю. Три десятилетия назад попугаев на эту работу не нанимали. – Мне нужен телефон центрального архива.

– Ада или Рая?

– Да на хрена мне телефон Ада?! – рассердился я. – Его я мог бы узнать, и не приезжая сюда.

– Не знаю, но свое требование необходимо формулировать очень точно во избежание различных недоразумений и жалоб в будущем, – педантично уточнил попугай. Он слетел с жердочки и приземлился перед телефоном. Лапой снял трубку и постучал клювом по рычагу. – Але-е, – томно протянул попугай в трубку. Его голос вдруг стал какой-то нежный и даже слегка приторный. Хохолок на голове расправился. В словах промелькнули нежные нотки. – Девочка, ты как? Не соскучилась по своему попке? А я так скучал, так скучал!

Я ошарашенно уставился на попугая, беседующего по телефону с какой-то девочкой. Та что-то ему отвечала. Судя по всему, нечто такое же глупое и нежное. Та-ак!!! Для полного счастья мне не хватало нарваться на влюбленного попугая.

– Где телефон архива, который я просил десять минут назад?! – заорал я, наслушавшись бесконечных «красотка, ми-

лочка, лапочка», когда понял, что если не прервать попугая, то можно ждать номер телефона до вечера. Попугай скосил на меня один глаз.

– Милочка, тут у нас в гостях шумный невоспитанный черт... Да-да, милочка, самый настоящий черт... Да нет же, не шучу. Ты помнишь, я тебе говорил, что у моего хозяина есть племянник в Аду? Так вот, он сейчас гостит у нас...

– Где телефон!!! – опять заорал я. С потолка посыпалась штукатурка.

– Да, – признал попугай в трубку. – Очень шумный молодой человек. И ужасно нетерпеливый... Да, просит телефон архива. Милочка, будь добра, посмотри там. Да-да, я понимаю, но черти такие нетерпеливые.

О нет! Черти очень терпеливы. Но и терпению черта приходит конец. Я молча прошел на кухню и выбрал сковородку побольше. Прикинул на глаз ее размер. Потом из стола достал огромный нож. Покосился на сковородку и отложил ее в сторону. Достал кастрюлю. Надел поварской колпак. Так с ножом в одной руке и кастрюлей в другой я и появился в коридоре. Попугая мой наряд заинтересовал. Он на миг отвлекся от разговора.

– Ты что-то собрался готовить? Правильно. Там у Монтирия есть кое-какие запасы. Я сейчас узнаю нужный тебе телефончик, и мы пообедаем.

Я молча направился к попугаю.

– Кстати, а что ты собрался готовить? – опять отвлекся

от разговора попугай. – Учти, манную кашу я не люблю. А гречка должна быть рассыпчатой, а то вкус пропадает.

– Суп, – сообщил я. – Из попугая.

– Суп я тоже люблю, – меланхолично заметил попугай, прислушиваясь к чему-то в трубке. Тут до него дошло. – Что?!! Суп из... из... из... погу... попу... Ты не можешь!!!

Он взмахнул крыльями, но взлететь не успел. Я быстро протянул руку и схватил его за лапы.

– Ты не можешь?!! – в панике вопил попугай. – Профаня!!! Помоги!!! Убивают хозяйское имущество!!!

Тут появился Профаня с большой доской и какой-то большой тканью. Все это он протянул мне.

– Мастер Эзергиль, настоятельно рекомендую постелить вот это на пол, чтобы не забрызгать его кровью. А на доске разделять этого влюбленного болтуна будет удобней.

– Ах вот ты как?!! Вот, значит, как?!! – возмущенно завопил попугай, тщетно пытаясь вырваться из моих рук. – Вот как ты бережешь хозяйское добро!!! Вот я все расскажу.

– Вынужден заметить, – невозмутимо прервал я его крик, укладывая попугая на доску, – что без головы тебе будет проблематично о чем-либо рассказать.

– Помогите!!! – отчаянно завопил попугай. – Ну пожалуйста! Пожалейте сиротинушку!!! Я больше не буду!!! Честно.

– Мастер Эзергиль, рубите скорее. Я уже печь разжег, – попросил Профаня.

Я занес нож над головой бедной птицы.

– Пожалейте!!! – в отчаянии завопил попугай. Похоже, он и вправду поверил, что я собираюсь приготовить из него суп.

– Ты меня просишь о жалости? – улыбнулся я своей самой чарующей улыбкой. – Черта? Мы ведь, черти, очень милые создания... если нас не доводить. Тебе удалось меня рассердить. Так о чем ты просишь меня теперь? О жалости?

– Я больше не буду!!!!!!

Я почесал кончиком ножа себе щеку.

– Поверить что ли? С одной стороны, ты меня достал. С другой... а кто мне тогда телефон архива скажет?

– Никто!!! Я уникальная птица!!! В моей памяти содержится шестнадцать миллионов сто сорок три тысячи пятьсот семьдесят девять телефонов!!!

Я пожал плечами.

– Пожалуй, ты прав. – Попугай облегченно вздохнул. – Но суп тоже хочется. – Я резко взмахнул ножом и ударил. На миг воцарилась тишина. Над моим плечом завис Профаня и разглядывал зажмурившегося попугая и торчащий около его головы нож. Вот попугай приоткрыл один глаз.

– Я уже в Раю? – шепотом поинтересовался он.

– Да, – совершенно искренне ответил я. – И если хочешь и дальше в нем оставаться, то советую отыскать номер телефона архива как можно быстрее.

Попугай встрепенулся и вскочил. Покосился на торчавший в доске нож и в ужасе отпрыгнул от него, налетев на кастрюлю. Раздался грохот. Кастрюля полетела в одну сторону,

попугай – в другую.

– Слышь, ты, книга телефонная, говорящая, одна штука, – громко позвал я. – Я тебе дал шанс. Но этот шанс для тебя последний.

– Да-да, – закивал попугай. Он сел у телефона и опять клювом застучал по рычагу. – Милочка... – Он вдруг проглотил слова и покосился на меня. – Центральная справочная, срочно номер центрального архива в Раю. Я тебе не попочка, когда на службе!!! Да. Срочно!!! Так. Спасибо. – Попугай опять защелкал рычагом. – Алло? Приемная центрального архива? С вами сейчас будет разговаривать черт Эзергиль. Да. Передаю трубку.

Мы с Профаней переглянулись и пожали друг другу руки.

– Кажется, я начинаю понимать ваши чертовские шутки, – заметил он.

Я улыбнулся и подмигнул ему.

– погоди, то ли еще будет. – И я был слегка шокирован, когда домовый вдруг подмигнул мне.

Как ни странно, но о посещении архива мне удалось договориться без проблем.

– Эзергиль? – спросил меня чей-то мягкий и приятный голос. – Да, на вас уже есть заявка. Второй день лежит. Можете приходить когда вам будет удобно. Только не забудьте захватить какие-нибудь документы.

И здесь бюрократия! Но каков дядя! Значит, заявка уже два дня лежит? То есть дядя подал ее сразу, как только нашел

мне эту работенку. Выходит, он уже тогда знал, что я появлюсь здесь. Мой счет к дяде за великолепные каникулы резко возрос. Мне все сильнее и сильнее хотелось поговорить с ним по душам.

Решив не откладывать поход в архив в долгий ящик, я отправился туда немедленно. Чем раньше я закончу с этим делом, тем лучше.

Города Рая производили на всех неизгладимое впечатление. Они были действительно потрясающие. И чтобы насладиться этой красотой, я решил отправиться к архиву пешком. И для здоровья полезней, и эстетическое удовольствие получу. Я специально прошел мимо небесного портала, который на Земле называют Небесными Вратами. На самом деле это, конечно, были никакие не врата. Просто столбы сияющего света. Именно туда отправляются все души, попадающие в Рай. А там... там их ждет целый мир. Мир, который они создают сами. В котором они творцы. Не то жалкое подобие, которое описывают люди в разных книгах о виртуальном мире. Мир вполне реален. Люди ведь, сами того не подозревая, являются будущими Творцами. Все бесконечное множество Вселенных создано именно такими вот Творцами. Но ведь нельзя допустить до такого важного дела абы кого. Вот и проходят люди испытания. Множество перерождений на Земле. Наша же задача – осуществить отбор только чистых душ, кто доказал свою Человечность. Но нельзя судить по одному проступку. И людям дается множество

шансов. Их души перерождаются после смерти. И даже если они не помнят прошлую жизнь, в душе у них всегда остается Нечто, что остается с ними всегда, прошли ли они через Рай или Ад. Подобное же происходит и на других планетах. Правда, другие планеты – это уже не наша епархия. Там свои аналоги чертей и ангелов имеются.

Я с интересом смотрел на эти сияющие порталы. Как бы мне хотелось заглянуть хотя бы в один из них. Увы, но это было недоступно ни чертям, ни ангелам. И почему-то меня вдруг одолела такая тоска по этому невозможному... Я поспешно отвернулся и зашагал дальше. Сияющие столбы излучали радость, но мне почему-то было грустно. Грустно и тоскливо.

Я торопливо миновал эту аллею и вышел в парк. Этот парк казался оазисом первозданной природы, но все же в нем не было ничего страшного или пугающего. Пожалуй, в таком парке люди с радостью стали бы снимать разные сказки. Хм, интересно, а если предложить ангелам аренду? Так-с, куда-то меня не туда понесло. Какая аренда? Я что, режиссером собираюсь быть? Но идейку подкинуть стоит. Я обернулся, чтобы оценить красоты леса, и заметил чью-то тень, мелькнувшую среди деревьев. Так!!! Ксефон!!! А я-то надеялся, что от тебя надолго отделался. Вот еще головная боль. Теперь ходи с оглядкой. Я еще раз оглянулся и не заметил тонкой бечевки, протянутой на дороге. Естественно, я загрел. Попутно на меня вылилось ведро воды и свалилось са-

мо ведро. Я с досады откинул его в сторону, поднялся и стал отряхиваться под ликующий смех Ксефона.

– Ну что, умник?! Попался?! – вопил он, благоразумно не приближаясь ко мне. – Думал, самый умный, да?! А вот и на вас, умников, нашлась колотушка.

Как ни странно, злости не было. Была досада, что так глупо все получилось. Но Ксефон все-таки придурок гораздо больший, чем я думал. Его мозгов только на бечевку на дороге и хватило. Нет, больше мелкого беса ему точно не подняться. Будет специализироваться на таких вот подлянках, что не требуют ни ума, ни фантазии. И ведь всерьез полагает, что его ловушка – шедевр его гениального ума.

Я вывернул карманы и с грустью посмотрел на свои размокшие чихательные бомбочки. Теперь от них пользы ноль. Даже если их высушить, то порошок внутри слипнется и превратится в один ком. Я зашвырнул их в кусты и направился дальше. Если Ксефон думает, что таким образом сможет меня остановить... Надо только внимательнее на дороге быть.

– Эй, что ты молчишь?! – Кажется, Ксефона серьезно задело, что я никак не прореагировал на его ловушку. А раз так... – Ну что? Вымок весь, да?! Какая беда.

Совершенно не обращая на него внимания, я покинул этот первозданный лес и снова очутился в городе. Прохожие-ангелы удивленно косились на мою мокрую одежду, но тактично молчали. Раз хожу в мокрой одежде, значит, так надо. В конце концов, здесь Рай и каждый имеет право на

любые странности. Следом плелся Ксефон и слегка осипшим голосом продолжал давать разные советы. А вот это уже было неправильно. В Раю не допускаются насмешки в адрес других личностей, и по меньшей мере ему уже раз десять сделали замечание. Тот, кажется, так и не понял, что дело принимает для него довольно серьезный оборот. Я же только улыбался. Если Ксефон любит прогуливать уроки и не знает элементарные правила поведения в Раю, то я буду последний, кто его просветит. Тем более что его уже неоднократно предупреждали.

Ксефону все-таки надоело насмешничать раньше, чем прибыл патруль, который просто выдворил бы его обратно в Ад с запретом появляться здесь по меньшей мере лет десять. Эх, мне надо было хоть как-то показать, что его насмешки меня задели. Тогда бы и патруль появился раньше, и Ксефон не остановился бы.

Я поднялся через главный вход в архив. Там служитель с интересом осмотрел меня.

– Э-э, молодой человек, вы так и собираетесь войти в архив в мокрой одежде?

– А в чем дело? – осмотрел я себя. – Просто искупался по дороге. Понимаете, жарко стало.

– Что вы, что вы, – замахал он рукой. – Я вовсе не собираюсь вторгаться без вашего разрешения в вашу жизнь. Просто, понимаете, у нас все-таки архив... Не затруднит ли вас пройти сначала вон в тот кабинет. Там вам высушат одежду.

А когда будете покидать архив, то, обещаю, мы вам ее снова намочим как было.

Я задумался.

– Даже не знаю. В мокрой одежде так хорошо по жаре ходить. Вы никогда не пробовали? Попробуйте. Так приятно.

Служитель с сомнением оглядел меня.

– Ну, я все-таки не мальчик, – неуверенно заметил он.

– И что? Из-за того, что вы не мальчик, вам надо страдать от жары? Ведь вам именно потому, что вы не мальчик, и нужно заботиться о своем здоровье.

– Думаете?

– Конечно! Знаете как освежает?

– Хм. Ладно, – как-то неуверенно отозвался он. – Только в архив в мокрой одежде нельзя.

Я печально кивнул.

– Ладно уж. Высушу. Чего не сделаешь ради школы.

– Ух ты, – восхитился ангел. – Черт, а такой воспитанный и старательный. А моего балбеса в школу не загонишь. А ты ради школы... Вот бы тебя с моим сыном познакомить, чтобы ты повлиял на него в положительную сторону.

Я на миг задумался. Чему этого сыночка можно научить? Ну, сразу так можно попробовать показать, как незаметно списать контрольную. Потом можно будет уговорить его залезть в чужой сад. Гм, заманчиво, заманчиво. Жаль, придется отказаться. А все эта практика!

– Как-нибудь обязательно познакомьте, – улыбнулся я. –

Но сейчас, увы, надо заниматься. Школа, школа.

– Какой милый и воспитанный черт, – услышал я бормотание служителя за спиной. – И как старается выполнить домашнее задание. А ты кто такой и куда направляешься?

Я обернулся. За мной попытался прошмыгнуть и Ксефон. Служитель как раз успел ухватить того за плечо.

– Покажите сначала вашу заявку. Вы делали ее?

– Да пошел ты, дедуля! – рявкнул Ксефон.

Я хмыкнул. Вот этого ему точно говорить не стоило.

– Какие разные все-таки черти есть. Один вежливый и старательный, а второй торопливый хам. – Ксефон вдруг сам собой поднялся в воздух и со сверхзвуковой скоростью головой вперед покинул холл архива. Думаю, больше ему не захочется сюда заходить. Ангелы создания, конечно, кроткие, но вот чертей не любят. С ними осторожно надо, чтобы чаша их вселенской любви не высохла под жгучими лучами чертова хамства. Да-с. И чего это меня на образы потянуло? А Ксефона даже жалко. Говорили ведь ему хорошие черти: учись, а то мелким бесом станешь.

В отличие от архива в Аду здешние полки с личными делами людей располагались в просторном и светлом зале. И если тот архив вызывал у меня стойкую ассоциацию с гигантской тюремной камерой, то местный зал больше напоминал библиотеку. Библиотекарь... э-э-э... смотритель проводил меня к одному из стеллажей.

– Ну-с, молодой человек, вот то, что вы просили. И я ис-

кренне рад, что даже в вашей адской школе теперь стали давать задания помогать людям, а не только наказывать плохих. Наказать – это, конечно, хорошо, но, как говорил наш учитель: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии».

– Ага. А если он не желает раскаяться, то ему надо немного помочь. Тут мы, черти, и нужны, – кивнул я.

Смотритель сморщился.

– Ну-ка, молодой человек, присядьте.

У-у-у! И зачем я вылез со своим комментарием?! Однако делать нечего. Пришлось сесть в предложенное кресло. Желания спорить у меня не возникло – пример Ксефона до сих пор стоял у меня перед глазами.

– Мне кажется, в ваших словах я уловил насмешку. Однако в данном случае она не совсем уместна. Я ведь говорил об искреннем и добровольном раскаянии.

Да-да. Искреннем и добровольном. «Раскаиваешься ли ты, сын мой? А ежели нет, то гореть тебе в Аду за это». Так и веет от этих слов искренностью и добровольностью.

– Вижу, о чем ты думаешь. – Я насторожился. Что там этот смотритель мог увидеть? – Сомневаешься. Ничего, со временем сам поймешь. Вот смотри. – Смотритель протянул руку и достал одну тоненькую папку. – Видишь это? А теперь посмотри другое личное дело. – Он хлопнул в ладоши. Пол вдруг разверзся, и оттуда в другую руку смотрителя впрыг-

нула другая папка. Из Ада. Толщиной она была где-то с чемодан. При виде этого трюка я только завистливо вздохнул. Вот бы мне так. Хлопнул в ладоши, и пожалуйста, в моем распоряжении архивы и Ада, и Рая. И не надо мотаться туда-сюда.

– Как ты думаешь, куда попал человек, чье личное дело ты видишь, в Ад или Рай? – прервал мои мысли смотритель.

Я на глазок прикинул толщину обоих папок. Райская была размером с тетрабочку.

– А коэффициент уменьшения одинаков? – на всякий случай спросил я, подозревая подвох.

Смотритель улыбнулся.

– Совершенно.

– Тогда к нам. Наш клиент.

Смотритель тихонько рассмеялся.

– Ты смотришь на внешнюю сторону дела. Это ошибка. Запомни это, мальчик. Никогда не суди о человеке, глядя на его оболочку. Попробуй заглянуть в его душу. А этот человек вовсе не ваш клиент. Он сейчас в Раю, ибо его добрых дел хоть и меньше, но они такие, что на Весах Справедливости моментально перетянули его проступки.

Та-ак. Я теперь взглянул на эти папки по-новому. Потом поклонился.

– Благодарю за урок, смотритель. Я... я запомню его.

– Ты умеешь слушать других, – одобрительно кивнул он мне. – Это редкий дар. И, мальчик, ты далеко пойдешь. Толь-

ко в какую сторону?

Теперь уже улыбался я.

– Я же черт.

– Верно. Но и черти разные. Ты можешь стать таким, как ваш Вельзевул.

Меня передернуло. Свят-свят-свят. Я чуть не перекрестился. Когда же я снова повернулся к зрителю, то того уже не было. Хм, а что, у них нет правил типа посетителя одного не оставлять? Или они настолько всем доверяют? Скорее, последнее. Ангелы, презрительно фыркнул я. Хотя в душе я был искренне благодарен за такое доверие. И проказничать не хотелось совершенно.

Я направился к полкам.

– Ну что ж, Ненашева Зоя Павловна. Посмотрим на вашу жизнь с другой стороны. И заодно посмотрим на вашего муженька.

Глава 6

Первым делом я взял личное дело мужа Ненашевой – Ненашева Виктора Николаевича. Мне просто интересно было, какие же у подобного человека могут быть добрые дела.

– Добрый день, – поздоровалась со мной папка. – Вы сейчас держите в руке личное дело Ненашева Виктора Николаевича. Желаете ознакомиться с его добрыми делами?

– Желая, – буркнул я. Вскоре у меня уже на разные вежливости нервный тик разовьется. Как бы я желал снова услышать привычное: Эзергиль, придурок ты этакий, куда прешь?

Папка тем временем раскрылась, и я увидел фотографию молодого вполне приличного человека. Он шел по улицам тихого городка. Не слишком богатый наряд, и папка в руке. Да и вообще ничем не примечательная личность. Ну, идет себе и идет.

– Студент первого курса Ненашев Виктор, – пояснила папка.

– Помогите!!! – неожиданно раздался крик. Я даже оглянулся от неожиданности, но крик шел из папки. Не отрываясь от показываемого папкой, я подошел к окну, положил личное дело на стол и сам пододвинул себе кресло. Я видел, как какая-то девочка лет семи попыталась с набережной достать мячик и свалилась в воду. Видел, как Ненашев, не раз-

думывая, бросился в воду.

Тут я вспомнил о разговоре со зрителем.

– Слушай, а сколько на Весах Справедливости весит это дело?

– На самом деле не очень много. И в то же время очень много.

– Поясни, – хмуро попросил я. – Мне что-то не хочется сегодня отгадывать загадки.

– Очень просто. Он спас человеческую жизнь. Это дорого стоит. Очень дорого. Но для него это спасение ничего не стоило. Он не рисковал ничем. То есть, если бы при спасении этой девочки была реальная опасность лично для него и он, зная об этом, все равно бросился бы спасать, то этот поступок ценился бы намного больше.

– Выходит, он виноват, что ему не грозила опасность?

– Нет. Я говорю про реальность. Он спас человеческую жизнь. На весах его жизни это учтено.

– Ладно, для меня это слишком сложно еще. Давай смотреть дальше.

За тридцать минут я повидал Ненашева Виктора в разных ситуациях. Видел, как он выручал друга, как помогал другим.

– Папка, помоги мне. – Четырехгодовалый малыш подошел к отцу. Ненашев рассмеялся и нагнулся к сыну.

– Что тут у тебя?

Карапуз протянул игрушку.

– Вот тут сломалось.

С некоторой оторопью я наблюдал, как этот человек опустился перед сыном на колени и начал возиться с его игрушкой. Видел его нежную улыбку, которая постоянно появлялась у него на губах, когда он глядел на сына. Я смотрел на это и не верил. Неужели это тот самый человек, который восемь лет спустя в пьяном угаре будет избивать сына ремнем за кражу денег, которой не было? Тот, кто виноват в смерти жены?

Однако дальше все стало понятнее. Я увидел, как он пришел слегка навеселе. Зоя вышла встречать.

– Витя, – позвала она мужа. – Где ты был? Я же волновалась!

– Да на презентации, понимаешь...

– Но ты мог бы позвонить?

– И что? Я должен звонить по любому поводу только потому, что дура-жена переживает по всяким пустякам?!

Зоя побледнела.

– Витя...

Муж отпихнул ее и прошел в квартиру. Я же никак не мог понять, почему этот эпизод попал именно в эту папку, хотя, судя по всему, он должен быть в папке у нас.

– Папа! – раздался испуганный крик от двери. Там в пижаме стоял уже повзрослевший мальчик. Он испуганно смотрел на отца. Виктор Ненашев замер, словно на стену налепел. Провел рукой по лицу. Резко развернулся и бросился к

плачущей жене.

– Господи, – пробормотал он, – что ж я делаю! Зоя, Зочка, прости меня, пьяного дурака.

Он опустился перед женой на колени и обнял ее. Рядом с ними присел и мальчик.

– Витя, ты же ведь не умеешь пить. Зачем ты это делаешь?

– Зочка, но ведь я не могу. Скажут, зазнался совсем. Стал заместителем директора и перестал быть с коллективом.

– А ты наплюй! Ты же и себя губишь, и нас мучаешь.

– Я обещаю, что теперь буду меньше пить. И только вино.

Зоя покачала головой, и в этот миг изображение прервалось. Я еще некоторое время смотрел на чистый лист бумаги.

– А почему это здесь?

– Хочешь спросить, почему этот эпизод не в вашей епархии?

– Ну да. Как я понимаю, этот эпизод вовсе не в его плюс.

– Вот тут ты ошибаешься. Тебе ведь говорили, не смотри на внешнюю сторону, смотри в душу. И, между прочим, этот эпизод на Весах Справедливости весит больше, чем некоторые из его грехов.

– Но почему?

– Да потому что он извинился. Потому, что его раскаяние за свой проступок было искренним и шло из глубин души, чурбан ты чертов. Неужели ты не увидел этого?!

– Я попросил бы не обзывать! И что в том, что он раскаивался?

– А то, что искреннее раскаяние перевешивает вину.

– То есть если он искренне раскается в смерти жены, то его простят?

– Да. Однако Ада он не избегнет. Только это будет этап Чистилища. Ему будет дан еще один шанс. Но для этого он должен раскаяться. Искренне.

– О-о-о, – зловеще протянул я, – это я могу устроить. Он будет у меня так искренне раскаиваться, что все ангелы зарыдают. Тогда он действительно позаботится о сыне, душа его жены обретет покой, и я сдам эту проклятую практику!

Папка укоризненно поцокала... э-э... языком что ли? Короче, просто поцокала.

– Ты так ничего и не понял. Ты не можешь заставить его раскаяться. Если это будет по принуждению, то какое же оно искреннее? Ты можешь помочь ему осознать степень его падения, но прийти к осознанию своей вины он должен сам.

– Я что, ангел?! – возмутился я. – Помочь осознать вину – это работа ангелов, а не чертей. А я черт!!!

– Да? Действительно. Я забыла об этом. Но кто лучше чертей знает о вине?

Я уже приготовился зашвырнуть эту вообразившую себя слишком умной папку куда подальше, но последнее замечание заставило меня замереть. Действительно, кто лучше чертей знает о вине? Это стоит обдумать. И не здесь, а в более спокойной обстановке. Однако в этот момент со всей очевидностью стало ясно, что решить проблему этой... этой...

неприкаянной души, не решив проблему ее семьи, не удастся. А чтобы решить семейную проблему, необходимо отправиться на Землю. На Землю!!! Мамочка моя. Я же еще несовершеннолетний!!! Я маленький еще для подобного!!!

– Ну, дядюшка, я тебе при встрече все выскажу! Долго ты прятаться от меня не сможешь!

– И не буду.

Я резко обернулся. Позади меня стоял мой дядя и улыбался. Нет, он еще улыбается!!!

– Дядя!!!

– Тише. Тш-ш. Не надо здесь кричать.

Я моментально сбавил тон.

– Дядя, ну вы и подкинули мне работенку!

– А что тебе не нравится? Разве не интересно?

– Интересно?! Интересно?!! Дядя, я черт, а вы заставили меня вникать во все эти тонкости человеческих отношений!!! Чтобы помочь!!!

Дядя вздохнул.

– Не хочется мне этого говорить, но, заметь, какую бы работу ты в будущем ни выбрал, именно знание тонкостей человеческих отношений лишним для тебя не будет. Вспомни, что говорил твой любимый Мефистофель.

Знал дядя, как меня уесть. Вообще Мефистофель в Аду был легендарной личностью. И мой кумир. Я зачитывался его жизнеописаниями, втайне мечтая быть похожим на него. Однако ангел, помогающий черту пойти по пути Мефисто-

феля... где-то тут была ловушка. Но где?

– Дядя, чегой-то вы решили помочь мне стать вторым Мефистофелем?

– Ну, это тебе точно не грозит. Эзергиль, ты слишком талантлив и независим, чтобы стать простым подражанием кому бы то ни было. – Я задрал нос. Нечасто можно услышать такие слова от дяди. – Я просто хочу помочь тебе найти свою дорогу. И чтобы ты не превращался в монстров наподобие Вельзевула.

Да уж, не будь помянуто на ночь это имечко. Хоть этот Вельзевул и был чертом, но брал в основном за счет тупой силы. Ох и наделал он шороху в Аду в свое время. Самый непримиримый противник реформ Горюяна.

– Дядя, а ты знаешь, что мне благодаря тебе придется теперь на Землю отправиться?

– Знаю. Более того, я уже выбил тебе разрешение от Рая. С Адом сам договаривайся. И эта поездка для тебя в любом случае будет полезной. Какой же ты будешь черт, если не увидишь жизнь людей изнутри? Между прочим, я эту мысль пробиваю и среди ангелов. А то многие всю жизнь прожили в Аду или Раю, решают судьбы людей, а на Земле ни разу не были. Разве это годится?

Я печально вздохнул. Ведь знал же, что спорить с дядей бесполезно. Все равно переубедит меня. И все равно горячился, хорохорился. Вот я ему скажу при встрече, выскажу все, что о нем думаю! Тьфу. Вот и высказал.

– Я еще маленький! – прибег я к последнему аргументу. – Мне еще нет и ста двадцати лет. Только в будущем году будет!

Дядя покачал у меня перед носом пальцем.

– Нечестный прием, Эзергиль. Не ты ли, когда я гостил у вас дома, доказывал своим родным, что ты уже большой? И, между прочим, приводил в качестве доказательства своей взрослости этот же самый аргумент. Говорил только, что тебе УЖЕ сто двадцать лет.

Шах.

– Но если ты настаиваешь, то можешь отказаться от этой работы. Ну, потеряешь год в школе. Велика ли беда?

И мат.

– Давай свое разрешение от Рая, – буркнул я.

По договоренности с Раем, достигнутым Горуяном, посещать Землю чертям разрешалось только с разрешения ангелов и, соответственно, наоборот. Разрешения эти были простой формальностью, но помогали контролировать количество ангелов и чертей, находящихся на Земле. Таким образом, их общее количество там всегда должно было быть равным. Интересно, а кому в Аду разрешили отправиться на Землю в обмен на мое разрешение?

– Итак, Эзергиль, поздравляю. Ты принял действительно ответственное решение. После этого путешествия ты изменишься. В лучшую или худшую сторону, не знаю, но прежним ты не останешься. Но я верю в тебя.

Спасибо тебе, дядя, за теплые слова. Ты просто не представляешь, как меня вдохновил.

– У тебя еще есть в архиве какие-то дела?

Я покосился на две папки, лежащие передо мной.

– Да нет. Я все посмотрел, что меня интересовало. В общих чертах картина ясна. А подробности уже придется выяснять на месте.

– Ну что ж, тогда пошли.

Я убрал личные дела на место. И зашагал следом за дядей. На выходе дядя слегка приобнял меня за плечи.

– Да ты не переживай, тебе понравится на Земле. Это я тебе гарантирую. Ну что, полетели?

– Полетели, – кивнул я.

Дядя подхватил меня, и мы взлетели. Последнее, что я увидел перед архивом, – это круглые от удивления глаза Ксефона, выглядывающие из-за забора, откуда тот, очевидно, вел наблюдение за входом, высматривая меня.

У входа в дом дядя гостеприимно распахнул передо мной дверь.

– Заходи, Эзергиль. Чувствуй себя как дома...

– ...но не забывай, что ты в гостях, – добавил я. Дядя хмыкнул. Потом кивнул на гостиную.

– Ты посиди так пока. Мне надо звонок один сделать.

Я кивнул. Прошел в гостиную и плюхнулся в кресло. Из журнального столика достал какой-то журнал и без интереса стал его смотреть.

– Але, – томно донеслось из коридора. – Милочка, ты соскучилась по своему попочке?

В комнату вошел дядя, хмуро смотря в коридор.

– Глупая птица, – буркнул он. – Теперь два часа будет трепаться со своей милочкой. Угроздило же его влюбиться в попугаиху центральной справочной. Я его пытаюсь перевоспитать. Внушить почтение к долгу службы. Постепенно он осваивается. Сейчас уже меньше треплется.

Да, все-таки дядя уже слишком давно ангелом работает. Теряет хватку.

– Дядя, а как вы его переубеждаете?

– Как? Конечно, любовью и заботой! Вот погоди, через годик ты его и не узнаешь.

– Ага, – кивнул я. – Через годик так, через два... Куда вы хотели позвонить, дядя?

– В бюро учета перемещений. Мне надо утрясти кое-какие мелочи по поводу твоего пропуска.

– Отлично. – Я поднялся и направился в коридор. Удивленный дядя прошел за мной. Я же молча подошел к телефону и нажал на рычаг. Попугай недовольно встрепенулся.

– Монтирий, как тебе не совестно, ты прер... – Тут попугай увидел, что говорит вовсе не с Монтирием. Его хохолок как-то резко опал.

– Мне нужен номер бюро учета перемещений, – мягко сообщил я и улыбнулся. Попугай дернулся.

– Сей момент. Центральная справочная? Сколько раз го-

ворить тебе, что я не попочка, когда на службе! Да, срочный заказ. Мне нужно бюро учета перемещений. Понял. – Попугай клювом стал нажимать на кнопки. – Бюро учета перемещений? Вам звонок. Сейчас с вами будет говорить че... – Я пальцем показал на дядю. Попугай махнул мне хохолком. – Прошу прощения. С вами сейчас будет говорить ангел Монтирий. Передаю трубку.

Я принял из лапы попугая трубку, облокотился о стену и небрежно подал ее дяде.

– Разговор заказывали?

Дядя совершенно круглыми глазами смотрел то на меня, то на попугая, который умудрился каким-то образом сидеть на своей жердочке чуть ли не по стойке «смирно». Потом взял у меня трубку. Я кивнул и отправился обратно в гостиную. Вскоре пришел дядя. Он сел напротив меня, подпер подбородок кулаком и окинул меня долгим изучающим взглядом. Я делал вид, что совершенно этого не замечаю. Первым молчание нарушил дядя.

– Да, Эзергиль, я знал, что ты талантливый ребенок... Да-с, черт, который смог заставить моего попугая отнестись к работе серьезно, пойдет далеко. Ты скажи, как тебе это удалось? На будущее.

Я пожал плечами.

– Право, даже не знаю, что сказать, дядя Монтирий. Мой способ, боюсь, вам не подойдет. Я его убеждал чертовскими шутками.

– Чертовскими шутками?

– Ну да. Пошутил немного.

Дядя посмотрел на меня как-то очень подозрительно.

– Ну, честное слово, пошутил, – приложил я руку к груди. – Вот можете у Профани спросить. Мы с ним подружились. У вас такой хороший домовой.

– Вы с Профаней подружились?!!

– А что тут особенного?

– Да так. Ничего. – Дядя мотнул головой. – Ладно. Давай о делах. В общем, так: сейчас я утряс последние детали и с Раем, и с Адом. Разрешение тебе дано. Однако, поскольку у тебя еще нет хвоста, перемещаться самостоятельно ты не можешь. Так что в некотором отношении тебе придется даже не играть роль человека на Земле, а стать им...

В этот момент раздался звонок в дверь. Дядя поднялся.

– Ага, это именно то, что я и ждал. Я сейчас.

Дядя вышел и вскоре вернулся с каким-то пакетом. Я удивленно смотрел на него. Дядя же молча положил пакет на стол и стал его разворачивать. Вот на столе появился блокнот. Какая-то инструкция. Ручка. Еще какие-то бумаги.

– Это из бюро контроля, – пояснил мне дядя. – А также кое-какой мой личный заказ. В частности, вот этот блокнот. На самом деле, это не совсем блокнот. Это последняя разработка Рая. Держи, пригодится.

Я взял блокнот и повертел его в руке.

– И зачем это? Что с ним делать?

– Ну, это средство связи. На экстренный случай. Если что, пиши в нем мне. Я приду и заберу тебя. Только вот обратно уже доставить не смогу. Так что мой вызов с его помощью – это твой провал.

– Замечательно. А если я потеряю этот блокнот?

– Постарайся не терять. Кстати, блокнот для людей невидим и неосязаем. Но если потеряешь, то беда, думаю, невелика. Блокнот – это просто на экстренный случай. Но у него есть еще одна функция, которая для тебя будет гораздо полезней. Он подключен к архиву как Рая, так и Ада. Если тебе понадобится какая-нибудь справка из любого архива, ты вот этой ручкой пишешь в нем вопрос.

– Ух ты! – Я схватил ручку и написал: «Ненашева Зоя Павловна. Личное дело». Буквы тотчас исчезли, а на странице блокнота появилась уже знакомая мне фотография молодой женщины. Потом пошли кадры из ее жизни с пояснением. – Здорово! – Я захлопнул блокнот и сунул его себе в карман. – Вот бы мне такой до моих поисков. Тогда не пришлось бы мотаться между Раем и Адом.

– Не пытайся облегчить себе работу, Эзергиль. Блокнот тебе не помог бы. Он всего лишь средство связи с ограниченными возможностями. Поиск, например, с его помощью ты осуществить не сможешь. Вернее, сможешь, но в очень ограниченном масштабе.

– Все равно пойдет. А что еще?

– А что тебе еще надо? Все остальное для различных ин-

станций. Тебе они не нужны.

– Отлично. Дядя, ты не представляешь, как я рад. – Однако мой кислый вид говорил прямо о противоположном. И никакой радости в голосе не было.

Дядя похлопал меня по плечу.

– Не трусь, прорвемся. Ты же ведь не хочешь всю свою жизнь просидеть в конторе?

– Конечно, нет!!!

– Так вот тебе шанс.

Ну да. Конечно. Ладно, как там сказал дядя? Прорвемся? Вот и будем прорываться. Только надо все хорошенько обдумать. Поход на Землю – это вам не прогулка в Рай, куда регулярно ходит экспресс. Тут дело посерьезнее. Первое, что следует обдумать, – так это что туда брать. В каком прикиде стоит появиться на Земле. Надо будет почитать о последних событиях там. Нет, поход на Землю слишком серьезен, чтобы подходить к нему с бухты-барахты. Я оценивающе посмотрел на дядю.

– Дядя, ты ведь бываешь на Земле? Как мне посоветуешь там появиться? Этаким богатеньким сынком какого-нибудь нового русского?

Дядя поморщился.

– До чего вы, черти, любите комфорт. Ты вот ответь мне, с кем ты собираешься чаще всего встречаться на Земле? С новыми русскими или обычными людьми? А если с обычными, то каким образом ты собираешься пересекаться с ними

в своем облике богатенького сынка?

Я почесал лоб.

– Действительно. Я как-то об этом не подумал.

– Запомни одно из правил общения: если ты собираешься с кем-то заняться делами, будь на уровне этого человека.

– Да, дядя. А что ты можешь мне посоветовать? Ну... я по поводу того, как мне действовать?

– А вот это я оставляю на твое полное усмотрение.

Спасибо, дядя. Я всегда знал, что ты мне не откажешь в помощи.

– И не надо так тяжело дышать. В конце концов, не ждешь же ты, что я выполню за тебя твою практическую работу? Но не беспокойся, без помощи ты не останешься. А теперь я тебе посоветую следующее: забудь пока обо всех проблемах и пойдем прогуляемся. Я тебе город покажу. Если не ошибаюсь, ты ведь у меня лет тридцать не был? Посмотришь, как тут все изменилось.

– Но, дядя...

– Знаю-знаю, но, поверь, для дел тоже будет лучше, если ты пока отложишь их в сторону. Так как?

– С удовольствием, дядя.

Следующие несколько дней я запомнил плохо. После экскурсии дядя заказал два билета до Ада и отправился со мной в качестве поддержки. И этот его шаг оказался вовсе не лишним. Мама устроила форменную истерику, когда узнала, что

мне придется отправляться на Землю.

– Чтобы я отпустила своего сыночка туда? К этим распущенным, жестоким, наглым людишкам???!?! Они же его испортят!!! Научат разным гадостям!

– Черта научат гадостям? – вежливо переспросил дядя.

– Да!!! Эти люди... люди... Никуда я его не пущу!!! Все, точка! Пусть остается на второй год! Это лучше, чем хоронить мою кровинушку! Ну подумаешь, еще один годик проучится в том же классе!

– Мама, но что мне может грозить на Земле?

– Как что?!! А эти попы, вечно машущие своими вонючими кадилами! А эти бочки с так называемой святой водой! А разные святые места! А всякие там храмы, синагоги, мечети?

– Мама, но я не собираюсь прогуливаться в таких местах.

– Попробовал бы ты только собраться! Ты бы у меня потом неделю сидеть бы не смог! Никуда не пущу.

– А ну цыц, женщина! – вдруг рявкнул молчавший доселе отец. – Лучше помоги ему собраться в дорогу.

– Не пущу!!!

– Пустишь! Или ты хочешь, чтобы наш сын так и остался маменькиным сыночком?

– Пусть будет маменькин сынок, зато живой!!!

Дядя и отец переглянулись. В глазах обоих можно было прочесть одно и то же. «Ох уж эти женщины!» – говорили их взгляды. Я же сейчас обдумывал один моментик. Если мне сейчас показать хоть крошечное колебание, то мама,

безусловно, настоят на своем, и никуда я не поеду. Не надо будет ничего решать или делать. Ну, останусь на второй год, единственный я, что ли, такой? Однако я также понимал, что если я так сделаю, то потеряю к себе всякое уважение. А без уважения к себе разве можно чего-то добиться в жизни? Я же определенно чего-то добиться хотел. Перспектива провести всю жизнь каким-нибудь мелким клерком, как мой брат, меня совсем не прельщала. Именно поэтому я молчал, предоставив разбираться с матерью отцу и дяде, понимая, что у них получится гораздо лучше моего убедить ее.

Эта битва для матери была слишком неравной и поэтому заранее обреченной на поражение. Поэтому вскоре она вынуждена была смириться с неизбежностью. Но сборы обещали быть не менее захватывающим зрелищем. Особенно когда мама начала пихать мне в чемоданы разные теплые вещи.

– На Земле так холодно, – приговаривала она. Мне же, когда мой взгляд падал на все растущую горку чемоданов и сумок, становилось тоскливо. В конце концов я не выдержал и отправился гулять, предоставив разбираться с матерью отцу и дяде.

Я прошел на детскую площадку, оседлал лошадку на карусели и задумчиво подпер подбородок. Честно говоря, я еще сам не разобрался, нравится мне эта поездка или нет.

– Ты катаешься?

Я поднял голову и встретился взглядом с совсем еще молоденьким чертенком. На вид ему было лет пятьдесят, не

больше.

– Я занял твою лошадку? – спросил я. – Извини. Давай я тебе помогу.

Я посадил малыша и раскрутил карусель. Малыш радостно завизжал. Делать мне было все равно нечего, и я стал работать «мотором» на карусели. Вскоре прибежали еще детишки. Зазвучал смех. Как ни странно, но мне было тоже весело. Наверное, мне надо было просто отвлечься от моего школьного задания. Расслабиться. И коль мне это действительно помогает, то стоит оторваться по полной. Так что вскоре я уже играл с детишками в лошадок, скакал с ними через препятствия. Наконец все они утомились. Я плюхнулся на траву и запрокинул голову. Тут кто-то подошел ко мне и замер. Я приоткрыл один глаз. Рядом стоял все тот же карапуз.

– А почему ты был такой грустный сначала? – спросил он.

Я приподнялся на руках. Вот дотошный малыш. И что мне теперь ему отвечать?

– А почему ты решил, что я грустный? Может, я просто задумчивый?

– Ты был и грустный, и задумчивый.

Я присмотрелся к мальчику. Тот с какой-то недетской серьезностью смотрел на меня. Все ясно, наверняка будущий ангел. Не сможет этот малыш жить среди чертей. Он слишком близко к сердцу принимает чужие страдания. До Горюна он наверняка просто умер бы от тоски. Сейчас же у него

есть шанс. И очень может быть, что из него получится очень неплохой ангел. Я посадил его рядом с собой.

– Понимаешь, мне в школе дали одно задание. Но чтобы выполнить его, я должен уехать. Уехать далеко и, очень может быть, надолго. И задачка не из простых. Так что я даже не знаю, справлюсь ли с ней...

– Нет, – сообщил мне вдруг малыш. Я вздрогнул и уставился на него. Тот смотрел куда-то вдаль. – Не справишься, если сомневаешься. Когда я начинаю сомневаться, то у меня никогда ничего не получается. Вот я, помню, хотел построить башню из кубиков. Высоченную. Начал. А потом засомневался. А она возьми и рухни.

Я улыбнулся. Все-таки странный малыш. Тот вдруг повернулся ко мне.

– Ты не сомневайся. Просто захоти и сделай. А ты добрый. – Он протянул мне ладошку. – До свидания.

Я машинально пожал ее. Никогда и никто еще не называл меня добрым. Малыш встал, отряхнулся и направился куда-то со двора.

– Эй, – крикнул я ему вслед. Малыш обернулся. Я кивнул ему. – Спасибо.

Тот помахал мне рукой и тоже кивнул в ответ. Потом отвернулся и побежал.

– Хм, значит, просто возьми и сделай, – хмыкнул я. – Чего уж проще. А вот возьму и сделаю. Всем чертям назло. В конце концов, я Эзергиль! И я сделаю так, что вскоре и Рай,

и Ад услышат мое имя.

– Хвастун! – Я обернулся. Позади с нагловатой усмешкой стоял Ксефон.

– А, это ты. – Я растянул губы в злорадной ухмылке. – Как тебе понравился полет в Раю? А администратор министерства наказаний тебя тоже, наверное, поблагодарил за помощь. Скажи, а архивариус при встрече с тобой вежливо здоровается?

– А ты одежду свою высушил?! – отпарировал Ксефон.

– О да, – улыбнулся я еще шире. – Кстати, благодарю за купание. На улице такая жара была. Ты мне сильно помог. Да, мне жаль тебе это говорить, но я вынужден попрощаться с тобой. Я уезжаю, и, надеюсь, там тебя не будет.

– Это на Землю ты уезжаешь?! Ой-ой, напугал. Между прочим, я это уже отлично знаю! И мы там с тобой еще встретимся! Как только я получу разрешение.

Все-таки Ксефон дурак. Ну кто же кричит о том, что знаешь? Мои мысли моментально устроили в голове бег с препятствиями. Значит, Ксефон знает, что я отправляюсь на Землю. Но узнал об этом недавно, если только сегодня занялся выбиванием разрешений. Откуда узнал? Цепочка вообще-то не слишком длинна. Мой дядя вряд ли стал бы просвещать этого болвана. А разрешения согласовываются с министерством наказаний – именно оно у нас в Аду центральное. А значит, все эти просьбы шли через руки администратора. Тот может не любить Ксефона внутри министерства, но

за стенами своего хозяйства Ксефон его союзник. Ему, конечно, пришлось изловчиться, чтобы сообщить эту новость Ксефону и не нарушить заключенный договор с Викентием. Однако на то и черт, чтобы уметь вертеться. Значит, Ксефон узнал о моей поездке... Я оглядел наряд Ксефона. Судя по всему, он только недавно из Рая. Час назад. И тогда же начал хлопоты. Отставать ему от меня никак нельзя. Он должен понимать это и своими куриными мозгами. Но вот чего ему определено не следовало делать, так это сообщать мне о том, что ему известно о моей поездке. Не поиздеваться над Ксефоном я не мог. Я деланно выгнул бровь.

– Вот как? Что ж, спасибо за информацию. Теперь буду учитывать тебя в своих планах. Кстати, я что-то не пойму, чего ты ко мне привязался? У тебя что, никакого задания нет? Ах да, ты же у Викентия! Он не станет затруднять своего любимчика.

Ксефон взвился. Похоже, он и сам сообразил, что сболтнул лишнего.

– Мое задание тебя совершенно не касается! Я делаю то, что захочу. А тебе я все равно не дам выполнить твою практическую работу!!! И ты останешься на второй год!

Я расхохотался и захлопал в ладоши.

– Bravo, Ксефон! Ты неподражаем! Ты великолепен!!! Ксефон, я тобой восхищаюсь!

Тот резко развернулся и ушел. Я же продолжал хохотать ему вслед. Нет, Ксефон талант. Если бы я даже не знал о

пари директора школы с Викентием, то сейчас при желании все вытянул бы из этого лопуха. Да он, по сути, сказал мне все открытым текстом. А раз так, то есть повод испортить настроение еще одному человеку сегодня. Я злорадно усмехнулся – какой черт сможет удержаться от такого соблазна? Я поднялся и направился к ближайшему телефону-автомату.

– Алло! Господин Викентий? Это вы? Вам звонит Эзергиль. Да-да, ваш ученик. Господин Викентий, я хочу выразить протест... Я имею право... По какому поводу? Повод простой. Я только что разговаривал с Ксефоном... нет... да... Точнее, это он разговаривал со мной. Подошел и стал насмехаться. А потом заявил, что сделает все возможное, чтобы сорвать мне выполнение моего практического задания... Да, я тоже считаю, что он идиот... и с кретином согласен... Что? Ну, это уж слишком... хотя ладно, уговорили, и это он тоже. Так вот, господин Викентий, я к чему веду, я так полагаю, что свое задание он уже выполнил... верно, не мое дело, однако я могу поднять этот вопрос на собрании педагогов... Какие претензии? Претензии вполне обоснованы: что это за задания у учеников, если у них хватает времени мешать другим выполнять их задания? Я вот вынужден вставать с утра пораньше, и целый день на ногах. И у меня времени не хватит просто, даже если бы я захотел, мешать другим... Что? Почему звоню вам? Так ведь вы же куратор Ксефона, кому я еще должен был звонить? Впрочем, если вы настаиваете, то я позвоню директору школы... Не надо?

Почему? Ах, вы приструните его. Что ж, буду признателен. И еще, господин Викентий, вы ведь понимаете теперь, что если он встретится мне на пути в процессе выполнения моего задания, то я могу сделать с ним все, что мне взбредет в голову. Мешать ученикам в выполнении их практического задания – это не шутка. Короче, если только он попадетсЯ мне на пути, то пусть пеняет на себя.

Я повесил трубку и прислонился к стене, едва не сползая по ней. Представив, как сейчас Викентий рвет и мечет, я захихикал. Эх, дорого бы я дал, чтобы послушать разговор Викентия и Ксефона, который непременно состоится в самое ближайшее время.

С чувством глубокого удовлетворения от хорошо проделанной работы я отправился домой. Завтра утром я покидаю Ад и отправляюсь на Землю, чтобы выполнить самое, пожалуй, странное задание в истории чертей. И не будь я Эзергиль, если не справлюсь с ним. Как там тот малыш говорил? Пойду и сделаю!

Часть 2

Ангел и черт

Глава 1

Сборы в дорогу вообще-то могли бы занять и меньше времени. Однако папа решил ускорить работу. Поэтому мы провозились два дня вместо двух часов. Ну, подумайте, много ли мне надо? Запасную одежду, людские деньги и кое-какие вещи для мелких пакостей. Какой же черт отправится куда-нибудь без чихательных бомб, вонючих мин и чесоточного порошка? Так ведь и пакость никому не сделаешь. Нет, свои вещи я собрал быстро. Сложность была в другом. Дело в том, что папа и мама кардинально разошлись во мнении «что ребенку брать в дорогу». Дядя попытался встрять в этот спор, но быстро сдался под мощным сдвоенным напором.

– Вот своих детей заведешь, им и будешь указывать, что брать! – рявкнул отец.

Мы с дядей переглянулись и разом вздохнули. Я поднялся и вышел из комнаты. Дядя за мной.

– Думаешь, это надолго? – спросил он, прислушиваясь к разгорающемуся спору.

– Сутки минимум.

– И что ты собираешься делать?

– Ждать. И пока постараюсь найти местечко, куда можно будет сложить большинство из тех вещей, что они соберут. Пусть полежат до моего возвращения.

– Какое изощренное коварство, – усмехнулся дядя. – Ладно, так и быть, в этом я тебе помогу. Можешь все отдать мне. Я положу твои вещи к себе. А пока давай пройдемся по магазинам и посмотрим, что тебе действительно нужно.

– Вы так не доверяете моим родителям? Не верите, что они соберут что-то полезное?

Дядя некоторое время молчал. Было видно, как педагогические соображения боролись с нежеланием врать. Я с интересом смотрел за дядей, гадая, что победит. Как ангел он не мог врать. И как ангел же он не мог при ребенке критиковать его родителей. В конце концов, он пошел на компромисс.

– Некие родители, – медленно заговорил он, тщательно подбирая слова, – разумную заботу о детях превращают в неразумную, что мешает детям развиваться самостоятельно. Что вырастет из таких детей – непонятно.

– Вы считаете, что мои родители неразумно обо мне заботятся? – весело поинтересовался я.

– Твоя мать – безусловно. Но я бы сказал так: у тебя хватает ума и таланта уходить от ее чрезмерной опеки.

То, что мой прогноз на сутки оказался несколько оптимистичным, было не моей виной. В конце концов, я не думал, что спор матери и отца перейдет в фазу ПРИНЦИПИАЛЬ-

НОГО. В таких случаях я даю трое суток на нахождение компромисса. То, что родители уложились в двое, уже говорило о многом. Наконец в коридоре выросла горка:

- чемоданы 2 штуки;
- сумка дорожная 1 штука;
- сумка малогабаритная для мелких и необходимых в дороге вещей – 5 штук;
- рюкзак 1 штука.

Я некоторое время молча разглядывал кипу сумок в коридоре. Потом ради интереса заглянул в одну. Одежда, обувь, фонарик... дальше я смотреть не стал. Посмотрел в другую сумку. Там был почти тот же набор.

- По-моему, тут вещи одинаковые, – сообщил я.
- А вдруг ты одну сумку потеряешь? – поинтересовалась мама. – Ты ведь такой рассеянный.
- Ну, просто гениальный, – опять съехидничал брат.

Я покосился на него. Ему легко было ехидничать, а мне все это переть. Я несколько раздраженно ткнул пальцем в кучу вещей и нарисовал им круг в воздухе. Тотчас все эти чемоданы, сумки, рюкзаки поднялись в воздух. Я зашагал к выходу, а вещи клином построились за мной. Родителей дядя уговорил не провожать меня. Не знаю уж, как ему это удалось. Поэтому я в сопровождении летящих за мной вещей гордо вышел на улицу и направился по Чертовой аллее. И тут некстати я увидел Гроньку – своего одноклассника. Тот удивленно вылупил на парящие за мной чемоданы.

– Тебя что, из дома выгнали? – спросил он.

Я обернулся и посмотрел на парящие за мной вещи. Со стороны действительно было похоже.

– Нет. Понимаешь... – Я внимательно осмотрелся по сторонам. – Только это секрет пока. Поклянись, что никому не скажешь?

Гронька явно заинтересовался. У него даже уши от любопытства зашевелились.

– Дело в том, что я получил наследство. Умерла одна дальняя родственница матери. Так вот: мать, оказывается, она терпеть не могла, поэтому ни разу не появлялась у нас. И по завещанию все оставила не ей, а мне. Понимаешь? Вот я и иду осматривать свое наследство. Заодно вещи кое-какие в новый дом переносу. Только ты никому...

– Клянусь, – пообещал Гронька, смотря на меня круглыми от удивления глазами. – Ну ладно, я побежал... у меня еще дел полно.

Я проводил Гроньку взглядом. Интересно, через сколько времени весь город будет знать о том, что я получил наследство? С учетом расторопности Гроньки я давал около часа. Уж сколько этого Гроньку учили, что не стоит верить всему, что ему сообщают под большим секретом, ничего не помогает. Все верит и верит. Ему уже перестали верить. А значит, очередной поток насмешек в его адрес был обеспечен. И правильно, сплетнику – первый кнут.

Дядя меня ждал в арендованной машине за углом дома.

При виде летящего за мной багажа он удивленно присвистнул.

– Твои родители постарались. Ладно, сейчас ко мне, соберем тебя нормально – и в путь. Не боишься?

Нельзя сказать, что я боялся или переживал, однако сердце колотилось в груди как-то уж очень быстро. И руки почему-то потели. Но я упрямо потряс головой.

– Молодец, – похвалил меня дядя, улыбнувшись. Он ментально покидал все мои вещи в багажник и приглашающе распахнул дверь. Потом сел за руль, и мы поехали.

– На вокзал? – спросил я.

– Нет. Не люблю поездов. Полетели на самолете.

– Ух ты! – не удержался я. В последнее время все больше и больше человеческих вещей проникало в наш мир. А ведь я еще застал время, когда черти ездили на скрипящих телегах, запряженных козлами. Ангелы, те всегда предпочитали летать. На то им и крылья. Но сейчас у нас появились и машины, и поезда, и даже самолеты. Конечно, с доработками, но все же. – Давно мечтал полетать на этих железных трубах!

Дядя поморщился.

– Во-первых, летают не на них, а в них. А во-вторых, я еще не сошел с ума летать на этих железных штуках. Не доверяю я им.

– А на чем же мы полетим? – удивился я.

Дядя достал из кармана два билета.

«Джинн и компания», – прочитал я и сморщился.

– Фи, ковры-самолеты. Дядя, это же даже не прошлый, позапрошлый век. В то время, когда прогресс шагает по Земле семимильными шагами, мы продолжаем пользоваться разными анархизмами...

– Как?!

– Ну, этими, анархизмами.

Дядя фыркнул.

– Когда приедем, посмотри в толковом словаре значение того слова, которое ты сейчас сказал, и сравни его с тем, которое хотел сказать. Так что ты там говорил про сапоги-скороходы?

Я всерьез обиделся и замолчал. Слово ему не понравилось. Сапоги-скороходы.

– Ну не дуйся. Чем тебе не нравятся эти анархизмы? – При последнем слове дядя фыркнул и с трудом сдержал улыбку. И что ему это слово так не понравилось? Надо действительно в словаре посмотреть. Не люблю выглядеть смешным... если, конечно, я сам не желаю таковым показаться. Сейчас я такого не желал.

– Я говорю, что, когда на Земле век научно-технического прогресса, мы продолжаем использовать вещи, доставшиеся нам еще от языческих времен. Всякие там печи-самоходы, сапоги-скороходы, яблоки наливные на блюде.

– Скатерти-самобранки, – согласно кивнул дядя. Я тут же пошел на попятную.

– Ну, среди старых вещей есть и полезные. Но то, что уже

можно заменить людскими штучками, надо менять. Тот же телевизор ведь работает гораздо лучше наливного яблока. И качество изображения получше.

– Эти вещи проверены временем. Мы приехали, кстати.

– Проверены временем, проверены временем, – бурчал я, доставая свои вещи из багажника. – Дядя, почему тогда вы покупаете себе новую обувь? Ведь старая проверена временем.

Дядя несколько растерянно посмотрел на меня.

– Ты знаешь, с таких позиций я как-то не думал. Впрочем, какая разница. Не менять же билеты только потому, что тебе не нравятся ковры-самолеты.

Мы прошагали до нужного нам ковра. Хотя какого ковра. Это была целая дорожка. Метров двадцать длиной. И на ней уже сидели человек десять. Впереди, клубясь черным дымом и в чалме, сидел джинн. Он молча повернулся к нам и проверил билеты.

– Вот теперь все. Можно лететь. Господа пассажиры, вас приветствует полетная компания «Джинн». Доставим вас быстро и надежно.

Я покосился на уже успевшую удалиться землю.

– Ну, – буркнул я, – вниз мы в любом случае попадем.

На мои слова пассажиры прореагировали несколько нервно.

– Мальчик любит шутить? – поинтересовался у меня с улыбкой джинн. Однако в этой улыбке явственно прозвуча-

ла угроза. Заткнись, мол. Ну, это он зря. Угроз я совершенно не перевариваю. Он вздумал угрожать МНЕ???

– Люблю, – кивнул. – Я вот недавно разговаривал с душой Сулеймана...

– С чьей душой? – вдруг хрипло спросил джинн. То, что я черт, не видеть джинн не мог.

Я деланно удивился.

– Что вас так встревожило? Ну да, того самого Сулеймана. Он мне рассказал про какое-то кольцо... Погодите, кажется, оно где-то в моих вещах...

– Не-е-ет!!! – От раздавшегося визга у меня заложило в ушах. Джинн отшатнулся и рыбкой бросился с ковра. Я слегка удивленно глянул вниз. Где-то там вдали виднелся белый купол парашюта. Хм, не думал, что джинны так нервно реагируют на упоминание о кольце Сулеймана.

– Великолепно, Эзергиль, – ледяным тоном заметил дядя. – Твоя очередная шуточка вполне удалась. И что нам теперь делать? Как мы без пилота пересечем границу Ада и Рая?

Под общими... скажем так, не слишком дружелюбными взглядами я поежился. Потом покосился на край ковра. Последовать примеру джинна, что ли? Только вот у меня нет парашюта. А дядя может и не кинуться меня ловить. Слишком уж разозлился.

– Я виноват, что этот дундук шуток не понимает?

– Кто тут дундук, это мы сейчас выясним, – привстал один

из пассажиров.

– А ну сядь, – тихо произнес дядя. Однако в этом тихом голосе было нечто такое, что все недовольно гудящие пассажиры замолчали. – Своего племянника буду ругать только я. Больше таких прав нет ни у кого из вас. И наказывать его в случае необходимости тоже буду только я. Всем ясно?

Пассажиры испуганно примолкли.

– Если всем все ясно, то я сейчас постараюсь вернуть нашего пилота. – С этими словами дядя шагнул с края ковра. В тот же миг у него за спиной появились крылья, которые моментально расправились, и вот уже белая точка стремительно неслась вниз. Все-таки летящий ангел – зрелище захватывающее. Тоже, что ли, в ангелы податься? Так ведь не примут. Нет, не примут.

Дядя действительно вернулся быстро. Минут через пятнадцать. За ним летел джинн. При виде меня он сердито ощерился.

– Вашего племянника надо на привязь посадить за такие шутки, – буркнул он дяде. – И намордник надеть.

Судя по бросаемым в мою сторону взглядам, большинство пассажиров были с этим полностью согласны. Интересно, и что я такого сделал? Всего лишь немного пошутил.

До самого приземления дядя не обмолвился со мной ни словом. Так же молча покидал мои вещи в такси. Только уже у себя дома после десятиминутного изучения меня взглядом он наконец промолвил:

– Даже не знаю, что с тобой делать, Эзергиль. Я ведь думал, что ты действительно уже взрослый и вполне отвечаешь за свои поступки. Но то, что ты учудил сегодня... Теперь и не знаю, отпускать тебя на Землю или нет.

– Я же не смогу тогда сделать свое практическое задание!!! – возмущенно завопил я.

– Думаю, тебе полезно будет второй годик просидеть в одном классе. По крайней мере повзрослеешь чуть-чуть и, возможно, к следующему лету станешь серьезней.

– А я серьезный. Просто этот джинн сам начал мне угрожать...

– На Земле тебе тоже будут угрожать. Ты что, собираешься разнести всю планету из-за этого? В общем, так: ты сейчас мне поклянешься не применять никаких своих талантов на Земле без крайней необходимости. В противном случае останешься дома.

– Но дядя!!! Как же я смогу...

– Ничего не знаю! Раньше думать надо было! И заметь, я тебе не запрещаю пользоваться твоими талантами. Просто запрещаю применять их без крайней необходимости.

– А как я определю эту самую необходимость? – буркнул я.

– Думаю, – кивнул мне дядя, – с этим проблем у тебя не будет. Так как?

– Но, дядя...

– Никаких дядей. Может, после этого ты станешь больше

пользоваться головой и меньше полагаться на разные свои чертовы таланты.

Ну раз так... Я сел на пол и сложил на груди руки.

– Нет. И можешь прямо сейчас сообщить в школу, что я не сделал свою работу.

– Эзергиль...

– Дядя, или вы мне доверяете, или нет. Я не буду ничего обещать. Я только скажу, что буду очень осторожен. И что я сам хочу решать, когда и что мне делать. А вы либо мне доверяете, либо нет.

Дядя молча смотрел на меня.

– А ты действительно повзрослел. Хорошо. Я поверю тебе.

Надеюсь, не напрасно.

– Не напрасно.

– В таком случае давай займемся твоими вещами. Высыпай все на ковер. Будем выбирать из этого вороха вещей то, что тебе действительно может пригодиться.

Через два часа я выходил из дома с одним полегчавшим рюкзаком типа земного школьного ранца и небольшой сумкой. Дядя проводил меня до площади Надежды. Здесь его встретил один уже изрядно поседевший ангел.

– Этого черта надо доставить на Землю? – спросил он.

– Да. Его имя Эзергиль. Вот заявка на него, – отозвался дядя.

– Хорошо. Ну что, Эзергиль? Ты готов? Да не бойся ты так. Первый раз?

– Ага, – кивнул я, облизав вдруг пересохшие губы. Лучше бы мы из Ада отправлялись. По крайней мере обстановка привычная. Но нельзя по тому же договору Горуяна. Черти отправляются на Землю из Рая, а ангелы, соответственно, – из Ада.

Ангел положил мне руку на голову и взмахнул крыльями. Эти крылья у ангелов были предназначены вовсе не для полетов. Вернее, полет с их помощью – это только одна из их функций, причем далеко не главная. Эти крылья были на самом деле тончайшим механизмом, с помощью которого можно было открывать межмировую дверь. У чертей ту же функцию выполнял хвост. Вот ангел сильнее замахал крыльями. Вокруг нас, словно пыль, поднятая ветром, закружил какой-то сияющий рой. Он все возрастал и возрастал с каждым взмахом крыльев. Вот этот рой закружился в хороводе и образовал длинный туннель, уходящий куда-то ввысь. И словно какая-то сила подхватила меня, подняла в воздух и понесла вперед. Я едва не заорал, но тут кто-то ухватил меня за руку. Я оглянулся. Рядом летел тот самый старый ангел. Его взгляд был устремлен вперед. Но все же он обернулся ко мне и улыбнулся.

– Скоро будем на месте.

Я сглотнул комок в горле и кивнул. Сказать бы я вряд ли что смог.

Туннель действительно скоро кончился. Миг, и мы парили уже в вышине. Над нами сияло золото солнца. Синева

неба, а внизу простиралось зеленое море. Вдали виднелся какой-то город. Именно туда мы и устремились.

– Э-э, а нас не заметят?

Ангел опять улыбнулся.

– Не бойся. Никто не заметит.

Я кивнул. Действительно, глупо было указывать ангелу, что ему делать. Вместо этого я стал смотреть по сторонам. Неужели это и есть Земля? Та самая Земля, где живут люди, в некотором роде наши создатели? Интересно-то как!!!

Мы влетели в город и приземлились на одной из его улиц. Мимо нас деловито спешили люди. Большие и маленькие, толстые и худые. Женщины и мужчины.

– Нас еще не видят, – сообщил мне ангел. – Постой пока, осмотрись. Когда скажешь, что готов, я улечу. Тогда ты станешь видимым. Станешь частью этого мира.

Наверное, я минут десять стоял, наблюдая за проходившими мимо людьми. Смотрел на машины. Наблюдал перемигивающийся светофор. Ангел терпеливо ждал. Только мягко улыбался.

– Я готов, – кивнул я.

Ангел опять улыбнулся.

– Никогда не думал, что скажу нечто подобное черту, но... удачи тебе в твоём задании. Я знаю о нём.

Я только растерянно кивнул. Миг, и ангел исчез.

– Ну, чего встал на дороге! – раздраженно буркнул какой-то лохматый парень лет шестнадцати и отпихнул меня в

сторону. Я налетел на какую-то тетку.

– Хулиган! – пихнула она меня. Я отлетел к стене дома.

Что ж, добро пожаловать на Землю. Я посмотрел вслед парню и тетке и улыбнулся. Кажется, мне здесь понравится. Если тут есть такие люди, то этот мир просто создан для чертей. Ладно, развлечениями можно и потом заняться. Сейчас дело. Я достал из кармана бумажку с адресом. Внимательно ее изучил. Как мне было обещано, доставить меня должны сразу туда, куда нужно. Тэк-с, проверим. Я поднял голову и отыскал табличку с названием улицы. Потом посмотрел на карту. Ага, вот она, эта улица. Она идет перпендикулярно той, которая мне нужна. Если пройти чуть вперед, то... Шагаем.

Я поднял сумку и зашагал к перекрестку, что находился шагах в пятидесяти впереди. Сверился с картой. Так, теперь направо и во двор. Вот и нужное мне место. Теперь поставить сумку и оглядеться. Двор как двор. Кругом куча детворы. Там парни постарше. Курят. Хм. Ладно, быстрее к нам попадут. А может, и не к нам. Но попадут. Стоп. Чегой-то меня не в ту степь потянуло. Для начала стоит отыскать нужный мне дом.

Долго искать его не пришлось. Дом стоял как раз напротив меня. Большая двенадцатиэтажка. Из блоков. Впрочем, для моей работы это не имело никакого значения. Надо сосредоточиться на главном. Но для начала надо бы решить, что делать с вещами. Глупо таскаться с ними. Я огляделся. Вот

хорошее дерево. Большое. Я подошел к выбранному дереву и обошел его вокруг. Огляделся, не смотрит ли кто на меня. Потом быстро переложил в небольшую сумку те вещи, что могут мне понадобиться в любой момент. Опять огляделся. Затем аккуратно провел рукой по дереву.

– Уважаемое дерево, не будете ли вы столь любезны на время припрятать мои вещи, – обратился я к нему на межмировом языке. Ствол дерева слегка треснул и раскрылся, показывая довольно просторное дупло. Я быстро покидал туда свои вещи. Ствол сомкнулся. – Огромное спасибо, – поблагодарил я дерево. Вежливость лишней никогда не бывает. Вот теперь можно и отправляться на дело.

Однако здесь я впервые столкнулся с неожиданностью. Не успел я зайти в подъезд, как чуть ли не за руку был схвачен какой-то теткой.

– Ты куда это, хулиган, собрался?

Я недоуменно посмотрел на тетку. Потом оглядел себя с ног до головы. Интересно, как она определила, что я хулиган.

– Простите? – недоуменно спросил я ее.

– Я спрашиваю, ты к кому собрался?!

– Прошу прощения, мадам, – с изысканной вежливостью обратился я к ней, – но мне кажется, направление моего движение касается только меня. Это личное.

– Мал еще личное иметь, – буркнула она. Было видно, что моя вежливость изрядно ее смутила.

Я свысока оглядел тетку с головы до ног. Нет, я, конеч-

но, был меньше нее ростом, но все-таки глядел на нее именно свысока. Потом аккуратно освободил свою рубашку от ее хватки.

– Я имею личное. Вот эта рубашка, за которую вы схватились, моя личная. Я ее покупал на свои деньги. У меня есть личные дела, которые вас никоим образом не касаются. Если же, – я жестом остановил ее готовый вырваться крик, – у вас есть что возразить, то обсудите это с моим адвокатом. Вот моя визитка. – Я аристократическим жестом достал из переднего кармашка сотворенную только что визитку и протянул ее тетке. Та молча приняла ее, смотря на меня раскрыв рот. Я направился в подъезд.

– А-а...

Я обернулся.

– Если у вас вопросов больше не осталось, то я пойду.

– Но-о...

Я закрыл подъездную дверь за собой и направился к лифту. Подобных типов надо сразу ставить на место – это я уяснил еще в раннем детстве. И чем более хамоватые они, тем с большей вежливостью к ним стоит относиться. Обычно это их ужасно раздражает. Гарантировано, что больше двух раз они не пристанут. Второй раз – это если совсем мозгов у них нет и они не поймут с первого раза, что над ними просто издеваются. Ладно, забыли. Мой этаж, кажется, шестой. Ага, вот она, квартира.

Я с минуту изучал обитую обожженными рейками дверь.

Отошел на два шага назад и снова внимательно ее изучил. Потом направил открытую ладонь на нее. Еще не хватало нарваться на освященную квартиру. Вроде все чисто. Так, замечательно. Я соединил ладони перед собой и прикрыл глаза. Вспомним, чему нас там в школе учили. Сосредоточимся. Я сделал шаг вперед и открыл глаза. Не разрывая рук я зашагал к двери и прошел сквозь нее. Уф, получилось. Нет, в Аду я так тоже пробовал, но на занятиях это все равно не то, что на практике.

Я огляделся. Довольно грязный коридорчик. Полы, похоже, не мыли уже месяцев шесть. Как раз напротив двери обои оказались порваны. Я склонил голову набок и изучил бетонную стену. Нет, все равно некрасиво. Я прошелся по коридору, осматривая довольно убогую обстановку. Перекосившийся шкаф. Судя по всему, это искривленное положение он принял относительно недавно, когда по нему колотили чем-то тяжелым.

– Оп, – тихонько воскликнул я, едва не хлопнув себя по лбу. Идиот, обрадовался, как первоклассник, который только что научился проходить сквозь двери. Ведь в квартире кто-то есть. Хорош я был бы, если бы он сейчас вышел в коридор. Я поспешно создал морок, окутав себя им, как плащом. Теперь увидеть меня будет проблематично. Защищенный мороком, я направился на кухню.

– Ого. – Я изучил гору грязной посуды в раковине. Заглянул под нее. – А, привет, дружище.

Таракан недоуменно уставился на меня, шевеля своими усиками. Я подставил руку, заставляя его забраться на нее. Таракану это не нравилось, но деваться ему было некуда. Я заставил его залезть мне на кончик пальца и поднес к глазам. Сфокусировался, проникая в его слабое сознание и подчиняя его себе. Мозгов у него, конечно, никаких, но некоторая память есть. Уже через секунду я смог считать эмоциональный фон людей, который скапливается в любых живых существах, живущих рядом с человеком. Некоторые, правда, скапливают положительный фон, другие отрицательный. Тараканы – отрицательный. Да-с, а от таракана изрядно фонит. Ну, тут по крайней мере я могу помочь. Щелчком я отправил таракана в полет, а потом раскинул руки в стороны. Подчиняясь моему молчаливому приказу, из всех щелей стали вылезать тараканы. Они лезли отовсюду и сбегались ко мне. Вскоре я уже стоял в окружении тараканьего моря. Шевелящийся ковер покрывал весь пол кухни. Как я подозревал, я выманил тараканов практически со всего подъезда. Ну и ладно. Зато с гарантией, что эмоциональный фон очищен. Я перевернул раскинутые в сторону руки ладонями вверх и стал впитывать их отрицательную энергию. Питаться же, в конце концов, мне надо. «Еда людская для тела, а их эмоции для дела» – так говорят у нас. Для ангелов любовь и доброта, для чертей – ненависть и страх. Тараканы задвигались. Я же вытягивал из них все отрицательные людские эмоции, скопленные за время проживания с людьми. Вскоре я опустил

руки и оглядел пол кухни, весь усеянный тараканьими телами. Они покрывали пол слоя в три. Гм, с этим тоже надо что-то делать. Щелчок пальцами, и все тараканьи тела вспыхнули. Секунда, и на полу нет ни одного таракана. Вот так-то лучше. Поехали дальше.

В зале я задерживаться надолго не стал. Там даже мне стало тоскливо. Когда-то уютный, зал представлял собой довольно печальное зрелище разгрома. Сломанный журнальный стол. Дорогая «стенка» с одной дверкой и разбитым зеркалом в баре. Там стоял и единственный уцелевший фужер. Персидский ковер был скатан и засунут в угол. От него отчетливо несло какой-то кислятиной. Похоже, что-то пролили, а потом так и оставили. А вот во второй комнате находился обитатель. И в данный момент этот обитатель спал. Я внимательно оглядел его. Потом прошел к единственному в комнате креслу и сел, подтянув колени и положив подбородок на них.

– Ну, здравствуйте, Ненашев Виктор Николаевич, – пробормотал я.

Мужчина что-то пробурчал во сне и перевернулся. Хм, вроде приличный человек. Даже галстук есть. Щетина вот только все портит. А так костюмчик неплохой. Кстати, и комната ничего. По крайней мере какой-то порядок тут есть. И чисто, по крайней мере. Даже странно.

Тут в дверях что-то загромыхало в замке. Я услышал скрип двери. Кто-то вошел в квартиру. Через минуту дверь

слегка приоткрылась, и в комнату заглянула смуглая рожица мальчишки. Он испуганно оглядел спящего мужчину. Осмотрелся. Меня он, понятно, не заметил. Я же с интересом изучал своего подопечного. Не удержался и фыркнул. Подопечного. Я не ангел-хранитель!!!

Мальчишка тем временем прошмыгнул в комнату и склонился над спящим отцом. Убедившись, что тот спит, он аккуратно залез в карман его пиджака.

– Ворует? – вежливо поинтересовался я.

Мальчишка, естественно, меня не расслышал. Я колебал только фон, который человек способен уловить своим подсознанием. Мальчишка уловил и вздрогнул. Огляделся. Ого, а у него неплохо развито воображение, если он способен настолько почувствовать колебания фона. Но он тут же упрямо сжал губы и снова залез в карман. Достал кошелек.

– Ай-ай-ай.

Мальчишка опять вздрогнул. Тем не менее, уже не колеблясь, он залез в отцовский кошелек, достал пятьдесят рублей. Остальные сунул обратно и вернул кошелек на место.

Становится интересно. Если уж воровать, то все. А таскать по мелочам... Фи. В этом нет стиля. Ведь все равно попадет одинаково, что за пятьдесят рублей, что за пятьсот. А если не видно разницы, зачем воровать меньше?

Мальчишка тем временем прошмыгнул из комнаты. Вскоре я опять услышал, как он гремит ключами. Я поднялся и последовал за своим клиентом. Вместе с ним спустился на

лифте. На улице рассеял морок и неторопливо зашагал за Алешкой. Алексеем Викторовичем Ненашевым. Двенадцати лет от роду. Тот постоянно нервно оглядывался, но вряд ли он вообще что-либо заметил, слишком уж возбужденным был. Он выскочил на улицу и остановился около киоска Роспечати. Нервно огляделся. Я пристроился недалеко от него на скамейке рядом с какой-то девчонкой. Девчонка недовольно покосилась на меня и махнула своим «хвостом», едва не заехав мне по лицу. Я небрежно отмахнулся от ее волос, продолжая наблюдать за Алешкой.

– Мне кажется, вы заинтересовались тем мальчиком.

Интересно, на Земле все девчонки такие вежливые?

– А тебе-то что? – буркнул я, даже не посмотрев в ее сторону.

– Вежливые люди не отвечают вопросом на вопрос.

– А кто сказал, что я вежливый? Отвали.

– Грубиян!

– Верно.

Девчонка свысока оглядела меня и отодвинулась. Я улыбнулся уголком губ. Какие мы нежные. Грубость не перевариваем. Утю-тю-тю. В этот момент к Алешке подошла какая-то компания мальчишек. Старшему там было лет восемнадцать. Младшему лет десять. Я моментально наострил слух.

– Принес? – довольно грубо обратился самый старший к Алексею.

Тот молча достал пятидесятирублевку. Старший небрежным жестом принял ее. Аккуратно сложил и сунул себе в карман. Потом показал кулак.

– Смотри у меня. В следующий раз так долго ждать не буду.

– Я ведь говорил, что у меня нет, – чуть ли не со слезами проговорил Алешка.

Парень сгреб мальчишку в охапку и выдохнул ему в лицо сигаретным дымом.

– Ты мне не ври! Эту же ты где-то раздобыл?! Значит, есть. Слушай, а может, ты еще от меня что-то припрятал?!

– Да нет у меня ничего!!! – уже не сдерживая слез, вскричал Алешка.

Я откинулся на спинку скамейки, забросил ногу на ногу и приготовился досмотреть концерт до конца. Покосился на девчонку. Та как-то подалась вперед и сквозь прищур разглядывала всю компанию у киоска. Я прикинул расстояние. Интересно, что ее там заинтересовало? Слышать она с такого расстояния не могла. Может, знакомого встретила? Интересно, но пока не актуально. Я снова посмотрел на компанию. Те уже рассредоточились, заняв какую-ту странную диспозицию. Большой парень в обнимку с Алешкой стоял около киоска. Малявка лет десяти околачивалась где-то в стороне. Еще двое стояли поближе, о чем-то разговаривая. Этой парочке было лет по тринадцать. Последний из этой компании, шестнадцатилетний обалдуй, стоял по другую сторону

киоска. Все они делали вид, что не знакомы друг с другом. Ой, чувствую, что что-то затевается. Своим чертовским нутром чувствую неприятности. И словно в ответ на мои мысли стоявшая в стороне парочка схватила валявшиеся на газоне кирпичи, запустила ими в окна киоска и тут же бросилась бежать.

– Вот они!!! – завопил десятилетний шкет. – Они туда побежали!!!

Из киоска выскочила разъяренная киоскерша, бросившаяся было за ними. В открытую дверь тут же прошмыгнул шестнадцатилетний парень и сразу подбежал к кассе. Самый старший так и остался стоять в обнимку с Алешкой, невозмутимо наблюдая за суетой. Вот, воспользовавшись суматохой, он просунул руку сквозь разбитое стекло и моментально сгреб кучу всего с полок в целлофановый пакет. Потом пихнул его Алешке.

– Беги! – велел он.

Алешка растерянно принял пакет и остался стоять, хлопая глазами. Тут киоскерша заметила кого-то внутри киоска и бросилась туда, громко крича о краже. Парень выскочил на улицу и бросился наутек. Женщина за ним. Она бы обязательно его схватила, но тут ей под ноги попался тот самый шкет, и она упала. Немногочисленные прохожие, не понимая, что происходит, смотрели на тетку и удирающих пацанов. Некоторые понимали, что происходит, но посчитали это не своим делом. Около киоска остался стоять только рас-

терьянный Алешка. Вот ведь дундук. Сказано же ему было, беги. Тут киоскерша поднялась, и естественно, первым, кого увидела, был Алешка.

– А-а!!! – закричала она. – Так ты тоже из этих?!

Алеша затрясся и что-то забормотал.

– Не из этих, говоришь?! – Киоскерша уже крепко ухватила его за плечо и копалась в сумке. – А это что в таком случае?! А это что?! – При каждом «что» она выкладывала из сумки очередную украденную вещь. – Значит, ты не с ними?!

– Я не крал!!! – заревел мальчишка в голос. – Это они обронули, а я поднял!!!

– Это ты в милиции расскажешь!

– Нет, пожалуйста!!! Я же ничего не брал!

Я оценивающе изучал живописную сцену. Вмешаться или нет? Пожалуй, нет. Дураков следует учить.

– Он правда не воровал! – вскочила со скамейки девчонка. – Я все видела!

Я удивленно покосился на нее. И куда она понеслась? Я против воли поднялся тоже и пошел следом за ней. Девчонка тем временем подскочила к киоскерше и принялась с жаром рассказывать, как все было на самом деле. К моему удивлению, ее рассказ был предельно точен. И как она все углядела? Я уже по-новому поглядел на девчонку. Вроде ничего необычного. Потрепанные джинсы, майка. Волосы на затылке перетянуты резинкой. В это время девчонка обернулась

ко мне, и наши глаза встретились. Вот глаза ее были совершенно не обычны. Вроде все как у людей. Карие. Но что-то было в них...

– Вот он тоже сидел рядом и все видел! – Девчонка пихнула меня. – Ну, скажи, как было!

– Как было что?

– Ну, здесь как было! Ты же ведь глаз не спускал!

– А-а, значит, ты тоже один из них. – Вторая рука киоскерши ухватила меня за плечо. – И ты! – Киоскерша повернулась к девчонке. – Одни воруют, а другие выгораживают?! – Я?! – несколько опешила девчонка.

– Ну не я же! – Тут киоскерша посмотрела на девчонку и вдруг поперхнулась. Ее лицо как-то недоуменно вытянулось, и она покраснела. – Извини, девочка. Сама видишь, нервы ни к черту. Так ты говоришь, этот мальчик не воровал?

Я моргнул. Эй, чего я пропустил? Я покосился на девчонку. Она была... была...

– Крылатая! – вдруг осенило меня, и я хлопнул кулаком по лбу.

Девчонка повернулась ко мне, и тут ее глаза тоже широко распахнулись.

– Хвостатый! – отшатнулась она от меня. – Так это твои проделки!!!

Я моментально заморозил время. Все вокруг замерло. Девчонка теперь повернулась ко мне. Ее глаза пылали.

– Твои проделки?! – повторила она вопрос.

Я усмехнулся.

– Ты не поверишь, но я к этому не имею никакого отношения.

– Ты прав, не поверю!

– Тем не менее это факт.

– Тогда что ты тут делаешь?!

– Аналогичный вопрос я могу задать и тебе.

– Я первой спросила!

– Я первый пришел.

Девчонка возмущенно уставилась на меня. Я глядел насмешливо.

– Слушай, – вмешался я. – Я не могу долго держать время. Давай потом поговорим?

– Только сначала ты поможешь мне спасти этого мальчика!

– С какой стати? – изумился я. – В конце концов, я черт, а не Дед Мороз.

– Ты поможешь мне спасти мальчика.

– И не подумаю. Дураков учат.

– Он не дурак!

– Дурак. Он дурак, что связался с той компанией. Он дурак, что отдал деньги. Он дурак, что принял пакет с ворованными вещами. Он дурак, что, приняв пакет, не убежал.

– Ты же о нем ничего не знаешь!

Я поморщился. Время истекало. Еще чуть-чуть – и все выйдет из-под контроля. Тогда точно будет хуже. Я махнул

рукой. Время вернулось в свое обычное русло.

– Какой хвостатый? – недоуменно покосилась на меня киоскерша.

– Ничего. Просто я на маскараде играл черта. А эта девочка – ангела. Мы вот узнали друг друга.

– А-а. – Тетка была слегка заторможена. Девчонка сердито покосилась на меня. Я пожал плечами. Сама просила помочь. Делаем как умеем. Не нравится, пусть сама выручает.

Я вырвал пакет из руки Алексея и сунул его киоскерше.

– Возьмите. Вы хорошо запомнили тех, кто воровал? – Я сконцентрировался и вложил ей в мозг описание каждого из шайки. Слегка затуманил только образ Алеши. Он вроде был всегда тут, но к краже отношения не имеет. Просто не повезло мальчику очутиться не там.

За спиной сердито шипела девчонка.

– Не нравится, действуй сама, – прошептал я ей.

– Ты не смеешь вторгаться в сознание людей!

– А я и не вторгаюсь. Я просто помог ей вспомнить всех хулиганов. Расшевелил память. Разве я сделал что-то плохое?

– Сделал!

– Прошу прощения.

Тут девчонка ухватила меня за плечо и вытащила из образовавшейся толпы.

– Хватит! Дальше пусть сами разбираются. Алексей теперь свидетель, а не обвиняемый. Ты, – тут она поморщи-

лась, – помог киоскерше вспомнить приметы всех настоящих грабителей.

– Грабителей, – фыркнул я. – Какие они грабители?! Мелочевкой промышляют.

– Заткнись!

– Заткнулся.

Некоторое время я молча шел за девчонкой. Потом догнал и зашагал рядом.

– Откуда ты знаешь, что мальчишку зовут Алексеем?

– Меня поражает, что это знаешь ты! Если ты не замышлял никакой подлости, то зачем наблюдал за этим ребенком?!

– Я первый спросил.

– Ну и что? Короче, так: даю тебе тридцать минут, чтобы убраться подобру-поздорову.

– А если не уберусь, то что? – Я остановился и насмешливо посмотрел на нее.

– То... то... Ты наверняка находишься на Земле незаконно!

– У меня есть разрешения от вашей канцелярии. Все законно. Так что ты не можешь приказывать, что мне делать.

– Все равно я не позволю тебе ничего сделать с тем ребенком! Так и знай! Он под моей защитой!

– Ух ты как?! – Я забежал вперед и остановился перед ней. Девчонка тоже вынуждена была остановиться. – Правда, что ль? Ты ангел-хранитель?! – удивленно воскликнул я.

Девчонка поморщилась.

– Нет. Я еще думаю. Может, после школы и пойду в хранители. А это мое летнее задание. Я должна помочь этому ребенку. Удержать его на Верном Пути.

– Вот это да! – Я так и сел.

– Теперь ясно, что я не могу терпеть тебя рядом с ним!

Я ошалело смотрел на девчонку. А может, и правда вернуться обратно? Раз уж за дело взялся ангел, то, думаю, он решит проблему. А если решит проблему, то душа матери Алешки наконец найдет упокоение, а я получу свой зачет. Я с сомнением оглядел девчонку.

– Это твое первое задание?

Девчонка с вызовом уставилась на меня.

– Ну и что?! Думаешь, не справлюсь?!

Ангел! Я едва не сплюнул с досады. «Через год ты моего попугая не узнаешь», – вспомнил я дядю. Через пять лет и ей удастся наставить этого мальчишку на путь истинный.

– Справишься, – кивнул я. – Однако ты будешь смеяться, но и мое летнее задание помочь этому ребенку.

– Что?! Черт должен кому-то помочь?!

– Вот и я смеялся. Конечно, если быть совсем точным, то должен помочь я не ему. Я должен помочь душе его матери найти упокоение. А то шастает она между мирами. Совсем всех замучила. Но проблема в том, что пока ее сын будет в опасности, то душа Зои Ненашевой так и не найдет покоя. Понимаешь?

– Обалдеть! – Девчонка недоверчиво уставилась на меня.

Тут глаза ее сузились. – А ты не врешь мне?

– Хотелось бы, – буркнул я.

Девчонка начала весело хохотать. Я мрачно смотрел на нее.

– Картина века, – сквозь смех пробормотала она. – Черт спешит на помощь! Спешите видеть.

– Слушай, – зловеще спокойно проговорил я. – Я ведь могу помочь тебе выполнить твоё задание, а могу сделать твою жизнь на Земле невыносимой.

Смех девчонки разом оборвался, и она с интересом посмотрела на меня.

– Рискни.

– А вот и рискну!

– А вот рискни. – Девчонка вдруг замолчала и задумалась. – Знаешь, может быть, ты не сможешь мне помешать. А может быть, сможешь. Если я начну это выяснять, то пострадает в первую очередь мальчик. Тогда и ты, и я рискуем провалить наши задания. Так что мир?

Я несколько секунд изучал протянутую руку. Потом протянул свою. Однако девчонка вдруг резко одернула ладонь.

– Но если ты меня обманываешь!..

– Тебе показать мой дневник?

– Покажи.

– Тогда ты свой.

– Ангелы не врут!

– А кто это проверял?

Девчонка засопела.

– Ладно.

Я извлек из воздуха свой дневник и протянул ей. Она сунула мне в руку свой.

– Ух ты, с ума сойти! – вскричала она. – Так ты выполняешь эту работу по заданию министерства наказаний?! Трам-тара-рам. Мир перевернулся.

Я хмыкнул и раскрыл дневник девчонки. Не то чтобы я сомневался. Ангелы действительно не врут. Да и сомнение девчонки понимал. Я бы тоже не поверил в подобное. Но было просто любопытно. И раз уж она смотрит мой дневник...

– Монтирий!!! – Я уставился на подпись в дневнике.

– Ну да. – Девчонка недоуменно посмотрела на меня. – Он мой руководитель практики. Это такая честь. Ты представляешь, он сам пришел к нам в школу и выбрал меня для летней практики! Мне все девчонки обзавидовались! О Монтирии у нас легенды ходят. Я даже не поверила, когда он предложил мне проходить практику под его руководством.

– А когда он тебе это предложил?

– Сейчас подумаю. Ах да. Два дня назад. В принципе я уже нашла себе практику, но когда мне предложил Монтирий, то я согласилась, не раздумывая. Учителя тоже не возражали против такой замены.

Два дня назад. Интересно. На следующий день после того, как нашел работенку мне. Ну дядя, ну интриган! Все-таки

чертовская порода в нем осталась, хоть и ангел он теперь.
Еще бы понять, чего он добивается.

– А что за расспросы? Ты знаешь господина Монтирия?

– Немного, – криво усмехнулся я. – Он мой дядя.

Глава 2

Девчонка недоверчиво уставилась на меня широко открытыми глазами.

– Врешь! – выдохнула она.

Я пожал плечами.

– А какой смысл мне лгать?

– Кто вас, чертей, знает?

– Даже черти не врут ради вранья. Если мы врем, то чего-то пытаемся добиться.

– А может, ты и пытаешься.

Я молча взял у девчонки свой дневник и отправил его туда, где он и был. Потом снова посмотрел на девчонку.

– Слушай, мои родственные отношения с Монтирием мы можем обсудить потом. Сейчас нам надо решить, что делать дальше. Я как-то не рассчитывал, когда получал свое задание, что у меня под ногами будет путаться ангел...

– Это кто еще у кого будет путаться под ногами!!! Осмеюсь заметить, что помогать людям – это вовсе не прерогатива чертей! Ты хоть знаешь, что надо делать?! Болван!

На болвана я решил не обижаться. Тем более что я впервые видел ангела, который ругается с такой непринужденностью. Склонив голову набок, я молча изучал девчонку.

– Тебя как звать, ангелочек? – миролюбиво поинтересовался я.

Девчонка поперхнулась гневной отповедью и уставилась на меня.

– Ангелочек?! – прошипела она.

– Да ладно тебе, – махнул я рукой. – Если уж нам суждено действовать вместе...

– А кто тебе сказал, что я соглашусь действовать вместе с тобой?! Чтобы ангел и черт действовали совместно...

– Необычно, правда? – усмехнулся я. – Разве это не повод, чтобы попробовать?

Девчонка оторопело уставилась на меня.

– Необычно, – вынуждена была согласиться она. – А ты любишь необычное?

– Скажем так, я не люблю устоявшиеся правила. Черт я или не черт?

– Я не черт. Но... мне тоже говорили, что я не люблю разные правила. – Она вдруг усмехнулась. – Ладно, попробуем. По рукам. Кстати, меня зовут Алена.

Я пожал протянутую руку.

– Эзергиль. И какие наши планы?

Алена огляделась. Мы находились напротив какого-то парка. Только дорогу перейти. Она махнула туда рукой.

– Раз уж так получилось, что придется действовать вместе, то стоит все обсудить и обменяться сведениями. Давай там все и обсудим. Найдем тихий уголок.

Почему бы и нет. Я никогда не был сторонником серьезных разговоров посреди улицы. А парк – место идеальное.

Да-с, возможно, парк место и идеальное, но найти в нем летом свободную скамейку занятие то еще. Все их оккупировали бабульки со своими чадами либо компании каких-то подростков с бутылками пива в руках. Альене, видно, тоже надоело бродить по парку, и она молча указала на тенистый уголок под деревом. Я не видел причины не согласиться с ней и первым плюхнулся прямо на траву. Рядом пристроилась девчонка.

– Итак. Начинай.

– Почему я? – удивился я.

– А почему нет?

Я покосился на своего неожиданного соратника и промолчал. Папа всегда мне советовал никогда не спорить с женщинами. Дороже выйдет. Поэтому ограничился только согласным кивком.

Около получаса я излагал ей то, что мне удалось почерпнуть из всех архивов Ада и Рая. Альена хмурилась и кусала губы. Когда же я закончил, она удрученно кивнула.

– То же и у меня. Я надеялась, что ты раздобыл что-нибудь такое, чего не знаю я.

– Хм, на то же самое надеялся и я. Где я, по-твоему, успел бы раздобыть что-то новое, если только три часа как прибыл на Землю?

– Три часа? Я прибыла на час раньше. Правда, и добиралась до нужного дома дольше. Ваши черти дурацкие шутники! Высадили меня почти на окраине города!

– Seriously, what? It should have been demanded that the goods be delivered to the place. Dunder you! You are the one at fault. It shouldn't have been allowed to hang over your head.

– So, I'm also at fault?!

– Tпру-у. Stop. We're quarreling now. Just in the next time remember: if something is due to you from the devils, demand it without shame. We don't understand the shy ones here.

– I understand, – she said calmly. – It's a joy to have you in the underworld.

– It's more joy than in the Garden. A lot of rules... Э-э, excuse me.

– The devil is apologizing! Yes, now I and truth believe, that your uncle Montiriy is. For something from him you, without doubt, learned.

– Listen, maybe we should return to our problem? Do you have any ideas? From what should we start?

– How from what? Clearly, we should help this Alexey. And in the first place, help him get rid of the bad company. Please, you can help.

– I don't even think.

– Why?!

– Because I'm not a nanny. I can't deal with this little girl. I, of course, can nag everyone by the button, so that they will stay with Alexey until the end of their lives, but it's a long way, but...

– But?

– Will it be for the benefit of Alexey?

– В каком смысле?

– В самом прямом. Если он совершает ошибки, то сам должен их и решать. Если начать делать это за него, то ничем хорошим, прежде всего для самого Алексея, это не кончится. Очень легко привыкнуть к тому, что за тебя кто-то делает всю работу.

Альена насупилась.

– Ты считаешь, он справится?

– Вот наша задача и помочь ему поверить в себя, чтобы он СМОГ справиться, а не справляться за него.

– Мы можем помочь ему справиться, а потом указать ему истинный путь.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался я этим утверждением. – Ангелы должны помогать людям верой в то, что им по силам сделать дело, или делать за них дело? Может, я чего-то не понимаю, но какое основное правило ангелов? Не решать за людей их проблемы, а помогать им поверить в себя, чтобы они сами справились с ними. Не так?

– И откуда ты про ангелов все знаешь, – буркнула Альена.

– Не забыла, кто мой дядя?

– Забыла. Только это все бесполезно. Я смотрела на Алексея. Он не верит никому и ни во что. И он не верит в добро. Мы можем заставить его поверить.

– «Заставить поверить в добро», – хмыкнул я. – Звучит отлично. А если не поверит, то по кумполу ему. Чтоб верил. Или на костер. Как там инквизиция заставляла верить в доб-

ро?

– И что предлагает такой гений, как ты?

– Не знаю... Стоп! – Я поднял руку и так замер, раскрыв рот. – Алена, гений – ты!!! Конечно, как же я не сообразил!

Алена подозрительно посмотрела на меня.

– Ты чего? – поинтересовалась она, глядя, как я отплясываю джигу.

– Я только что понял! Благодаря тебе. Я идиот! Я должен был сразу сообразить! Инь и Янь. Добро и Зло. Белое и черное. Тьма и Свет. Это же одно и то же! Две стороны одного и того же предмета! Разве вас не учили этому в школе?

Алена насупилась.

– Не знаю. Не помню.

– Странно. Мы еще в девятом классе это прошли. Это же в первое десятилетие учебы проходят. Добро переходит во Зло, а Зло обращается в свою противоположность. Если мы не можем заставить Алексея поверить в Добро, то кто нам мешает заставить его поверить во Зло?! Окунуть его в это, а там пусть плывет.

– Что? Ты? Задумал? – медленно и по слогам поинтересовалась Алена.

– Увидишь. И мы не будем заставлять его поверить в Добро. Он сам будет разыскивать его! Сам, идя через муки и испытания! Мы, конечно, можем ему сразу все дать на блюдечке, но оценит ли он это? Дядя как-то сказал, что люди ценят только то, чего добиваются тяжким трудом. И мы заставим

его трудиться, чтобы заслужить свое счастье. И тогда он будет это ценить. А если ему это счастье преподнести на блюде, то он вскоре отвернется от него.

– По-моему, ты замыслил какую-то гадость. Я могу отучить его отца пить. Тот сможет заняться сыном. Я прослежу за этим...

– Я прошу прощения за грубость, но ты и задницу им тоже подтирать будешь?

– Грубиян!

– Верно. Кстати, у меня есть лучшее решение. Герметичная продезинфицированная комната с отфильтрованным воздухом. И исполнение всех желаний до конца жизни. Жратва от пуза.

– Это уже чересчур.

– Вспомни Адама! – обвиняюще ткнул я в нее пальцем. – Это в первом классе рассказывают.

– А при чем тут Адам?

– А при том! Он, – я кивнул на небо, – уж насколько терпелив, но и Ему надоело ждать, когда же этот Адам в конце концов вкусит плод Познания. Нам, чертям, тогда и пришлось отдуваться.

– Не рассказывай мне азбучных истин.

– Тогда не пытайся построить еще один Эдемов сад для конкретного человека! В общем, так: пойдём со мной. Объяснять ничего не буду. Сама все увидишь.

Я поднялся и зашагал из парка.

– Эй, стой! Я не сдвинусь с места, пока ты не объяснишь, что ты задумал!

Я повернулся к Альене.

– Тогда тебе придется долго здесь сидеть. – Больше не слышавшая ее криков, я вышел из парка. Как я и ожидал, Альена вскоре догнала меня и зашагала рядом.

– Ты мог бы быть и повежливей.

– А ты могла бы и догадаться.

Девчонка надулась и некоторое время шла рядом со мной молча. Я же целеустремленно шагал к дому Алексея. Чтобы не было никаких неожиданностей, я при входе во двор сразу накинул на себя и Альену морок. Никем не замеченные мы поднялись на шестой этаж. Я тут же вошел в квартиру. Заметив, что Альены рядом нет, я высунул голову сквозь дверь.

– Ну, ты чего застряла? Тебя долго ждать?

– Сейчас. – Альена пыталась сосредоточиться, но это у нее получалось не очень. Вот она попробовала пройти сквозь дверь, но безуспешно.

Я подозрительно посмотрел на нее.

– Ну что смотришь?! – сердито спросила она. – Это не самое любимое мое упражнение.

Я понаблюдал еще за тремя ее попытками. Потом вздохнул и вышел из квартиры целиком. Зашел к ней сзади и своими руками соединил ее ладони вместе. Альена дернулась, но я был сильнее. В конце концов она сообразила, что я просто пытаюсь ей помочь, и успокоилась.

– Закрой глаза. А теперь внимательно слушай меня. Сосредоточься. Я обычно представляю, что нахожусь в межмировом пространстве, где нет никаких стен и преград.

Моноotonно рассказывая о важности сосредоточения, я, по сути, гипнотизировал ее. Потом сделал шаг вперед. Алена повторила его. Я сделал следующий шаг. Так шаг за шагом мы подошли к двери и прошли сквозь нее.

– Долго еще там сосредотачиваться? Кажется, я поняла. Сейчас пройду.

Я хмыкнул и отпустил ее руки. Потом хлопнул по плечу.

– Идиот! – рявкнула Алена. – Ты мне всю сосредоточенность сбил! – Тут она увидела, где находится, и замерла с открытым ртом. – У меня получилось? – недоверчиво прошептала она.

Я же, разглядывая ее потрясенный вид, начал кое о чем догадываться.

– Слушай, а ты как в школе? В смысле, отличница?

Алена сердито уставилась на меня. Потом потупила взгляд.

– Нет. В основном тройки.

Я так и сел.

– Вот угораздило же меня так влипнуть! Ну, дядя! Ангел-троечник. Ужас.

– Можно подумать, ты у нас отличник!

– Представь себе. Я третий в школе по успеваемости. Даже участвовал в соревнованиях. Кстати говоря, однажды был

и на турнире в Раю в числе команды Ада против вашей. Занял четвертое место. Но там я сам виноват. Не совсем правильно сотворил фантом. Я потом долго тренировался. Но это ерунда.

Альена недоверчиво изучала меня.

– Черт-отличник.

– Ангел-троечник, – в тон ей отозвался я. Мы посмотрели друг на друга и захихикали. – Команда у нас получилась еще та.

Альена рассмеялась и тут же зажала себе рот.

– Ой, а вдруг в квартире кто-то есть. А мы тут шумим.

Я махнул рукой.

– В квартире кто-то есть. А именно Ненашев Виктор Николаевич. Отец Алексея. Он нас не услышит. Об этом я сразу позаботился. Так что можешь хоть петь.

– А что мы тогда будем делать?

– Ждать ночи. – Я молча прошел в комнату, где спал Виктор Николаевич, и уселся в единственное кресло, не обращая никакого внимания на спящего мужчину. Альена недоуменно смотрела то на меня, то на отца Алексея.

– А зачем? – поинтересовалась она.

– Что зачем?

– Зачем ночи ждать?

– А затем, что только ночью творятся черные дела.

– Глупость. Самые страшные преступления всегда совершались днем.

– Ну и что? Да ты садись. Нам еще долго ждать.

– В таком случае мог бы и уступить девочке место.

– Зачем? Мне стоять совершенно неудобно будет.

– Черт!

– Конечно, – усмехнулся я. – Разве у тебя были какие-то сомнения в этом?

– Невоспитанный хам.

– Как верно тут было подмечено, я черт.

Альена чуть ли не обиженно уставилась на меня. Потом мрачно уселась на полу в позе лотоса. Я же прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла, устраиваясь поудобнее. Мерно тикал будильник.

Отвлек меня от медитации звонок в дверь. Я приоткрыл один глаз и огляделся. Альена по-прежнему сидела на полу в позе лотоса. На кровати спал Ненашев. Звонок повторился. Ненашев недоуменно приподнял голову и огляделся. Нас, естественно, он не увидел. С ворчанием встал и оправил свой костюм. Хм, довольно странная пижама, на мой взгляд. Совершенно неудобная. Тут звонок повторился в третий раз.

– Иду! – буркнул Ненашев. Загремел замком.

– Ненашев Виктор Николаевич? – услышал я чей-то официальный голос.

– Я. – Голос отца Алексея вдруг как-то даже охрип. Мы с Альеной переглянулись.

– Кажется, начинается. Скоро будет интересно.

– Ничего интересного не будет. – Альена тоже поднялась.

Мы с ней отошли в угол комнаты и замерли. Вот дверь комнаты открылась, и в нее вошел Ненашев Виктор. За ним человек в форме. Последним в комнате появился Алексей. Он был даже не бледным. Серым. И с откровенным ужасом смотрел на отца.

– Виктор Николаевич, я бы хотел поговорить с вами о вашем сыне, – начал милиционер. Похоже, это был участковый.

– Что еще натворил это паршивец?!

– Понимаете, тут довольно странно. Он был свидетелем ограбления киоска Респечати. Когда же его спрашивают о том, кто грабил, он говорит, что не знает. Постоянно путается в рассказе. И еще у него была сумка с крадеными вещами...

Я перехватил взгляд Ненашева, который тот бросил на сына. Алексей буквально затрясся. Рядом вздрогнула Альена.

– Он говорит, что подобрал мешок, когда неизвестные воры удирали...

Дальнейший разговор был не слишком интересен. Участковый все пытался выяснить, не замечал ли Ненашев за своим сыном в последнее время каких-то странностей. Ненашев что-то там юлил, стараясь выглядеть строгим, но справедливым.

– Понимаете, – подобострастно говорил он, – у мальчика недавно умерла мать. Для него это явилось настоящим потрясением.

– О, извините, не знал.

– Да, вот так вот. Да и на меня смерть жены подействовала... да вы ведь и сами видели, как у нас дома. Все никак не могу взять себя в руки. Понимаю, что надо жить хотя бы ради сына, но как вспомню жену, так все из рук валится.

– Ну, лицемер! – восхищенно протянул я. – У него можно поучиться.

– Он не врет, дурак, – буркнула Альена.

– Он верит, что говорит правду. А это не одно и то же, что не врет.

– Умник. – Альена замолчала. Я же без всякого интереса прислушивался к разговору, прекрасно понимая, чем он закончится.

Как я и ожидал, в конце концов милиционер извинился и ушел, сообщив напоследок, что в связи с запутанностью дела, а также уверений киоскерши, что Алеша в краже участия не принимал, никаких последствий это дело для Алексея иметь не будет.

– Но вы все же займитесь сыном.

– Это я обещаю. Наверное, я слишком долго горевал по жене.

Ненашев проводил милиционера и вернулся в комнату. Молча встал у дверей и впери́л тяжелый взгляд в сжавшегося мальчика.

– Так, значит, дело уже дошло до краж. Мало того что ворует деньги из дома, так теперь еще киоски обкрадываешь.

И на что тебе не хватает?! На выпивку? Курево?

– Уж кто бы говорил, – буркнула Алена.

– Видно, мало я тебя учил. Ну ничего. Это я исправлю. Ты у меня навек отучишься воровать. – Ненашев отстегнул брючный ремень и зацепил пиджак, висящий на спинке кровати. Пиджак упал, и из него выпал кошелек. Алеша сильнее втянул голову в плечи. Ненашев сначала недоуменно уставился на кошелек, потом на сына. Сощурился, заметив его реакцию. Потом поднял кошелек и заглянул в него.

– Та-а-ак, – протянул он. – Значит, вот как.

– Я же говорил, надо было брать все. Если уж все равно попадет, так бери по полной, – покачал я головой. За это я немедленно схлопотал подзатыльник от Алены.

– Папочка, я больше не буду, – как-то вяло и обреченно пробормотал Алеша.

Даже у меня, черта, от этих обреченных слов сердце перевернулось. Однако отец Алексея был не черт. Он был человеком. И его сердце, похоже, осталось на месте. Он молча подошел к сыну и сдернул с него штаны, уложив на кровать. Затем замахнулся и ударил. Сначала он выбирал, куда бить, но дальше, войдя в раж, он уже лупил куда попадал, даже не соизмеряя силу. Алеша уже не плакал, стонал.

Алена дернулась, но я вовремя успел ее перехватить.

– Куда?! Ты же только хуже сделаешь!

– Но я не могу!!! Я не могу на это смотреть!!! – Она отвернулась и уткнулась мне в плечо.

– А твое вмешательство ему поможет?!

– Так сделай что-нибудь! Эзергиль, ну прошу тебя!!! Хочешь, на колени встану?!

Я слегка отстранил Альену от себя и всмотрелся в ее лицо. Она не шутила.

– Ладно. Но на колени вставать не надо. Просто пообещай мне кое-что.

– Что?

– Ты не будешь мне мешать выполнять мой план. Ты будешь делать все, что я скажу.

Альена отшатнулась. Ее глаза сверкнули. В этот момент ремень Ненашева, видно, ударил слишком сильно, и Алексей тихонько заскулил. Альена дернулась, будто это ее ударили.

– Ладно!!! Будь ты проклят!!! Есть ли у тебя сердце?!!

– Сердце? У черта? – Я хмыкнул.

– Я же пообещала!!! Сделай что-нибудь!!!

– Жди меня здесь.

Я молча вышел из комнаты и покинул квартиру. Оглядел себя. Нет, так не пойдет. Я закрыл глаза и щелкнул пальцами. Потом внимательно оглядел себя. Вот так лучше. Белый отглаженный костюм сидел на мне будто сшитый по заказу. Стального цвета рубашка. Однако, как и на любом мальчишке, подобный костюм надет несколько небрежно. Пиджак расстегнут, рубашка слегка сбита. Тем не менее от всего моего вида буквально веяло деньгами. Даже не деньгами, а Деньгами. И любой болван понял бы, что мой костюм приобретен

вовсе не в секунд-хэнде. Подождав несколько секунд у двери, я нажал звонок. Потом еще раз.

– Кого там черт несет?! – раздалось из-за двери. Я даже улыбнулся. Как верно подмечено. Именно черт несет.

Дверь распахнулась, и на пороге показался встрепанный Ненашев. Он уже готов был разразиться гневной речью, но слова буквально замерли у него на губах. Он несколько оторопело уставился на меня.

– Здравствуйте, – поприветствовал я его. – Могу я встретиться с Ненашевым Алексеем?

Виктор Николаевич моргнул.

– Ты кто такой?

– О, прошу прощения. Эдуард. Эдуард Вяземский. А вы, наверное, отец Алеши?

– Ну да.

– Гм, могу я войти?

Виктор Николаевич оторопело отошел, пропуская меня в квартиру.

– Ты кто? – умно повторил он прежний вопрос.

– А разве вам Алексей не объяснил? Понимаете, он меня недавно крепко выручил. Как это по-русски... э бьен муа... а, помог. Помощь, да. Понимаете, мы с отцом только недавно приехали в Россию. Отца потянуло на землю предков. У нас в семье вообще чтят бывшую родину, несмотря на то, что в семнадцатом наша семья потеряла все свои поместья. Я вот по-русски даже видите как хорошо говорю?

– Ты кто?

Заклинило его что ли?

– Так вот. Понимаете, я вот вышел из дома и забыл кредитку. В общем, остался без денег. А тут Алексей очень помог. Одолжил пятьдесят рублей. Я ему пообещал вернуть. Он меня просто спас.

– Он одолжил пятьдесят рублей?

О, уже прогресс. По крайней мере от вопроса «Ты кто?» уже отошли. Если так пойдет и дальше, то можно и еще слова выучить.

– Ну да. Просто спас меня. Так вот, я хочу возвратить долг. Могу я встретиться с Алешей?

– Его нет дома.

Я покосился на дверь комнаты, откуда доносилось приглушенное всхлипывание.

– Его нет дома! – с нажимом повторил Виктор Николаевич.

– О, понял. Ладно. Тогда не соблаговолите ли вы, сударь, передать сыну вот это. – Я небрежным жестом протянул ему пятисотку.

– У меня нет сдачи, – как-то даже осип Виктор Николаевич.

Я небрежно махнул рукой.

– Какие пустяки. Пусть это будет Алеше за беспокойство. Не каждый ведь одолжит деньги совершенно незнакомому человеку. Не хватало еще из-за такой мелочи торговаться. А

сейчас, извините, мне пора идти. Меня шофер ждет. Я обещал долго не задерживаться.

Я слегка поклонился и вышел из квартиры. Вызвал лифт. Отец Алеши же так и остался стоять у двери с ошалелым взглядом и пятисоткой в руке.

– А... может, чай попьете? – несколько неуверенно промямли он.

Я улыбнулся.

– С радостью бы, но, увы, некогда. Извините. – В этот момент подъехал лифт, и я скрылся в кабине.

Когда я снова появился в квартире Ненашевых, там была тишь и благодать. Ненашев-старший несколько растерянно вертел в руке пятисотку и поглядывал на сына. Тот, поставивая, лежал на кровати, до крови закусив губу.

– И почему ты не сказал, что отдал мои деньги этому... – Ненашев жестом изобразил то, что, по его мнению, должно означать франта.

Алеша что-то простонал. Из-за боли он вряд ли даже услышал отца. У его изголовья сидела Альена и пыталась принять часть боли мальчика на себя. Троечница, блин. Даже это толком сделать не может.

Я отошел в уголок, прислонился к стене и оттуда стал смотреть на это душераздирающее зрелище. Отец семейства с купюрой в руке, стонущий мальчик и ангел у его кровати. Ну, прямо рождественская открытка. «Ангел чудесно исцеляет больного». Только вот у нашей троечницы с чудесным

исцелением что-то не ладилось.

– А ну брысь к себе! – велел отец.

Алеша испуганно вздрогнул. Поспешно поднялся и не удержался от стога.

– Ты еще постони мне тут!!! – взъярился Виктор Николаевич. – Можно подумать, тебе сильно досталось!

Я заметил, как при этих словах гневно раздулись ноздри Альены. Алексей же поспешно выскочил из комнаты, хотя было видно, какую боль причинял ему каждый шаг. В последний момент я успел перехватить Альену.

– Спасибо, – пробормотала она. – Я думала, он убьет его.
– Не за что.

Альена вдруг уткнулась мне в плечо и разревелась. Я растерянно похлопал ее по спине. Вот картинка. Ангел, рыдающий на плече у черта. Сказать кому, засмеют.

– Я самонадеянная дура! Кретинка! Я даже не могу ему помочь! Ну почему я так плохо слушала в школе! Сейчас же сообщу в школу, что провалила задание. Пусть пришлют кого-нибудь вместо меня. Пусть я останусь на второй год! И поделом мне! Я ничего не могу.

– Угу, – согласно кивнул я. – Совсем ничего не можешь.

Альена в ярости уставилась на меня.

– И это все, что ты можешь сказать? Спасибо за сочувствие!

– Сочувствие – это по части ангелов, – невозмутимо заметил я. – То, что ты останешься на второй год, меня тоже

мало волнует. В конце концов, это твои проблемы. Но вот что определенно ты не можешь сделать, так это бросить все и уйти.

– И кто мне может помешать?!!

– Твое обещание. Забыла? Могу напомнить. Ты можешь признать поражение и остаться на второй год. Но никто не сможет оставить тебя в ангелах, если ты нарушишь обещание. А мне нужна твоя помощь. Так что ты останешься, хочешь ты этого или нет.

– Ты бесчувственный чурбан!!! Грубый, нахальный, самодовольный...

– ...черт, – закончил я за нее. – Знаю. Но я в отличие от доброго, порядочного, сердечного ангела не прогуливал уроки в школе и кое-что умею. А ты не смогла даже облегчить ребенку боль. Так что лучше молчи.

Альена покраснела от ярости. Над головой вспыхнул, разгораясь, нимб. Мне даже больно стало смотреть на нее. И Виктор Николаевич, похоже, что-то почувствовал. Не каждый человек способен выдержать присутствие ангела. Он занервничал. Нервно заходил по комнате. Да, простое присутствие ангела способно разбудить даже крепко спящую совесть.

– Значит, я не могу помочь?! – прошипела девчонка. Она развернулась и вышла прямо сквозь дверь. Я улыбнулся. Главное – хорошенько разозлить. Назвать неумехой, чтобы ей просто назло мне захотелось бы доказать, что она не

неумеха.

Улыбаясь про себя, я последовал за ангелом. Альена тем временем склонилась над мечущимся в бреду мальчиком, и положила ему на лоб руку. Я нахмурился. Похоже, Ненашев перестарался. Если не оказать помощь, то дело может закончиться довольно печально. Альена вдруг как-то изогнулась и застонала. На лбу у нее выступили капли пота. А вот мальчик, наоборот, затих. Я подошел и задрал рубашку на спине ребенка. Самые страшные рубцы медленно бледнели. Кровоточащие раны затягивались. Я покосился на Альену и оттолкнул ее.

– Не перестарайся.

Альена медленно открыла глаза и посмотрела на меня. Потом согласно кивнула.

– Да, – с трудом проговорила она. – Если вылечить полностью, будет трудно объяснить, как это произошло. По крайней мере никаких осложнений не будет.

Я кивнул.

– Альена, – позвал я.

Девочка медленно обернулась. Я показал большой палец.

– Молодец. И не слушай никого, кто говорит, что ты ничего не умеешь.

Она медленно улыбнулась. И словно солнца луч заиграл в комнате.

– Не думала, что скажу это черту, но благодарю.

Я ухмыльнулся.

– Да не за что. Приходите еще. Я и не так обзываться умею.

– А все-таки ты хам.

– Ну да, – пожал я плечами. – Я же черт.

– Так, что будем делать дальше?

– Дальше мы будем ждать ночи. Кстати, в этой комнате есть несколько стульев. Так что можно сесть.

– Какой ты заботливый, Эзергиль, – едко отозвалась Альена. Похоже, она уже пришла в себя от недавних упражнений и снова была в форме.

– Ну, так... стараемся.

Альена бросила в мою сторону сердитый взгляд и молча села на ближайший стул. Видно, решила не вступать со мной в спор. Я же, понимая, что ей надо отдохнуть после сегодняшнего напряжения, тоже замолчал. Взять в себя боль человека – это вам не шутка. Все-таки в ангелах есть что-то от сумасшедших. Кто бы меня заставил принять в себя чужую боль. Я бы такому заставляльщику популярно объяснил, куда идти и что делать по прибытии. А тут добровольно. Кошмар.

Я молча встал и подошел к окну. Оно как раз выходило на запад, и я мог наблюдать закат. Все-таки, когда солнце медленно опускается за горизонт, в этом зрелище есть что-то величественное. Хотя, подозреваю, Альена со мной не согласилась бы. Наверняка ей больше понравился бы восход. День и ночь. Инь и Янь. Две стороны одного и того же. Именно на

этом я и построил свой план. Только вот что получится? Ох, дядя, и втравил ты меня.

Солнце уже давно скрылось из вида, и на Землю опустились сумерки. Время Зла, как верили люди в старину. Как черт ответственно заявляю: чушь все это. Правильно заметила Альена, самые страшные преступления замышлялись и совершались в основном при свете дня. Впрочем, я отвлекся. В настоящий момент это совершенно несущественно. Главное, что люди верят во Зло ночью. На этом и надо сыграть.

Я отошел от окна и вышел на середину комнаты. Оглядел свой белоснежный костюм. С того момента, как я представлялся Эдуардом Вяземским, я так и остался в этом костюме. Нет, так не пойдет. Я изменил свой наряд и теперь щеголял в одежде темных тонов. Не забыл и о черном плаще. Глупость, конечно. Черт в подобных нарядах, соблазняющий человека, – как разведчик в темных очках и плаще с поднятым воротником. Но поскольку мой... э-э... клиент не совсем обычен, то для него в самый раз.

Я повернулся к Альене.

– Помнишь, что обещала?

Альена сердито сверкнула глазами.

– Это черту надо напоминать о его обещании.

– Отлично. В таком случае, что бы здесь ни происходило, как бы тебе ни не нравилось происходящее, прошу тебя, не вмешивайся. Даже не показывайся. Если Алеша тебя хотя бы увидит вместе со мной, то он будет потерян. Больше мы ему

помочь не сможем.

– Так серьезно?

– Да. Тебе во многом придется просто довериться мне.

– Довериться черту?! Я еще не сошла с ума!

– Возможно. Но соблюдать свое обещание будешь. Однако на доверии было бы лучше. Слушай, мне ведь тоже не хочется оставаться на второй год. К тому же... у меня есть еще одна причина решить эту проблему. В общем, мы на одной стороне.

– Хочется верить.

– Верь. Но если верить не сможешь, помни про обещание. Мои требования просты: не вмешивайся, не показывайся. Молчи, смотри, запоминай.

Альена сердито насупилась, но покорно склонила голову. Я кивнул ей. Потом секунду постоял, собираясь с силами. Ну, начинаем представление. И что я так волнуюсь? Ладно, чем больше жду, тем меньше решимости начинать у меня остается. Я решительно вышел на середину комнаты и замер, глядя на спящего беспокойным сном мальчика. Скинул с себя морок. Мои глаза вспыхнули в ночи и засверкали, как два уголька. Алеша беспокойно зашевелился и открыл глаза. Наши взгляды встретились...

Глава 3

Первое, что я вынужден был сделать, это подавить страх мальчика. Пожалуй, не каждый отнесется спокойно к появлению среди ночи незнакомца в собственной комнате. Алеша, кажется, был слегка удивлен тем обстоятельством, что не испытывает страха. Он сел в кровати и уставился на меня, изредка морщась от боли.

– Ты кто? – наконец спросил он.

Я улыбнулся.

– А ты хотел, чтобы я кем оказался?

От такой постановки вопроса мальчик растерялся.

– Ты вор?

– Я? Вор? Нет. Я, скорее, покупатель. Продаю решение проблем людей, покупаю то, что людям не нужно. У тебя есть проблемы?

Алеша уныло хмыкнул.

– У меня вся жизнь сплошная проблема.

– Что ж, – кивнул я. – Это тоже решаемо. Если жизнь становится проблемой, можно от нее избавиться. Ты как предпочитаешь? В окно выпасть или под поезд? Могу предложить яд. Совершенно безболезненный.

Мальчик отшатнулся, в ужасе уставившись на меня.

– Ты хочешь меня убить?

– Я?! Конечно, нет. Я же говорю, я решаю проблемы

людей. Ты пожаловался на свою жизнь. Я тебе предложил несколько способов эту проблему решить. Хотя, знаешь, на твоём месте я бы задумался над теми проблемами, которые делают проблемой твою жизнь.

– Да кто ты такой?!

Я опять улыбнулся.

– Ты не поверишь.

– И все же?

– Я черт.

– Ага. А я ангел.

– Вот видишь. Я же говорил, что не поверишь.

– И что тебе от меня надо?!

– А что черту может понадобиться от человека? Конечно, его душа. В обмен я могу выполнить любое твоё желание. Хочешь денег? Пожалуйста. – Я махнул рукой, и перед кроватью Алеши выросла небольшая горка золотых монет. Уж чего-чего, а этого добра в Аду хватало. Каждый черт мог без счета черпать золото из хранилища. Тем более что золото в Аду ценилось не выше песка.

Мальчик недоверчиво уставился на монеты. Слез с кровати и осторожно пощупал их.

– Я сплю.

– Хочу еще напомнить сегодняшней инцидент у киоска. Я все видел. Это ведь я пришел тебе на помощь. И сегодня тебя выручил. Кем, по-твоему, был тот человек, кто принес твоему отцу пятьсот рублей? – Я покосился на Альену, ко-

торая медленно закипала, слушая нашу беседу. Но, помня обещание, не вмешивалась, оставаясь невидимой.

Алеша вдруг замер.

– А отца можешь убить?

– Увы, нет. Я не имею права вмешиваться напрямую в жизнь людей. Только действуя через них. Однако если тебя это беспокоит, могу свести тебя с нужными людьми. Заплатишь им вот этим золотом, и все. Или, если тебе жалко золота, могу предложить яд. Гарантирую, что никакое вскрытие не обнаружит его в крови. Только влей с десятка капель в водку, и все.

Я достал из воздуха пузырек.

– Вот.

Алеша отшатнулся.

– Я должен...

– Ну не я? Говорю же, я могу действовать только через людей. Инструмент мой, исполнитель ты. Как видишь, все просто.

Алеша неуверенно протянул руку и взял пузырек. Его рука дрожала.

– Однако, – невозмутимо продолжил я, – учел ли ты последствия?

– К-ка... какие?

– Ну... ты несовершеннолетний. Убив отца, ты отправишься в интернат. Тебе это надо?

Алеша опустил взгляд.

– Я его ненавижу!

– Знаю. Твоя ненависть и привела меня сюда. О, ненависть!!! Это... это песня. Как она сладка. Особенно она сладка, когда видишь, как твой враг корчится от унижения на твоих глазах... Разве я не прав?

– Н-не знаю...

– Хм. Ты еще очень молод. Если хочешь, я тебя научу. Хочешь научиться ненавидеть по-настоящему? А потом заставить своего отца приползти к тебе на коленях?

– Я... я не хочу...

– А почему? Он же ведь убил твою мать.

– Откуда ты знаешь?!!

– Я же черт. Я знаю все. Хочешь, я расскажу, как все случилось? Однажды твой отец...

– Не надо!!!

– Ну, вот видишь. Ты и сам все понимаешь. Так неужели ты простишь его?

Алеша крепко задумался. Эх, молодость, молодость! Как все предсказуемо. И как давно он взращивал свою ненависть. Неудивительно, что его мать никак не хочет покидать Землю. В своем теперешнем состоянии она прекрасно понимает, чем все может обернуться для сына. Но отец... Неужели он не понимает, чем все закончится? Или уже за бутылкой он ничего не видит? Все-таки во всем этом есть что-то странное. А вот мне даже интересно, устоит он против соблазна или нет. А ведь хочется, чтоб устоял. Чертовски хо-

чется. Недаром же я прямо сказал, что я черт. Может, вспомнит разные сказки?

– А ты не похож на черта, – неожиданно заметил Алеша.

– Интересно. А многих чертей ты видел?

– Нет... но... все равно не похож.

– Ясно, – хмыкнул я. – Не знаю, как правильно, но это точно неправильно. А вот так?

Я преобразился. Теперь я выглядел как козел, стоящий на задних ногах и с руками вместо передних копыт. Рога, хвост, все как положено. Короткая черная шерсть по всему телу. Кошмар, короче. Встретишься с таким ночью – зайкой на всю жизнь останешься. По крайней мере я бы точно остался. У людей определено чрезмерно богатое воображение. Как они представляли себе такое страшилище, втирающее в доверие к людям ради покупки их душ? Нет, в таком виде можно вызвать у человека полное доверие только при условии, что этот человек будет слеп на оба глаза и глуп как карась.

– Или так? – Я снова изменил облик, представ в виде высокого дяди с козлиной бородкой и длинным худым лицом.

– Так ты действительно...

– Действительно. Самый натуральный черт. Что мне еще сделать, чтобы ты поверил?

– Не знаю.

– В таком случае почему бы нам не поговорить о твоих проблемах? Если я черт, то я помогу тебе их решить. Если

нет... ну что ты теряешь? Итак. – Я достал блокнот и ручку и приготовился писать. – Что ты хочешь?

– Ну... – Алеша задумался, наморщив лоб. Ох, ребенок. Для него все это игра. Но ненависть у него настоящая. Здесь уж я ошибиться не мог. Смесь взрывоопасная. – Хочу, чтобы у меня было много денег. Хочу машину. – Я старательно писал. А мальчишка разошелся не на шутку. Хм, далеко пойдет парень. Интересно, а пароход с большой трубой ему зачем? По местному ручью, ошибочно именуемому рекой, плавать?

– Все? – поинтересовался я, когда мальчик выдохся.

– И еще радиоуправляемую модель танка, какую видел в магазине.

Я покосился на солидный список в блокноте. Потом на мальчика.

– А настоящий танк тебе не нужен? Чего уж мелочиться? Ладно, шутки закончились. Теперь давай поговорим серьезно...

– Я думал, ты выполнишь все мои желания.

Я вздохнул. Потом сел рядом с мальчиком.

– Выполнить твои глупые желания я могу. Ну и что? Давай разберем их. Пункт первый: много денег. Выполнить его проще всего. – Я кивнул на стопку золота. – Я могу сделать, чтобы у тебя каждый день под кроватью появлялось по золотой монете. А ты подумал, что будет дальше? Были миллионеры подпольные, а ты первым в истории будешь миллионером подкроватным. Как ты собираешься тратить эти деньги?

Как объяснишь их появление отцу? Большие покупки интересуют власти – ребенок тратит большие деньги, а где он их берет? Что ответишь?

– Тогда еще один пункт – защищай меня.

– Ну нет. Я не ангел-хранитель. Кстати, твои остальные пожелания не лучше. Я уже молчу о том, что если у тебя будет много денег, то большинство из них ты можешь выполнить и без моего участия.

– Тогда какая мне от тебя польза?! Денег не даешь. Остальное выполнять отказываешься.

– Деньги, деньги, дребеденьги. Ты всерьез полагаешь, что деньги принесут тебе счастье?

– Меня будут уважать и бояться! Как дядю Василия из третьего подъезда.

Дядю Василия? Я заглянул в подаренный блокнот, быстро вписав адрес и имя.

«Из какого архива желаете получить сведения: адского или райского?» – появился вопрос вместо вписанного мной.

«Обоих!» – сердито написал я. Через секунду в блокноте появилось два текста – ответ на мой запрос. Причем ответ из Рая был написан какими-то сверкающими чернилами, которые, казалось, даже переливались всеми цветами радуги. Ответ из Ада был небрежно накарябан тушью. С первых же слов стало ясно, кто и как уважает дядю Васю. А вот с боязнью – да. Такого стоит бояться. Н-да. Чистилищем тут даже и не пахнет. Вопрос, как говорится, ясен.

– Значит, как дядю Васю? Что ж... Ты не передумал?

– Нет!

– Ты хочешь много денег?

– Хочу. Я тогда покажу отцу...

– Покажешь, покажешь. Только уточни, пожалуйста, что значит для тебя «много». Много – это слишком расплывчато.

– Ну... много. Миллион.

– Рублей, лир, фунтов, долларов?

– Долларов.

– Отлично. – Я быстро сотворил пергамент с договором. –

Прочитай и распишись.

Алеша недоуменно взял пергамент и попытался зажечь свет. Но сам пергамент светился так ярко, что читать на нем можно было и в темноте. Мальчик перечитал договор несколько раз, но было ясно, что он мало что там понял.

– Говорю коротко, – вздохнул я. – Я обещаю в течение недели снабдить тебя миллионом долларов. Причем так, что это ни у кого не вызовет подозрения. Также в течение этой недели я обещаю взять тебя под свою защиту до выполнения мной пункта договора. В обмен ты отдаешь мне свою душу. Вопросы?

– Фигня все это, – буркнул Алеша. – Я тебе все равно не верю. Кто-то шутит глупо.

– Почему бы не проверить? – Я молча протянул ручку. Особую ручку. Подпись кровью – полная чушь. Кстати, как и сам договор с дьяволом. Пожалуй, за всю историю я был

первым чертом, который заключил договор с человеком. Но людские суеверия порой бывают такой полезной вещью... И ведь никому в голову не приходит, что ни черту, ни дьяволу вовсе нет нужды покупать душу у человека. Люди сами их отдают нам. Бесплатно. Да еще и радуются при этом. Эх, наивная молодость.

Алеша, хмуро поглядывая на меня, подписал. Хм, а ведь, похоже, он просто не понимает ничего. Думает, что просто спит, а все это ему только снится.

Я аккуратно свернул пергамент с договором и посмотрел на мальчика.

– До утра, будущий миллионер.

Не поворачиваясь к Алеше спиной, я попятился, медленно растворяясь в воздухе. Вернее, это ему казалось, что я медленно растворяюсь в воздухе. На самом деле я просто медленно окружал себя мороком, снижая его прозрачность.

– Доволен?! – сердито поинтересовалась Альена, когда я полностью закрылся от земного мира.

– Ты знаешь, нет.

– Конечно!!! Получил душу ребенка и недоволен.

– Послушай, ну не превращайся в идиотку. Уж ты-то знаешь, что людские души таким образом не получают. Мы, черти, можем соблазнить и увести с Пути. Тогда душа человека попадает к нам. Но не думаешь же ты, что душа человека попадет к нам из-за этой подписи?

– Тогда уничтожь договор.

– И не подумаю. Он дает мне власть над мальчиком. А это еще может пригодиться.

– Ты!.. Ты!..

– Я. Я.

Альена сердито отвернулась от меня и уставилась в окно.

– Ты так и собираешься всю ночь простоять? Мне кажется, нам стоит уйти из квартиры.

Альена молча направилась к двери. Но около нее обернулась.

– А что ты запланировал по отношению к отцу мальчика? Тоже договор?!

– Альена, ну не смейся курей! Какой договор? Это может сработать с ребенком, но никак не со взрослым. Он мне, во-первых, просто не поверит, даже если я представлю доказательства. Во-вторых, это только усложнит все. В-третьих, если к кому-то заявляется черт и говорит, что он готов с ним заключить любой договор в обмен на душу... по-твоему, как будет на это реагировать нормальный человек? Не-е, самый верный способ заполучить души людей – это убедить их, что никаких чертей нет. Как и ангелов. Ладно, пойдем отсюда. Видно, придется тебе все объяснить. Иначе так и будешь волком смотреть. А твоя помощь мне еще понадобится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.